

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№9 2021

Казань - 2021

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №9 2021г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2021. – 144.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № E11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – д.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
О.В. Чевела – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснулина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

С.Ю. Баранов ДРАКА ИВАНА АФРИКАНОВИЧА: БЫТОВОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	7
С.В. Бурдина, Ян Хао КОНЦЕПТ ЧАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА КАК НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	11
Т.Н. Воронина РОЛЬ ЧАСТУШЕК В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»	14
О.В. Дедюхина, О.И. Иванова КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И В.Г. КОРОЛЕНКО	18
Ли Гэнь КИТАЙСКИЙ ПОДТЕКСТ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»	23
Г.Х. Самирханова, Г.Ш. Байгужина СИМВОЛИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА АНТРОПОНИМОВ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МУСТАЯ КАРИМА	28

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

Н.С. Гегелова, А.М. Куприянов ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ	31
Ф.Х. Миннуллина, Г.Н. Зайнеева, Л.Ш. Гарипова НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС Ш. УСМАНОВА «КРОВАВЫЕ ДНИ» И Г. ИБРАГИМОВА «НОВЫЕ ЛЮДИ»)	34

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова, И.А. Баширова, С.А. Прямухина СПОСОБЫ ИНТЕГРАЦИИ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС	37
Л.Р. Бакирова ПОСТАНОВКА И КОРРЕКЦИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ [О] И [У] НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	41
Л.В. Бронник ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «КОВИД-19» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ	45
В.А. Гапутина, Е.А. Будник ПРИЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ	48
О.А. Глуценко СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОПАГАНДИСТСКОМ ДИСКУРСЕ ВАКЦИНАЦИИ	51
К.А. Окишева, А.В. Потанина ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФЕМИНАТИВЫ	54

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

М.В. Аксенова, А.А. Оладышкина ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ В РОМАНЕ ДЖ. ФРАНЗЕНА “БЕЗГРЕШНОСТЬ”	57
Д.Ш. Асулова, Н.А. Гаджиева, Я.Р. Ярова ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРЕКРАСНОЕ» (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Т. УАЙЛДЕРА «МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО»)	60

<i>Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман</i> ФРАКТАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПОСЛОВИЧНЫХ ТРАНСФОРМОВ В КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)	63
<i>Г.К. Гизатова, А.В. Зорина</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УСПЕХ» В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНАХ МИРАХ	66
<i>И.А. Дронова, Б.Б. Базарова</i> СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ В ПРОТОТИПИЧЕСКИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	70
<i>Л.М. Зиннатуллина, Л.Ю. Хафизова, Е.Е. Царева</i> КОМБИНИРОВАННОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	74
<i>И.Н. Кабанова</i> БРЕКСИТ КАК СФЕРА-МАГНИТ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В БРИТАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ	78
<i>А.А. Казаков, Е.Г. Ножевникова, А.Б. Языкова</i> ФЕЛИДНЫЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА	84
<i>В.Ю. Кузнецова</i> СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	88
<i>О.А. Первезенцева, Е.Л. Фрейдина</i> ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОСОДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМАТЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦИИ	91
<i>А.С. Рыбакова, Т.С. Нестерова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГАСТРОНОМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	95
<i>Е.Б. Рябых, В.В. Шишикина</i> ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПОИСКА И РАСПОЗНАВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В РАМКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ДИСКУРСА	98
<i>Ю.А. Хуснуллина</i> ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИРМЕННЫХ НЕОЛОГИЗМОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	104

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Е.В. Белова, Э.И. Котелевская</i> ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА)	107
<i>С.В. Богдашкина, О.И. Налдеева, М.И. Савостькина</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОРДОВСКОГО (МОКШАНСКОГО) ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ	110
<i>Н.В. Габдреева, Т.В. Маршева</i> СПОСОБЫ ЭЛИМИНАЦИИ ЛАКУН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ	113
<i>М.Л. Гельфонд, О.Н. Мишук</i> «ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В ТЕОРИИ ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ	117
<i>А.Н. Гуров</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИИ «ПАРА+ИНФИНИТИВ» В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	120
<i>Р.Ф. Мирхаев</i> ЯЗЫК ТАТАРСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПРОЗЫ: ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ	123
<i>Л.М. Мусина</i> «НОВЫЕ ОПЦИИ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ В КАЧЕСТВЕ ПОМОЩНИКОВ ПО МЕЖКУЛЬТУРНЫМ КОММУНИКАЦИЯМ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»	126
<i>Д.А. Прусакова, С.А. Резцова</i> НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ	130

АННОТАЦИИ

133

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>S.Y. Baranov</i> IVAN AFRIKANOVICH'S FIGHTING: HOUSEHOLD AND CULTURAL-HISTORICAL ASPECTS	7
<i>S.V. Burdina, Yang Hao</i> CONCEPT "TEA" IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY AS A MORAL-ETHICAL CATEGORY	11
<i>T.N. Voronina</i> THE ROLE OF CHASTUSHKAS IN BELOV'S STORY "BUSINESS AS USUAL"	14
<i>O.V. Dediukhina, O.I. Ivanova</i> THE CONCEPT OF CHILDHOOD IN WORKS BY F.M. DOSTOEVSKY AND V.G. KOROLENKO	18
<i>Li Gen</i> CHINESE SUBTEXT IN THE NOVEL "THE SACRED BOOK OF THE WEREWOLF" BY V. PELEVIN	23
<i>G.Kh. Samirkhanova, G.Sh. Bayguzhina</i> SYMBOLIC INTERPRETATION OF ANTHROPONYMS DRAMATURGICAL WORKS OF MUSTAY KARIM	28

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>N.S. Gegelova, A.M. Kupriyov</i> PROBLEMS OF YOUTH TELEVISION IN RUSSIA	31
<i>F.H. Minnullina, G.N. Zayneeva, L.Sh. Garipova</i> NEW IDEOLOGICAL AND AESTHETIC PRINCIPLES IN THE TATAR DRAMA OF THE 20S OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE PLAYS OF SH. USMANOVA "BLOODY DAYS" AND G. IBRAGIMOV "NEW PEOPLE")	34

10.02.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Astafieva, T.A. Koloskova, I.A. Bashkirova, S.A. Pryamukhina</i> WAYS TO INTEGRATE ART TECHNOLOGIES IN THE PEDAGOGICAL PROCESS	37
<i>L.R. Bakirova</i> INSTALLATION AND CORRECTION OF VOICE SOUNDS [O] AND [U] IN THE CLASSES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	41
<i>L.V. Bronnik</i> PECULARITIES OF FUNCTIONING OF THE CONCEPT "COVID-19" IN THE RUSSION DISCOURSE	45
<i>V.A. Gaputina, E.A. Budnik</i> HOW TO ATTRACT ATTENTION IN THE HEADLINES OF GLOSS MAGAZINES	48
<i>O.A. Glushchenko</i> MEANS OF VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL STATE OF A PERSON IN THE PROPAGANDA DISCOURSE OF VACCINATION	51
<i>K.A. Okisheva, A.V. Potanina</i> GENDER ASYMMETRY IN THE RUSSIAN LANGUAGE: FEMINATIVES	54

10.02.04 – PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>M.V. Aksenova, A.A. Oladyshkina</i> LINGUISTIC MEANS OF CREATING THE IMAGE OF EASTERN GERMANY IN JONATHAN FRANZEN'S NOVEL "PURITY"	57
<i>D.S. Asulova, N.A. Gadzhieva, Y.R. Yarova</i> LINGUISTIC UNITS REPRESENTING THE CONCEPT «BEAUTY» (BASED ON T. WILDER'S NOVEL «THE BRIDGE OF SAN LUIS REY»)	60
<i>E.V. Butenko, G.A. Tsimmerman</i> FRACTAL NATURE OF PROVERBIAL TRANSFORMS IN FILM DISCOURSE (BASED ON THE EXAMPLES IN RUSSIAN AND ENGLISH)	63

<i>G.K. Gizatova, A.V. Zorina</i> RESEARCH SOLUTIONS SELF-DIFFUSION OF ELECTROLYTES IN NONAQUEOUS NANOCARBON DISPERSION MATRICES	66
<i>I.A. Dronova, B.B. Bazarova</i> SEMANTIC ROLE AND ITS LINGUISTIC EXPLICATION IN PROTOTYPICAL SEMANTIC SENTENCE MODELS IN MODERN ENGLISH	70
<i>L.M. Zinnatullina, L.Y. Khafizova, E.E. Tsareva</i> THE PROBLEM OF INTERLINGUAL CORRESPONDENCE OF ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH AND RUSSIAN	74
<i>I.N. Kabanova</i> BREXIT AS A TARGET DOMAIN OF METAPHORIC EXPANSION IN BRITISH MASS MEDIA DISCOURSE	78
<i>A.A. Kazakov, E.G. Nozhevnikova, A.B. Yazykova</i> FELINE PERSPECTIVE: LINGUISTIC PECULIARITIES OF ANIMAL NARRATOR VIEWPOINT IN LITERATURE	84
<i>V.Y. Kuznetsova</i> SOCIOCULTURAL COMPETENCE AS AN IMPORTANT FACTOR OF TRANSLATION	88
<i>O.A. Pervezentseva, E.L. Freydina</i> CONTEXT FACTORS IMPACT ON THE PROSODIC REALISATION OF ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE IN VIDEOCONFERENCE FORMAT	91
<i>A.S. Rybakova, T.S. Nesterova</i> FEATURES OF THE TRANSFER OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A GASTRONOMIC COMPONENT INTO RUSSIAN	95
<i>E.B. Ryabykh, V.V. Shishikina</i> PROBLEMS OF AUTOMATIC SEARCH AND RECOGNITION OF AN INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHOR WITHIN THE FRAMEWORK OF ARTISTIC, JOURNALISTIC AND SCIENTIFIC DISCOURSE	98
<i>Y.A. Husnullina</i> FUNCTIONAL AND PRAGMATIC FEATURES OF BRAND-NAME NEOLOGISMS OF COMPUTER TECHNOLOGIES	104

10.02.19 – PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>E.V. Belova, E.I. Kotelevskaya</i> THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE AUTHOR (ON THE EXAMPLE OF LOVE DISCOURSE)	107
<i>S.V. Bogdashkina, O.I. Naldeeva, M.I. Savostkina</i> LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF STUDY MORDOVIAN (MOSHANIAN) LANGUAGE IN BASIC SCHOOL	110
<i>N.V. Gabdreeva, T.V. Marsheva</i> ELIMINATION OF LEXICAL GAPS IN HISTORICAL PERSPECTIVE	113
<i>M.L. Gel'fond, O.N. Mishchuk</i> THE "PRAGMATIC TURN" IN THE THEORY OF LANGUAGE: COMMUNICATION PROBLEMS	117
<i>A.N. Gurov</i> ABOUT SOME FEATURES OF THE CONSTRUCTION "PARA+INFINITIVE" IN MODERN SPANISH	120
<i>R.F. Mirkhayev</i> THE LANGUAGE OF TATAR EDUCATIONAL PROSE: FEATURES OF THE STYLISTIC USE OF ANTHRONYMS	123
<i>L.M. Musina</i> NEW OPTIONS FOR MOBILE APPS AS AN INTERCULTURAL COMMUNICATION ASSISTANTS (CASE STUDY: PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)	126
<i>D.A. Prusakova, S.A. Reztsova</i> NATIONAL SPECIFICITIES OF INTERNET TOURIST ADVERTISING	130

ABSTRACTS	133
------------------	-----

10.01.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

С.Ю. Баранов

Вологодский государственный университет,
институт истории и филологии,
кафедра литературы,
Вологда, sb.corde@mail.ru

**ДРАКА ИВАНА АФРИКАНОВИЧА:
БЫТОВОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

В статье предлагается интерпретация одного из эпизодов повести В.И. Белова «Привычное дело» в связи с традицией массовых деревенских драк в дни праздничных гуляний. Ярко характеризую персонажа и нравы среды, в которой разворачивается действие произведения, рассматриваемый эпизод в то же время демонстрирует признаки упадка данной традиции.

Ключевые слова: *драка, крестьянский тип, кураж, поведенческий стереотип, праздничное гуляние, эпизод-ситуация.*

Композиция повести «Привычное дело» основана на цепочке эпизодов-ситуаций, последовательно раскрывающих особенности характера Ивана Африкановича – от задумчивой «беседы» с мерином Парменом на зимней ночной дороге в самом начале до надрывного «пластания» на могиле жены в финале. Эти эпизоды-ситуации перемежаются сценами, где Ивана Африкановича как действующего лица нет и где на первый план выступают другие персонажи (главки «Союз земли и воды», «Детки», «Последний прокос» и др.). Но такие сцены наделяются в произведении значением обстоятельств, в которых разворачивается драма героя, и, в конечном счете, ориентированы на раскрытие его человеческих свойств и его судьбы. Невзирая на то, что неоднократно высказывалось мнение о Катерине как о более заслуживающем внимания претенденте на роль выразителя нравственного идеала в произведении [см., напр.: 3:97; 4:116], «Привычное дело» все-таки было и остается в восприятии интерпретаторов прежде всего повестью о человеческом типе, воплощенном в образе Ивана Африкановича. Образ этот многоплановый, противоречивый и однозначному истолкованию не поддается. Наряду с качествами «смирного» крестьянского типа, восходящего к традиции, представленной тургеневским Калинычем, мужиком Мареем Достоевского или Платоном Каратаевым Льва Толстого, в герое Белова потенциально присутствуют черты нарушителя спокойствия и даже бунтаря, протестующего против условий своего существования, против сложившейся репутации его как безропотного носителя бремени колхозника, исполнителя указаний начальства и человека «без свойств», без ярких личностных качеств – за исключением разве что способности к производству многочисленного потомства.

К числу эпизодов-ситуаций, в которых проявляются «несмирные» качества характера героя, относится сцена учиненной подвыпившим Иваном Африкановичем драки в конце главки «Фигуры». С одной стороны, это бытовой эксцесс, выпадение из привычного жизненного русла (реплика Катерины: «Это чего там мой-то наделал? <...> Напьются до вострия да и смешат людей-то»). С другой – заурядное событие, не заслуживающее особого внимания (реплика старика Курова: «Да чего, ничего вроде. Поплясать не дали, вот и вышел из всех рамок. А так ничего»). Но, с третьей стороны, это происшествие может быть осмыслено и более широко, в контексте поведенческих традиций русского крестьянства, как элемент образа жизни, с легкой руки Белова получившего именование «лада». На первый взгляд такое суждение кажется парадоксальным, но основания для него имеются.

«Выход из рамок» Ивана Африкановича подходит под определение «куража», который в словарях характеризуется как развязная смелость, пьяная заносчивость, похвальба, ломание, озорство, безобразничанье [см., напр.: 8: столб. 1854–1856]. Само слово, обозначающее поведение подобного рода (точнее, глагол «куражиться», производный от него), встречается у Белова только в повести «Плотнические рассказы» (куражится, притворяясь пьяным, молодой Авенир Козонков; куражится, кокетничая с приезжим из города, Геля-Нелли). Но, не будучи названным, явление это изображается и в других произведениях писателя («Тиша да Гриша», «Рыбачья байка», «Бухтины вологодские завиральные», «Кануны» и др.). Белов знал о нем не понаслышке. Оно было привычным в народной среде, обуславливалось, по представлениям сельчан, необходимостью «развязки», «веселья», «игры», «самоутверждения» в небогатой на яркие впечатления жизни и потому не являлось безусловно заслуживающим осуждения, что и нашло отражение в литературе на крестьянскую тему [см.: 5:89]. Кураж – атрибут праздничных гуляний, сопутствующее обстоятельство деревенских состязаний – таких, например, как лошадиные скачки [см.: «Кануны», ч. 1, гл. XVI]. Становился он нередко и прелюдией массовых драк.

Массовые драки между группами (ватагами) молодежи разных деревень считались «важным элементом традиционных праздничных гуляний», «своеобразным развлечением» и даже «кульминацией всего праздничного гуляния» [6:109]. Отношение к ним нашло отражение в поговорке «Добрый праздник не без драки» (или, в более циничном варианте: «Разве это праздник был, что никого даже не убили?»).

Традиционный «сценарий» коллективных праздничных драк включал в себя следующие компоненты: демонстративный проход ватаги по деревне противника, пение задиристых частушек, исполнение особого наигрыша «под драку» на гармони, провокации зачинщиков, призывы к действию («Кишки на батожки!» и др.), схватку с использованием попавшего под руку дреколя, камней, а также специально изготовленных орудий (тростей, дубинок с набалдашниками, свинчаток, гирек на ремешках и проч.), обращение в бегство одной из сторон, преследование бегущих, уход за пострадавшими, разработку и осуществление побежденными плана мести за поражение [6; 7; 9].

Существование стереотипов поведения участников драк обусловило появление в культурологии и этнографии понятия «культура драк». Согласно выводам исследователей, они способствовали снятию излишней мужской агрессивности, им отводилась важная роль в социализации крестьянского парня, в формировании и проверке его волевых и моральных качеств, в выработке чувства коллективной сплоченности, готовности к взаимовыручке и соблюдению определенных правил [9].

Воплощенное в произведениях Белова отношение к дракам неоднозначно. Он считал их результатом деградации древних кулачных боев, проходивших по определенным правилам и демонстрировавших настоящую мужскую удаль [2, т. 5:180]. В то же время участие в драке представлялось ему чем-то вроде акта инициации, необходимого условия превращения мальчика в «мужика», и стояло в одном ряду с такими знаменательными событиями, как «первое найденное в лесу гнездо, первые штаны, первое топорище, сделанное им самим, первая борозда, пройденная вместе с отцом <...> первая стопка за столом <...> первая частушка, спетая на улице трескучим, как у молодого петушонка, голосом: “Со веселой-то гулянки/ Повезут на лошаде,/ Неужели не подумаешь/ Милаха, обо мне?”» [1:329]. Примечательно, что эта «первая» в жизни подростка частушка тематически связана с дракой, с ее последствиями.

В произведениях Белова описаны разные виды драк: от стариковской потасовки Авинера Козонкова с Олешей Смолиным на почве «идейных» разногласий («Плотнические рассказы») до яростного столкновения ватаг парней из соседних деревень в «самый желанный» летний праздник Казанской иконы Божией матери (X гл. части второй романа «Кануны»).

В повести «Привычное дело» о драке в послевоенный праздничный Успенев день упомянуто как о некоем «ритуальном», игровом действе, которое, не доводя до кульминационного момента, необходимо хотя бы обозначить: «Ребята заводили на улице

драки, и девки и бабы растаскивали их, и они вырывались из женских рук, но вырывались ровно настолько, чтобы не вырваться и взаправду...» [2, т. 2:20].

Реальную, с возможным криминальным исходом драку затевает в состоянии пьяного куража Иван Африканович (главка «Фигуры»). Своеобразным ее предварением является хвастовство подвыпившего героя в самом начале повести, когда он заявляет своему «собеседнику» мерину Пармену: «...ежели я выпил, мне встречь слова не говори и под руку не попадай, у меня рука кому хошь копоты нагонит» [2, т. 2:10]. Описание самой этой драки выдержано в полукомическом, с пародийной окраской, ключе. Инцидент, вносящий дополнительные штрихи в характер героя, происходит во время загула, который устроил для земляков «пустоголовый братец» Катерины Митька. Атмосфера шумного веселья как будто бы создает условия для возникновения драк, приуроченных к праздничным массовым гуляниям. Но затеянная в горячую сенокосную пору попойка – не массовое гуляние, она не связана с узаконенной традицией деревенским праздником и сельчанами осуждается. Поводом для настоящей праздничной драки могло стать соревнование парней «на перепляс» [см. подобную ситуацию в «Канунах»: 2, т. 3:303]. Именно «перепляс», не собираясь при этом драться, ведут у бревен Мишка Петров и его дядя Пятак. Не состоявшийся гармонист Иван Африканович и талантом плясуна, по мнению окружающих, не обладает. Поэтому его порыв присоединиться к Мишке с Пятаком никто всерьез не принимает. И не ему адресуется провоцирующая на драку в условиях большого гуляния, а в данной «камерной» ситуации не совсем уместная, частушка: «Мне товарищ поиграет,/ Веселиться буду я./ Супостаты, со сторонки/ Поглядите на меня». Под «супостатами» в частушке подразумеваются парни из чужой деревни, перед которыми демонстрирует свое превосходство на гулянии плясун. Но за отсутствием реальных «супостатов» этот вызов принимает на свой счет Иван Африканович и поступает в полном соответствии с ожидаемой реакцией стороны, враждебной плясуну и его товарищам: «Только спел Мишка эту частушку, а Иван Африканович схватил еловый кол и на Мишку <...> Он дважды пробежал с колом по всей деревне, всех разогнал, вбежал в избу к Мишке Петрову, сунул ему кулаком в зубы. Мишка на него, навалились вместе с Пятаком, связали у Ивана Африкановича полотенцем руки и ноги, но Иван Африканович еще долго головой норовил стукнуть Мишку и скрипел зубами» [2, т. 2:69]. Заключительным моментом «вылазки» героя повести является розыгрыш, от которого у него «обмерло сердце», – сообщение о том, будто спящий на лавке Пятак – мертвец, жертва буйства во хмелю Ивана Африкановича. Все это воспроизводит ход событий в массовой драке, но только в урезанном и искаженном виде, в неподходящей ситуации, и потому выглядит нелепо и комично. Очнувшийся Пятак образно, но верно по сути определяет учиненную Иваном Африкановичем драку как «не те фигуры».

В контексте художественного целого повести «Привычное дело» драка Ивана Африкановича выполняет несколько функций: 1) в культурно-историческом плане демонстрирует деградацию и распад социокультурного «клада» деревни, элементом которого являлась праздничная драка; 2) в характерологическом – выявляет латентные свойства «смирного» характера Ивана Африкановича и тем самым предваряет «психическую атаку» на председателя колхоза при получении справки по десятой форме; 3) в сюжетном – вписывается в ряд событий, приведших к телеологически предопределенному трагическому финалу.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ
«Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова», проект № 19-012-00348*

Список литературы

1. Белов В.И. В родных палестинах: избранная проза. – М.: РИЦ «Классика», 2017. – 432 с.
2. Белов В.И. Собр. соч.: в 7-ми томах. – М.: РИЦ «Классика», 2011–2012.
3. Дедков И. Дневник. 1953-1994. – М.: Прогресс-Плеяда, 2005. – 792 с.
4. Залыгин С.П. Рассказ и рассказчик: заметки писателя / С.П. Залыгин // Наш современник. – 1971. – № 11. – С. 113–119.
5. Макина М.А. Творчество крестьянской «плеяды» в русской литературе начала XX века и «деревенская» проза наших дней / М.А. Макина // Русская литература. – 1980. – № 2. – С. 73-91.
6. Морозов И.А. Драки / И.А. Морозов // Духовная культура северного Белозерья: Этнодиалектный словарь – М.: ИЭА РАН, 1997. – С. 108–116.
7. Секацкий А.К. Фигура гармониста и проблема культурной монады / А.К. Секацкий // Белозерье. Краеведческий альманах. – Вып. 2. – Вологда: Легия, 1998. – С. 245–256.
8. Словарь современного русского литературного языка [: в 17-ти томах]. – Т. 5: И-К. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.– 1918 столб.
9. Холодная В.Г. Драки / В.Г. Холодная // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. – СПб.: Искусство–СПб, 2005. – С. 193–198.

10.01.01

С.В. Бурдина д-р филол. наук, Ян Хао

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, swburdina@rambler.ru, 1145842816@qq.com

КОНЦЕПТ ЧАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА КАК НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

В статье раскрываются особенности концепта чая в художественных произведениях русской литературы XIX века. Образ чая рассматривается как важный показатель духовных, социальных, семейных и культурных ценностей, значимый для характеристики героев произведений. Показывается, что анализ образа чая, чайной церемонии имеет большое значение для понимания художественной концепции произведения, а также для выявления этнокультурных и нравственно-этических традиций народа. Чай, «чаепитие», процесс приготовления и употребления напитка, атрибуты чайной церемонии рассматриваются как уникальные маркеры в определении национальной идентификации русского этноса.

Ключевые слова: *русская литература XIX века, концепт чая, чайная церемония, нравственно-этическая категория, национальная традиция, образ.*

В традициях многих народов чай является важной составляющей культуры, концепт чая можно назвать эстетической и нравственно-этической категорией. Чай, чайная церемония, процесс чаепития выступают в роли связующего звена и в диалоге культурного взаимодействия разных народов, способствуют развитию межнациональных отношений. Основой любого чайного процесса испокон веков становились психологические, нравственные, культурные приготовления, поэтому следует признать чай явлением не только межнациональным, но и общекультурным. Так, в России совместное чаепитие обозначало доверие, уважение, дружелюбность, содействие. А в XIX в. сложился чайный этикет, стали появляться чайные – заведения, которые не имели аналогов за рубежом.

«Аккумулируя знания из различных научных и предметных областей (истории, философии, эстетики, медицины, культуры повседневности, кулинарии, психологии, агротехники, художественного творчества и т.д.), концепт “чай” представляет национальную культуру и ментальность в концентрированном виде и имеет высокую ценностную маркированность» [6, с. 439]. В Древнем Китае чайная церемония была связана с внутренней психологической подготовкой, отказом от негативных факторов, освобождением внутренней энергии, успокоением. С понятием чая связаны многие культурно-этнические, обрядовые традиции китайского народа. Ду Цзяни в статье, посвященной изучению чайной культуры в России и в Китае, пишет, что, по наскальным надписям народности булан, традиция выращивания чайного дерева берёт своё начало в 696 г. н. э. и на сегодняшний день насчитывает более 1300 лет [1, с. 84]. Это говорит о том, что концепт чая можно определить как категорию эстетическую, являющуюся важной частью культуры русского и китайского народов, важным критерием определения нравственно-этических традиций.

Значимость чая как культурной категории определяет и его литературную функцию. Изучение содержания литературного аспекта концепта чая может помочь в интерпретации понятия с точки зрения историко-культурных традиций, фольклорно-мифологических представлений, национальной самобытности, символической семантики, психолого-эстетических ценностей – все это в целом позволяет определить нравственные и этические ценности «чая» как полноценного литературного образа и распространенного мотива русского словесного творчества. Распространение чайных церемоний, напитков, особых чайных заведений стало отличительной особенностью культуры России XIX века. Это

явление не могло не отразиться в художественных произведениях. Особое отношение к чаю русских людей той эпохи проявляется во многих произведениях русских классиков XIX века.

Важное место образу чая отводится в произведениях А.С. Пушкина, возможно, потому что сам поэт любил пить чай, об этом он признается в романе в стихах «Евгений Онегин»:

*...Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок - верный наш брегет* [3, с. 68].

Проанализируем семантику данного образа и определим нравственно-этический контекст концепции чая в романе в стихах «Евгений Онегин». В первую очередь автор воспринимает чаепитие как неперенный атрибут важных семейных и светских встреч, балов, переговоров, праздников. Напиток является существенной эстетической частью всех культурных мероприятий, «особенным» знаком, который во многом определял социальный статус хозяев дома, их финансовое благополучие; в то же время предложение чая обозначало и отношение к гостям: почитание, уважение, проявление симпатии, одобрения, желанности их присутствия и т.д.:

*Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай;
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»* [3, с. 20].

Чай представлен в произведении как культурный феномен русского народа. Это атрибут всех важных семейных праздников, вечерних посиделок. Виды чаепития всегда определялись по месту проведения, по времени и причине. Процесс чаепития имеет некий обрядовый, церемониальный смысл. Так, например, утром чай наливает Филиппьевна:

*Уж ей Филиппьевна седая
Приносит на подносе чай.
«Пора, дитя мое, вставай»* [3, с. 41].

Во время же вечернего чаепития напиток наливает «виновница» приема (Ленский в доме Лариных был принят как жених Ольги):

*Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора* [3, с. 27].

А.С. Пушкин описывает чаепитие как особую традицию провинциального дворянства. Стоит отметить, что особенности предпочтения чая, его употребления в русской культуре XIX века могли помочь охарактеризовать не только социальный статус, сословную принадлежность, отношение к человеку, принимающего участие в чайной церемонии, но и определить «географические» признаки хозяев дома. Так, в «Евгении Онегине» поэт точно подметил, что чаепитие – это культурно-социальный атрибут размеренной усадебной жизни, помогающий дать нравственную оценку участников процесса, выявить их эмоционально-психологическое состояние. «В то же время А.С. Пушкин дает понять читателю, что чаепитие является привычкой именно московской. Именно москвичи являлись истинными ценителями чая, в столице было много чайных, а в Петербурге предпочитали пить кофе» [2, с. 100]. Ларины следуют московским чайным традициям, следовательно являются москвичами, также и сам поэт считает себя более москвичом, чем петербуржцем. Так, в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?» поэт пишет:

*Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?* [4, с. 23].

Эта московская привычка, любовь к чаю нашла свое отражение и в романе-эпопее «Война и мир» как духовная, а чаще семейная, традиция, выявляющая особенность мировосприятия героев, противопоставленных столичной аристократии. Национальные чайные атрибуты, в первую очередь самовар, в романе приобретают символическое звучание, синонимичное,

например, камину в европейской литературе, семейному очагу. Самовар становится архетипическим образом, символом семейного благополучия, домашнего уюта, полноценности рода. Вспомним, как в представлениях Николая Ростова должна выглядеть истинная женщина, хранительница семейного очага: *«О всех барышнях, как и почти всякий честный молодой человек, он думал как о будущей жене, примеривая в своем воображении к ним все условия будущей супружеской жизни: белый капот, жена за самоваром, женина карета, ребятишки...»* [5, с. 275]. Чай для героя романа является признаком семейных ценностей, важным маркером определения нравственности во взаимоотношениях между членами семьи, показателем правильности выбора спутницы жизни: *«...четыре раза в год, в именины и рожденья хозяев, съезжалось до ста человек гостей на один-два дня. Остальное время года шла ненарушимо правильная жизнь с обычными занятиями, чаями, завтраками, обедами, ужинами из домашней провизии»* [5, с. 476]. Следует заметить, что чай, чаепитие становится для Николая Ростова некоторым нравственно-этическим ориентиром для определения правильности поступков, выбора семейных и моральных ценностей, автор не случайно акцентирует внимание на эпитете *«ненарушимо правильная жизнь»*.

В рассказах А.П. Чехова описание процесса чаепития становится показателем социального статуса героя, выражением нравственно-этической оценки внутреннего мира персонажа, критерием его культурного уровня. В рассказе «В овраге» деревенская женщина Липа, рассказывая о чаепитии, по угощениям, поданным к чайным церемониям, судит как о благодетельности хозяина дома, так и о его финансовом благополучии: *«Я, Илья Макарыч, до варенья очень охотница, — говорила Липа. — Сяду себе в уголочке и всё чай пью с вареньем. Или с Варварой Николавной вместе пьем, а оне что-нибудь рассказывают чувствительное. У них варенья много — четыре банки. «Кушай, говорят, Липа, не сомневайся». (...) Богато живут. Чай с белой булкой; и говядины тоже сколько хочешь»* [7, с. 75]. В рассказах «Мужики», «Кухарка женится» чай, вернее процесс его употребления, позволяет читателю составить характеристику персонажа, определить его нравственно-культурный уровень: *«Он держал на пяти пальцах правой руки блюдечко и пил чай, причём так громко кусал сахар, что гришину спину продирал мороз»* [7, с. 89]; *«Он спустился на скамью около самовара и стал пить чай, громко хлебая из блюдечка... пил чашек десять, потом склонился на скамью и захрапел»* [7, с. 111].

Таким образом, анализ концепта чая в произведениях XIX века русской литературы показал, что «чай» является важным культурно-нравственным атрибутом русского народа. Процесс чаепития, приготовления к нему, поведение при приеме напитка – все это важные показатели, помогающие дать национально-культурную, нравственно-этическую оценку персонажам произведений. Изображение чайных традиций в художественных произведениях позволяет писателю показать традиционную культуру народа, социальную идентификацию, раскрыть особенности мировосприятия героев, получить представления о социальных, культурных, нравственных ценностях.

Список литературы

1. Ду Цзяци. Чайная культура России и Китая: сравнение и анализ // Вестник науки и образования. 2020. №5. С. 82-86.
2. Колесниченко Л.В. Чай: чайные традиции и церемонии в разных странах мира. М.: АСТ, 2006. 92 с.
3. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 11 т. СПб.: Петербургское востоковедение, 1988-1990. - Т. 4., 1998.
4. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 5 т. М.: Советский писатель, 1997-1999. Т. 3., 1997.
5. Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т., М.: РГБ, 2006-2010. Т. 5., 2006.
6. Цзоу Сюеян. Национально-культурная специфика концепта «чай» и её учет в обучении русскому как иностранному китайских студентов // Известия РГПУ им. Герцена. №1. СПб: РГПУ им. Герцена, 2007. С. 437-441.
7. Чехов А.П. Собр. соч.: В 5 т. М.: Олма-Пресс, 2002-2004. Т. 5., 2002.

*10.01.01***Т.Н. Воронина**

Вологодский государственный университет,
институт социальных и гуманитарных наук, кафедра литературы,
Вологда, myberegok@rambler.ru

РОЛЬ ЧАСТУШЕК В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА «ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»

В статье анализируется роль частушек в повести В.И. Белова «Привычное дело». Дан разбор всех цитируемых в тексте частушек в контексте их жанрового своеобразия и в проекции на сюжет и персонажей. Делается вывод, что писатель задействует все многообразие возможностей жанра: компактность, содержательную емкость и способность к разворачиванию смысла в зависимости от контекста; возможность выразить любую эмоцию; диалогическую природу в сочетании с непрямым говорением, намеком.

Ключевые слова: *В.И. Белов, региональный текст, деревенская проза, частушка.*

К фольклоризму в творчестве В.И. Белова обращались Д. Герчиньска [3], В.Н. Евсеев [5], Л.Г. Яцкевич [7] и др., песенный репертуар повести «Привычное дело» рассматривался в работах Е.Е. Соловьевой [6], А.Ю. Абрамовой и Е.А. Полуэктовой [1]. Однако вопрос нельзя считать исчерпанным, на это указывает отсутствие обобщающих исследований по данной теме. Цель настоящей работы – выявить роль частушек в повести «Привычное дело» в контексте их жанрового своеобразия.

Частушки – один из самых любимых В.И. Беловым видов народного творчества, писатель чаще всего включает в тексты своих произведений как отдельные куплеты, так и целые частушечные спевы. Частушечный репертуар повести «Привычное дело» достаточно разнообразный: рекрутские, любовные, смеховые, печальные, мужские и женские песенки. Если в первых четырех главах частушки вложены в уста персонажей, то в пятой главе они становятся частью заголовочного комплекса.

В главке «Прямой ход», репрезентирующей главного героя читателю, выпивший Иван Африканович несколько раз поет одну и ту же рекрутскую частушку. Для таких текстов характерны мотивы скорой утраты свободы, расставания с напоминанием о времени проводов (в данном случае – «Нам недолго погулять, / А только до девятого» [8: 8]) и образ обездоленной возлюбленной. Частушка «работает» на ближний и дальний контекст повести. В первом случае она представляет персонажа (деревенского мужика, который «маленько выпил») и его настроение (выразить приподнятое состояние в песенной форме), маркирует ситуацию («гулянье» Дрынова с Мишкой). Также характер выпевания одного и того же куплета обозначает изменение состояния Ивана Африкановича. Частушка цитируется четыре раза, каждый последующий – все в более и более урезанном виде. Так автор в не прямой форме дает ясное представление о состоянии персонажа. Применительно к изображаемой ситуации частушка способствует созданию комического эффекта и является частью органичной деревенской атмосферы, возникающей с первых страниц повести. В проекции на сюжет на первый план выдвигаются мотивы скорого расставания с возлюбленной и краткости оставшегося времени вместе: «Иван Африканович уедет на заработки, а Катерина останется, и счастье совместной жизни оборвется на девятом, последнем ребенке» [6: 79].

В главке «Сваты» частушка сопровождает въезд хмельных Мишки и Дрынова в Сосновку: «Дорогая, не гадай, / Полюбила – не кидай. / Держись старого ума – / Люби мазурика меня» [8: 13]. Мужская частушка с ее грубоватостью и маргинальным налетом – удачный зачин неудачного сватовства к Нюшке. Залихватская песенка усиливает контраст между шумным поведением подгулявших мужиков и спящей «запредельным сном» деревней. Содержательно она соотносится прежде всего с «женихом» – Мишкой, который таким способом позиционирует себя как «мазурика», в данном контексте – плохого парня, и

декларативно предлагает любить его таким, какой есть. Таким образом акцентируется хулиганское начало в характере персонажа и неподобающее поведение обоих мужиков в данный конкретный момент. Предваряя эпизод неправильного сватовства, частушка участвует в создании комического эффекта и является маркером пошехонства – несурзных проявлений в жизни деревни, в данном случае имеющих смеховой характер. Развитие ситуации получает в следующей главке. Пьяный «со вчерашнего», отвергнутый несостоявшейся невестой Мишка вваливается в магазин с частушкой. Текст исполняется явно женский, что усиливает комизм положения и нетрезвого состояния персонажа. Декларативное поведение Мишки изливается в частушке, а совпадение имен («У кого какой милой, / У меня дак Мишка» [8: 16]) поддерживает заявленную ранее самоидентификацию персонажа с образом плохого парня.

Тема сватовства продолжена в главке «Горячая любовь», где в ретроспекции дана история женитьбы Ивана Африкановича. Герой вспоминает, как уводил Катерину «самоходкой» с деревенского гуляния. Нюшка, помогающая молодой паре устроить брак, внезапно «словно бы в шутку» обращается к подруге частушкой-предостережением: «Не ходи, подруга, замуж, / Как моя головушка» [8: 21]. В контексте происходящего ее можно рассматривать как частушку-наветку (содержащую прозрачный намек). Не имеющая прямого отношения к положению дел песенка легко проецируется на последующую далее неудачу первой попытки вступить в брак с Катериной. Тем самым частушка приобретает провидческий статус недоброго знака, что вдобавок соотносится с ситуацией «самоходки» - женитьбы без родительского согласия: последняя в народной традиции оценивается как неправильный вариант развития событий.

В главке «На бревнах» перед читателем предстает уже цельная картина частушечного спева. С помощью частушек-наветок рассказана история любовных симпатий, действующими лицами в которой являются Мишка Петров и приехавшие в отпуск бывшие деревенские девушки: Надежка, Тоня и Лиля. Поводом к исполнению частушек такого рода является любовный конфликт. Контекст взаимоотношений поясняется повествователем по ходу дела. Холостой Мишка поначалу ухаживает за Тоней, а затем внезапно переключается на Надежку, которая ждет жениха из армии. Согласно народной этике прямое обращение считается грубым, любовные чувства не принято высказывать. «Носители народной культуры истолковывают исполнение наветок как необходимую форму выяснения отношений в сравнении с личным разговором» [4: 11], что и представлено в повести. Инициатором спева выступает Надежка. Повествователь, чьими комментариями перемежаются куплеты, соединяет текст песни с окружающей обстановкой («Сегодня тихая заря» - «Заря и вправду была тихая») и с реакцией адресата («Миша, понимаешь ли» - «Ничего Мишка не понимал» [8: 56-57]). Универсальное содержание частушек сливается с ситуацией и становится формой непрямого выражения девичьих чувств. Просьба обратить внимание («Послушай, ягодиночка») сменяется намеком на женские страдания («У меня болит сердечко»), далее высказывается недовольство поведением парня («На лицо красивый дроля, / На слова неправильной» [8: 57]). Затем девушка в той же форме напоминает о своем женихе («Дроля в армию поехал» [8: 57]) и вовлекает в пение Тоню: «Мне миленок изменил, / Мою подругу полюбил» [8: 57]. Монолог Надежки перерастает в частушечный диалог. Песенно-игровая форма заменяет выяснение отношений, смягчает остроту ситуации и помогает девушкам выплеснуть негативные эмоции в опосредованной ироничной форме. Сняв напряжение, Тоня с Надежкой далее допевают частушки сначала хором, а потом по очереди. Девушки таким способом комментируют действия объекта их претензий, Мишки (тот тем временем ушел провожать Лилу), и просто веселятся, распевая куплеты на любовную тему. Как уточняет повествователь, «им было смешно, что не поделили дома единственного кавалера» [8: 58]. Спев заканчивается частушкой «чуть ли не с картинками», то есть почти неприличной, но бывшие уже соперницы вовремя останавливаются: такого рода куплеты не должны были входить в женский репертуар. Ситуативно уместное исполнение частушек призвано показать, что, уехав из села, девушки сохранили духовную связь с ним. Данный эпизод –

колоритная зарисовка жизни деревни, демонстрирующая как проявление творческой энергии, так и нюансы народного этикета.

В следующий раз частушки появляются в главке «Фигуры» в начале и финале пьяного загула мужиков. Мишка в ответ на блатную песню Митьки «яростно» исполняет созвучное из своего репертуара («Я мальчишко хулиган, / Меня не любят девушки» [8: 67]). Хулиган соотносится с молодым жуликом из Митькиной песни, а содержание проецируется на любовные неудачи Мишки и поддерживает его самоопределение как плохого парня. Песенка акцентирует отношение Петрова к Полякову как соперничество-подражание, а также разную пространственную отнесенность персонажей к деревне и городу соответственно, что выражено в контекстуальном противопоставлении блатной песни и частушки как жанров. В финале главки Мишка частушкой усугубляет назревающий конфликт. Пьяный Иван Африканович уже не в состоянии разграничить игровое поле и реальность и всерьез возмущен словами куплета: «Супостаты, со сторонки / Поглядите на меня» - «Это я плясать не умею? Это я со сторонки?» [8: 69]. Таким образом «граница фольклорного текста нарушается, и создается комический эффект» [6: 80], а реакция на частушку подчеркивает неадекватное состояние персонажа. Содержание песенки также поддерживает атмосферу хмельной пирушки.

В главке «Что было дальше» частушка сопровождает появление пьяных Мишки и Митьки на ферме, куда нагрянул с проверкой уполномоченный. Исполнителем опять выступает Мишка. Частушка заявляет о провокативных намерениях персонажей и предвещает конфликт Митьки с уполномоченным («Сами, сами бригадиры, / Сами председатели, / Никого мы не боимся, / Ни отца, ни матери» [8: 71]). Ею провозглашается зачин смеховой ситуации, для которой характерно разрушение официальной обстановки и свойственных ей иерархических отношений.

В пятой главе частушки из зоны персонажей переходят в зону автора: выступают в качестве эпиграфов к первым двум главкам. Исключение составляет песенка Евстоля. Здесь тональность текстов меняется: на смену веселью и иронии приходят грусть и задумчивость. В начале главки «Вольный казак» Евстоля, укачивая внука, поет коротушку (частушку) на колыбельный мотив: «Ты не блей-ко, баран, / Сена волоти не дам» [8: 82]. Текст ситуативно связан с предшествующим вопросом Митьки о сене (его конфисковали), что вызвало у женщины песенную ассоциацию. Характер исполнения указывает на отношение бабки к поведению Митьки и всему произошедшему: она поет вместо ответа на вопрос «Сено где?» и не поворачиваясь к собеседнику. Частушка в отвлеченной форме фиксирует проблему отсутствия сена, а обращение «баран» соотносится как с самим Митькой (в ближней проекции), так и с Иваном Африкановичем (в проекции на дальнейший сюжет) и имеет негативную коннотацию.

Как отмечает Е.И. Голованова, «частушки представляют собой свернутый художественный текст, содержание которого может быть "развернуто" путем прочтения закодированных значений и смыслов» [4: 129]. Данное свойство жанра особенно проявляется в эпиграфах, к примеру, эпиграфом к главке «Вольный казак» выступают последние строчки из рекрутской частушки: «Тебе соха и борона, / А мне чужая сторона» [8: 82]. Во всех вариантах легко прочитывается оппозиция «свое – чужое» и связанные с ней мотивы разлуки и странничества, что напрямую связано с содержанием главки: Иван Африканович принимает решение поехать на заработки. Участь уехавшего на «чужую сторону» трактуется как однозначно несчастная, что очевидно применительно к рекрутской службе. Встроенная в другой контекст, частушка работает на сюжет и образный ряд повести: в эпиграфе в свернутом виде присутствуют и последующий отъезд героя, и горечь расставания с домом, и предчувствие недоброго исхода. Антитезу «тебе» (остаться) – «мне» (уезжать) можно рассматривать как проекцию на Ивана Африкановича и Катерину. Строчки «тебе соха и борона» - вариация выражения «быть в сохе и в бороне», то есть много работать на земле. Именно это остается Катерине после отъезда мужа.

Второй эпиграф уже напрямую связан с Катериной, он предвещает главку «Последний

прокос»: «Матушка родимая, / Свеча неугасимая. / Горела, да растаяла, / Любила, да оставила» [8: 91]. Грустные частушки такого рода представляют собой обращение дочери к матери с сетованиями либо на горькую судьбу, либо на раннее сиротство (как в данном случае). Текст задает скорбную тональность дальнейшему повествованию, вкупе с заглавием заявляет мотивы утраты, смерти и прощания. Образ-символ свечи соотносится с человеческой жизнью, догоревшая свеча – метафора смерти. Соотношение вечного и временного («свеча неугасимая» - «горела, да растаяла») усиливает трагическое звучание обращения к матери: она ушла, но навсегда осталась в сердце. Эпиграф подсвечивает и материнскую сущность образа Катерины, и ее трагическую судьбу, и выступает как вербализация плача осиротевших детей в конце главки.

Таким образом, Белов задействует все многообразие возможностей частушек как жанра: компактность, содержательную емкость и способность к разворачиванию смысла в зависимости от контекста; универсальный характер как применительно к ситуации, так и к эмоциональному спектру (от комического и смехового до драматического и трагического); диалогическую природу в сочетании с непрямым говорением, намеком. На сюжетном уровне частушки предваряют или сопровождают события, в концентрированном и завуалированном виде представляют их суть, поддерживают интонационно, выражают нюансы отношений. На персонажном уровне они преимущественно связаны с Мишкой Петровым и Иваном Африкановичем и выполняют характерологическую функцию: являются способом самопрезентации персонажа, маркируют его настроение, оттеняют черты характера и поведение.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ
«Энциклопедия «Привычного дела» В.И. Белова», проект № 19-012-00348*

Список литературы

1. *Абрамова, А.Ю.* Фольклорные жанры в повести В. И. Белова «Привычное дело» / А.Ю. Абрамова, Е.А. Полуэктова // Беловский сборник: материалы VII Всероссийских чтений и II регионального конкурса молодежных социально-экономических проектов / под общей редакцией С. Ю. Баранова. – Вологда: Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина, 2020. – С. 75-77.
2. *Березович, Е.Л.* Намек в диалектной лингвокультурной среде: жанровая разновидность частушек и лексические репрезентации понятия / Е.Л. Березович, Т.В. Леонтьева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 47. – С. 5-27.
3. *Герчиньска, Д.* Современная советская «деревенская проза» и традиции фольклора (В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин): автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / Д. Герчиньска. – Москва: МОПИ, 1986. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/>
4. *Голованова, Е.И.* Способы свертки смысла в тексте русской частушки / Е.И. Голованова // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. – 2013. – № 6. – С. 129-131.
5. *Евсеев, В.Н.* Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / В.Н. Евсеев. - Москва: [б. и.], 1989. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/>
6. *Соловьева, Е.Е.* Песенный фольклор в структуре художественного текста (на материале произведений В.И. Белова) / Е.Е. Соловьева // Беловский сборник: материалы VII Всероссийских чтений и II регионального конкурса молодежных социально-экономических проектов / под общей редакцией С. Ю. Баранова. – Вологда: Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И.В. Бабушкина, 2020. – С. 78-81.
7. *Яцкевич, Л.Г.* Крестьянская смеховая культура в произведениях В.И. Белова: языческие и христианские традиции [Электронный ресурс] / Л.Г. Яцкевич // Вологодский литератор. – 2017. – 29 октября. – Режим доступа: <https://literator35.ru/>

Источники

8. *Белов, В.И.* Привычное дело // Белов В.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 / В.И. Белов. – Москва: РИЦ Классика, 2011. – С. 7-128.

*10.01.01***О.В. Дедюхина, О.И. Иванова**

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
филологический факультет,
кафедра русской и зарубежной литературы,
Якутск, dedyuhina.olga28@mail.ru, oi.ivanova@s-vfu.ru

КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И В.Г. КОРОЛЕНКО

В статье предпринимается попытка сравнительно-сопоставительного анализа концепции детства в произведениях Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко. Выявляется, что философия детства у обоих классиков имеет как схожие черты, так и различия. Общим оказывается изображение страданий детей, виной которых оказывается необустроенность и нравственная деградация общества. Кроме того, оба писателя затрагивают проблему воспитания, говорят об ответственности взрослого за судьбу ребенка. У Ф.М. Достоевского философия детства разработана более детально, является частью концепции мира, соотносится с идеей возможности его преобразования.

Ключевые слова: *Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, концепция детства, тема страдания, бинарные оппозиции.*

Многие писатели второй половины XIX века такие, как И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и другие обращались к образам детей, раскрывая психологию ребенка, показывая, каким видит ребенок мир взрослых. Изображение детского взгляда на происходящее является одним из частотных и ярких приемов русской классики, а через описание страданий персонажей-детей писатели стремились подчеркнуть жестокость современного мира, часто разобщенного, эгоистичного, лишенного прочной нравственной основы, корыстного, жестокого. Сходное философское осмысление поры детства обнаруживается в произведениях Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко. Тема детства в творчестве Достоевского рассматривается в статьях В.Н. Плющ [6], Ф.И. Тухатаевой, Ш.Ш. Хамроевой [8], в произведениях В.Г. Короленко – в исследованиях Н.Н. Закировой [2], С.Л. Скопкаревой [7].

Достоевский создает оригинальную философию детства на протяжении всего творчества. Одной из наиболее частотных тем оказывается тема страдания детей. Данная тема поднята уже в первом романе писателя «Бедные люди» (1846), в котором изображается семья потерявшего работу, оказавшегося вовлеченным в судебное дело чиновника Горшкова. Семья Горшкова, жена и трое маленьких детей, находится в совершенно бедственном положении, без средств к существованию. Образы детей в произведении призваны подчеркнуть несправедливость устройства общества, так как в нем страдают дети. Чтобы указать на глубину мучений детских ангельских душ, писатель использует мотив тишины: в комнате Горшковых всегда тихо, нет признака детских игр, не слышно детского смеха. Достоевский показывает, что в нищенствующим семьям, таких, как семья Горшковых, под гнетом горестей дети становятся серьезнее, им не до детских шалостей. Пронзителен образ маленькой дочери Горшкова, задумчиво стоящей, прислонившись к гробу своего умершего брата, «кукла какая-то из тряпок возле нее лежит, – не играет; на губах пальчик держит, стоит себе – не пошевелится» [1, т.1, с. 75]. Дополняет картину детских мук в романе образ маленького десятилетнего мальчика, просящего о помощи, так как мать его умирает, и не находящего ее. «...И ожесточается сердце ребенка и дрожит напрасно на холоде бедненький, запуганный мальчик...» [1, т.1, с. 84].

Страдания измученного детского сердца предстают и в романе «Униженные и оскорбленные» (1861) в образе бедной девочки-сироты Нелли. Автор создает образ девочки, в которой показаны пробуждение личностного начала, «странная гордость» и в то же время раненая душа, сформировавшаяся от постоянных горестей жизни, оскорблений и побоев, которые Нелли вынуждена была выносить. Во взгляде ее «сверкал ум, а вместе с тем и какая-то инквизиторская недоверчивость и даже подозрительность» [1, т. 4, с. 95]. Кроме того, в образе Нелли описан переход от детской ясности к взрослым, подчас противоречивым чувствам и страстям, пробуждение первой любви, не осознаваемой даже самой девочкой. Смерть Нелли – вызов корыстному и несправедливому миру капитала: будучи дочерью князя Валковского, она нарушает завет матери после ее смерти пойти к отцу, потому что гордость и чувство справедливости не позволяют ей простить человека, ставшего причиной мучений и смерти ее матери.

В романе «Преступление и наказание» (1866) не только далее развивается тема страдания детей через трагическую историю семьи Мармеладова, оказавшейся в полной нищете, когда дети были побуждаемы почти лишившейся рассудка матерью просить милостыню, в упоминании семилетнего мальчика, поющего у входа в распивочную «надтреснутым» голосом «Хуторок», но и показана способность детского сердца возмутиться жестокости и несправедливости мира в символическом сновидении Раскольникова об избииении лошади. Идеологический бунт взрослого Раскольникова в его сновидении не случайно соотносится с образом Раскольникова-ребенка, так как в представлении самого писателя именно восприятие ребенка является нравственным мерилем для мира взрослых. В снах-кошмарах Свидригайлова дети (девочка-самоубийца, пятилетняя девочка-«камелия») изображаются как невинные жертвы страшного, развращенного, катастрофичного современного мира, их судьбы выступают доказательством отступничества людей от высокого этического христианского идеала. В.Н. Плещ справедливо отмечает, что «детское начало в романе связано с такими качествами, как нравственная чистота и незащищенность перед злом» [6, с.242]. Оба детских образа можно трактовать как олицетворение поруганной чистоты, символ нравственного падения людей, ответственность за происходящее с детьми полностью возлагается писателем на взрослых.

Наиболее полно концепция детства Достоевского реализуется в его последнем романе «Братья Карамазовы» (1878-1880). В произведении показаны дети разных возрастов: это и младенцы (дети до семи лет), «пузыри» – дети семи-восьми лет, школьники девяти-одиннадцати лет, подростки. Писатель считал детей существами с абсолютно чистой душой, невинными ангелами, близкими к Богу. Особенно это относится к младенцам, не случайно младенцы, упомянутые в главе «Верующие бабы», носят имена Алексея, человека божия, и Лизаветы (имя Елизавета в переводе с древнееврейского означает «почитающая Бога»). Дети до семи лет, принадлежа еще к высшему божественному миру, не способны в полной мере осознавать действительность. Так, пятилетняя девочка, которую истязают родители, не понимает, что происходит и плачет «кровавыми, незлобивыми, кроткими слезами» [1, т. 13, с.249]. Маленькие дети находятся полностью во власти взрослых, они не защищены, обладают ангельской доверчивостью. «"Ангельский лик" ребенка будет раскрыт в поучениях старца Зосимы, истязание детей станет главным аргументом против "Божьего мира" в устах Ивана Карамазова...» [5, с.501].

Перешагнув семилетний возраст, дети начинают становиться существами социальными, стремятся понять те правила, по которым существует общество, проявляют любознательность, уже начинают формировать собственное мнение, отстаивать его в споре. Пробуждение сознания в детях представлено через образы малолетних детей докторши, соседки Красоткиных. В детях данного возраста уже начинает проявляться двойственность, соединение подчас противоположных начал, являющееся характерной чертой концепции человека в поэтике Достоевского. Илюша Снегирев, мальчик добрый и чуткий, вступает в конфликт с другими гимназистами из-за истории с отцом, которого унижил разгневанный Дмитрий Карамазов, но впоследствии этот конфликт разрешается, благодаря мудрому и

деятельному вмешательству Алеши Карамазова. Дети становятся настоящими друзьями, мальчики поддерживают больного Илюшу, а после его смерти клянутся друг другу в вечной дружбе, представляют собой настоящее братство. Показано, что в душе ребенка, как и у взрослых героев Достоевского, сосуществуют добро и зло, любовь и ненависть, гордость и великодушие.

К группе подростков в романе принадлежат Коля Красоткин и Лиза Хохлакова. Коля является своеобразным двойником Ивана Карамазова, он самостоятелен, умен, умеет отстаивать собственную позицию, лидер среди гимназистов, самолюбив, часто рассуждает о тех вопросах, которые до конца не понимает, пытается казаться взрослым. Впоследствии Коля под влиянием Алеши меняется, даже перестает стыдиться слез. Лиза – четырнадцатилетняя дочь госпожи Хохлаковой, страдающая параличом ног. В душе Лизы бушуют страсти, порой доводящие ее до истерики, она полна каких-то смутных желаний, которые сама вполне не осознает. Достоевский характеризует подростковый возраст как переходное время, пору взросления, сложную, полную хаоса чувств и мыслей. В романе «Братья Карамазовы» особое внимание уделяется теме воспитания, роли взрослого в становлении ребенка, в определении им истинных основ жизни. Важно, что именно в детях видит писатель будущее человечества, основанное не на эгоизме и разобщенности, а на братстве и любви.

Самым известным произведением В.Г. Короленко о детстве является рассказ «В дурном обществе» (1885). Князь Вено, где происходят события рассказа, – это город Ровно, в котором писатель провел детские годы. Повествование ведется от лица девятилетнего Васи, в раннем возрасте потерявшего мать. Это – ранимый, наблюдательный и впечатлительный ребенок. Он уже с шестилетнего возраста знает, что такое одиночество, мать умерла, отец смотрит на него холодным и равнодушным взглядом. Мальчик всей душой стремится к искренне любящей брата сестренке Соне, но и с ней ему не разрешает играть старая нянька. В поисках душевного тепла мальчик знакомится с «проблематическими натурами». Концепция детства В.Г. Короленко базируется на следующих бинарных оппозициях: «богатство» - «нищета», «закон» - «беззаконие», «здоровье» - «болезнь», «счастье» - «обездоленность», «сытость» - «голод», «свет» - «тьма». Вася знакомится с детьми бродяги и вора Тыбурция Драба – Валеком и Марусей. Вот как автор описывает двух маленьких девочек, Соню и Марусю: «Это было бледное, крошечное создание, напоминающее цветок <о Марусе>, выросший без лучей солнца. Несмотря на свои четыре года, она ходила еще плохо, неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка; руки ее были тонки и прозрачны; головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика; глаза смотрели порой так не по-детски грустно <...>. Я невольно сравнивал ее с моей сестрой; они были в одном возрасте, но моя Соня была кругла, как пышка, и упруга, как мячик» [3, т.2, с. 37-38]. Мальчик подчеркивает, что у Сони были красивые платья, горничная каждый день вплетала в ее волосы алую ленту, одежда же Маруси было грязной и старой, а в ее роскошных густых волосах не было лент. Образ Маруси вызывает ассоциации с эпизодом из написанного в якутской ссылке рассказа «Сон Макара», когда попавший в загробный мир Макар видит души умерших от голода, холода и болезней детей, а также с образом маленькой дочери Горшкова из романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди».

Рассказ можно рассматривать как историю воспитания автобиографического рассказчика Васи. Дети подземелья отличаются такими качествами, как человечность, сердечность, по мере того, как Вася ближе узнает их, в мальчике пробуждается любовь к тем, кто пригласил его в старой часовне. Доброта, искренность детей, живущих в подземелье, покоряют Васю. Тыбурций Драб любит своих детей и изо всех сил поддерживает их, а Вася постоянно сравнивает Тыбурция со своим угнетенным смертью супруги, подавленным горем отцом. Познакомившись с детьми подземелья, мальчик делает открытие, что оказывается в городе Князь Вено есть люди, не всегда наедающиеся досыта, нуждающиеся, голодающие, больные. Как и у Достоевского, в произведении Короленко резкий контраст представляет пространство, в котором живет Вася, тем реалиям, среди которых приходится жить детям Тыбурция. У Васи и Сони свои детские комнаты, за Соней присматривают нянька и

горничная, в садике рядом с домом растут яблони. У Валека и Маруси нет дома. Согласно Ю.М. Лотману «среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление «дома» (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства), «антидому», «лесному дому» (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [4, с.313-314]. Васю поражает, как могут дети жить в ужасающих условиях холодного, сырого подвала, где лучи солнца отражались от стен старых гробниц в сыром воздухе подземелья и наполняли все подземелье тусклыми отблесками [3, т.2, с. 43]. Валека объясняет Васе, что «серый камень» постепенно высасывает из Маруси ее веселье и жизнь. Привязанность к умирающей Марусе воспитывает в мальчике доброту, отзывчивость, умение сопереживать и сочувствовать ближним.

С образами детей читатель сталкивается также в рассказе Короленко «Парадокс» (1894), где в качестве повествователя выступает десятилетний мальчик. В отличие от Достоевского у Короленко мир детства рассказчика и его восьмилетнего брата наполнен фантазиями: в кузове брошенного в мусор экипажа мальчишки совершают дальние путешествия, с ними приключаются чудесные события, они испытывают опасные происшествия. В бадье с загнившей, неприятно пахнущей водой, благодаря развитому воображению, герои рассказа ловят при помощи ветвей тополя с навязанными на них нитками волшебных рыбок. Но гармоничный мир детства неизбежно сталкивается с реальностью. Однажды детей приходит звать лакей Павел, который с изумлением созерцает бадью, удочки, и его замечания разрушают чудесный мир фантазий мальчишек. Оказывается, во дворе всех собрал человек-феномен без рук, с коротким туловищем и длинными тонкими ногами. Он пишет мальчикам ногами афоризм, заключающий в себе одновременно и парадокс: «Человек создан для счастья, как птица для полета». Мальчики из любопытства следуют за человеком-феноменом и слышат, как он говорит сопровождающему: «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него. Понял? У людей бывают и головы, и руки. Только мне забыли приклеить руки...» [3, т.2, с. 323].

Встреча с феноменом-калейкой меняет мальчиков. Они уже не могут с воодушевлением ловить серебристых рыбок в бадье, прежнее привлекательное место для игр воспринимается ими теперь не как сказочное место для приключений, а только как куча мусора – и ничего больше. Мальчики столкнулись со взрослыми вопросами, с противоречивостью жизни. И хотя мать всю ночь оберегала сон мальчишек, они вскакивали и плакали без причины. Они повзрослели, ночью им являлось лицо феномена и его глаза, полные боли.

Таким образом, в произведениях и Достоевского, и Короленко особое место при изображении детского мира занимает тема страданий маленького человека, что характеризует современный мир как искаженный, удалившийся от идеалов нравственности и духовности. Кроме того, оба писателя говорят не только о влиянии среды на формирование детской индивидуальности, но и о немаловажном значении воспитания, влияния личности взрослого на ребенка. Именно взрослый наделяется ответственностью за судьбу ребенка. Однако в философском осмыслении детского мира у писателей есть и отличия. Создавая концепцию образа ребенка, Достоевский отмечает возрастные изменения в нем от ангелоподобного, чистого существа до внутренне раздвоенного, как его взрослые герои. Короленко же, показывая мир детей, использует прием бинарных оппозиций, часто противопоставляя обездоленных детей тем, кто живет в достатке. В отличие от Достоевского Короленко большее внимание уделяет миру детских фантазий. В целом концепция детства у Достоевского представляется более законченной: чистота ребенка, в понимании писателя, – это залог будущего духовного преображения человека и мира.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 20 т. – М.: Терра, 1998.
2. Закирова Н.Н. Проблема детства в свете экогуманизма В.Г. Короленко// Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур. – 2018. – С. 342-345.
3. Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Правда, 1971.
4. Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: «Искусство – СПб», 2010. – 704 с.
5. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М.: Республика, 1995. – 607 с.
6. Плющ В.Н. Образ ребенка в рассказе М. Горького «Девочка» и в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 3. – С. 241-246.
7. Скопкарёва С.Л. Детский мир в творчестве В. Короленко и Д. Гранина// Проблемы школьного и дошкольного образования. Материалы VI регионального научно-практического семинара. – 2015. – С. 203.
8. Тухатаева Ф.И., Хамроева Ш.Ш. Сопоставление диккенсовской концепции детства и концепции детства в произведениях Достоевского// Мировая наука. – 2019. – №5(26). – С.709-713.

10.01.01

Ли Гэнь

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
филологический факультет,
кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса,
Москва, 75547351@qq.com

КИТАЙСКИЙ ПОДТЕКСТ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»

Статья посвящена изучению образа лисы в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня». В китайской литературе образ лисы обладает безусловным архетипическим содержанием и прочно ассоциируется со способностями перевоплощения (оборотности). В облике женщины лиса фигурирует в целом ряде классических текстов. Для раскрытия китайского подтекста в романе автор обращается к изучению историко-культурного материала, связанного с концептом лисы. Параметры образа (кокетливость, красота, страх даосских ритуалов, упоминание системы «кэцзюй» и проч.) находят отражение в Цинском сборнике Пу Сунлина «Странные истории из Кабинета Неудачника», которому уделяется отдельное внимание. Автор приходит к выводу, что восточные элементы образуют китайскую генеалогию образа героини и отражают пелевинское понимание древневосточной культуры.

Ключевые слова: китайская культура, лиса, оборотень, анимизм, даосизм, кэцзюй.

Произведения Виктора Пелевина испещрены восточной символикой: притчевыми вставками, аллюзиями на мифологию и литературу Востока. Древнекитайская культура занимает среди них важное место. Так, по наблюдению Чжан Исянь, ранний рассказ Пелевина «СССР Тайшоу Чжуань. Китайская народная сказка» (1991) был написан под прямым влиянием китайского рассказа «Преданье о губернаторе государства Нанькэ» [9, с. 275]. В его романе «Чапаев и Пустота» (1996) содержится аллегория на притчу из произведения «Сон Чжуан-цзы». В романе-фэнтези «Священная книга оборотня» (2004) В. Пелевин продолжает намеченную синологическую тенденцию, создавая еще более плотное поле китайских аллюзий. В основном они сосредотачиваются на образной структуре героини А Хули (Хули-цзин), которая вбирает в себя широкий набор китайских ассоциаций. Об этом обстоятельно говорилось в статье Го Вэй [4]. В статье Го Вэй были выделены элементы древнекитайской хроники («У-Юэ чуньцю»), фрагменты классических произведений: «Бесед и суждений» Конфуция, «Записок о поисках духов» Гань Бао, «Возвышение в ранг духов» Сюй Чжунлина и многих других. С нашей стороны мы хотели бы добавить к этому списку детали, взятые из Цинского сборника Пу Сунлина и древнекитайской культуры. Они составляют важный содержательный компонент в мифологизированном образе героини и углубляют китайский подтекст романа.

Образ лисы в китайской культуре самобытен и даже непостижим другому народу. Справедливо определяет его крупный советский синолог В. М. Алексеев: «Эта волшебная фантастика, которою китайский народ, неизвестно даже с какого времени, окутывает простого плотоядного зверька, разрастается до размеров, которые, по-видимому, совершенно чужды воображению других народов» [1, с. 10]. В отличие от образа лисы в русских сказках и баснях, где лиса изображается как плут и лукавый лстец, лиса в китайской культуре имеет роль соблазнительницы и оборотня (Пелевин специально отмечает, что «в китайском фольклоре слово “оборотень” ассоциируется, скорее, с лисами» [7, с. 97]). Корни названной ассоциации уходят в глубокую древность.

В средневековом Китае для людей была характерна вера в одушевленность природы. Известный голландский китаевед Де Гроот определяет основную особенность китайской

религиозности как «универсалистский анимизм». По его мнению в парадигме китайских верований господствуют и на народном, и на государственном уровне «вполне архаические и в чем-то примитивные представления и культы – культ предков, почитание божеств, олицетворяющих явления природы и духов местности, поклонение силам природы и т.д.», что ничуть не уступает место «трем учениям» – конфуцианству, даосизму и буддизму [5]. Именно на почве анимистических верований и произрастают образы оборотней в традиционной китайской письменности. Например, в популярной китайской сказке «Легенда о белой змее» рассказывается о трогательной любви человека и змеи-оборотня. В одном из «четырех классических романов» китайской литературы – «Путешествии на запад», который, между прочим, прямо упоминается в романе Пелевина – героям на пути за буддийскими сутрами препятствуют различные оборотни: паук-оборотень, скорпион-оборотень, лиса-оборотень и т.д. По замечанию Го Вэй, в китайском фольклоре существует «довольно много лис-оборотней» и называет среди них: «Чжао Фэйянь, Чжао Хэдэ, Чэнь Юаньюань» и других [4]. Мифологема лисы-соблазнительницы, которая ведет родословную от времени правления древнего императора Юя Великого, не имела сначала отрицательных коннотаций, но потом прочно связалась с темой разрушительного влечения.

Итак, лиса-оборотень является фаворитом-персонажем в многочисленных китайских народных сказках, легендах, древних новеллах и романах. Она упоминается в литературе на протяжении многих веков. Можно сказать, что образ лисы-оборотня впервые закрепился в китайской литературе во времена Династии Цзинь (III–V вв. н.э.). В произведении «Записки в поисках духов» придворного историка и писателя Гань Бао упоминалась лиса-оборотень по имени А-Цзы, соблазнявшая мужчин в облике красивой женщины. Гань Бао рассказывает о соблазнении начальника придворной охраны, который пропадает без вести. Наместник посылает отряд на поиски и обнаруживает пропавшего в могильном склепе. Автор добавляет, что начальник «обликом совершенно уподобился лисицам» [3, с. 425]. Среди памятников китайской письменности следует упомянуть современника Гань Бао – Цзинского поэта и эрудита, Го Пу, который изобразил лису-оборотня в «Записках из мрака». Кроме того, во время правления Династии Сун в конце X века по приказу императора группа ученых составила сборник «Обширные записки годов Тай-пин», который содержал группу историй, связанных со сверхъестественными существами, в том числе с лисой-оборотнем. При Династии Мин (XIV–XVII вв. н.э.) в книге «Возвышение в ранг духов» упоминается наиболее популярный образ лисы-оборотня (Су Дацзи), который и дал толчок литературному образу соблазнительницы. Су Дацзи была любимой наложницей последнего императора династии Шан. Своей неземной красотой она очаровала императора и превратила его в жестокого тирана, потворствующего её желаниям. Когда один из придворных советников решил высказать протест, император по прихоти Дацзи вырезал сердце у него из груди. Таким образом, Дацзи стала собирательным образом «роковой женщины» в китайской литературе (по типу Кармен). Далее, образ лисы-оборотня достиг полного расцвета в династии Цин (XVII – начало XX вв. н.э.), когда новеллист Пу Сунлин, следовавший традиции своих предшественников, создал фантастический сборник «Странные истории из Кабинета Неудачника», где разворачивается, по словам Алексеева, «самая прихотливая картина сверхъестественного вмешательства лисицы в человеческую жизнь» [1, с. 11].

Легко заметить, что Пелевин отступал от славянской интерпретации образа лисы и проводил ассоциативный ряд вокруг китайской традиции. «Священная книга оборотня» написана по мотивам восточных легенд об архетипе «лисы-оборотня». Повествование в романе ведется от лица главной героини по имени А Хули. Характерный пелевинский каламбур совмещает типичное русское ругательство и китайский подтекст: А (кит. 阿) – уменьшительно-ласкательный префикс имени, Хули (кит. 狐狸) – это лиса, которые вместе можно перевести как «лисичка». А Хули – это двухтысячелетняя китайская лиса-оборотень, работающая куртизанкой в Москве. С помощью хвоста она вовлекает клиента в гипноз, погружает его в грезу и, таким образом, порождает в его сознании иллюзию интимной близости. Истоки ее жизни «теряются, по словам Пелевина, очень далеко, и припомнить их

так же трудно, как осветить фонариком ночное небо» [7, с. 9]. Главный признак оборотня и критерий определения его магической силы – это возраст.

В китайской культуре сверхъестественная сила животных и предметов была связана с возрастом. Считалось, что чем древнее животное и предмет, тем большей силой оно может обладать. В сборнике «Записки из мрака» говорится: «Пятидесятилетняя лиса может превратиться в женщину, столетняя может стать красавицей и чародейкой, знающей о том, что происходит за тысячу ли, прекрасно владеет искусством обольщения, морочит человека так, что он теряет разум. Через тысячу лет лисе открываются законы Неба, и она становится Небесной лисой» [цит. по: Алимов, с. 49]. Две тысячи лет назад в эпоху Поздней Хань, говорит А Хули, она была лисой А-Цзы (одним из наиболее популярных прототипов мифологических лис) и даже признается, что и теперь «не без волнения перечитывает фрагмент», связанный с лисой из текста Гань Бао («Записки в поисках духов»): она носит «с собой этот листок как талисман» [7, с. 9].

А Хули – нимфетка-оборотень, обладающая незаурядной красотой. Внешняя притягательность является главным атрибутом лисы-оборотня в китайской культуре, что наиболее ярко выразилось в рассказах сборника «Странные истории из Кабинета Неудачника». Так, в «Целительнице Цзяоно» лисице «было лет тринадцать-четырнадцать»: Кокетливые волны глаз струились умом. Тонкая ива рождала красоту. Студент поглядел на нее, увидел ее лицо – и все охи, все стоны в один миг забыл» [8, с. 386]. В рассказе «Четвертая Ху» дева-лиса «была прекрасна, как лотос, что розовеет в свисающих каплях росы; как цветок абрикоса, увлажненный легким туманом <...> и красота ее лица как будто выходила за пределы возможного» [8, с. 31]; в рассказе «Лисий сон» у героини-лисицы «все манеры и наружность были столь грациозны и столь очаровательны, что весь мир обойди – не сыщешь ничего подобного» [8, с. 55] и т.п.

Главный враг лисы А Хули в романе Пелевина – это даосский монах. На протяжении всего текста она беспокоится о появлении жреца, который идет за ней по пятам. Так, во время работы в гостинице «Национал» клиент заметил лисий хвост и увидел настоящий облик А Хули. Она растерялась и «первым делом подумала», что перед ней «даос-заклинатель» [7, с. 19]. Магическим воздействием на оборотня в китайской культуре обладает также буддийский монах. А Хули рассказывает волку Саше Серому (возлюбленному) о встрече с таким монахом («Желтым Господином»): «Однажды вечером, примерно тысячу двести лет тому назад, в стране, которую сейчас называют Китай, я ехала в своем паланкине из одного города в другой <...> в тот вечер мы остановились возле ворот монастыря на Желтой Горе» [7, с. 151]. Она слышала издали звуки флейты и двинулась по направлению музыки, которая привела ее в монастырь, где лиса хотела «заморочить флейтиста»: «...надо сказать, никакого плана у меня не было – так, вертелись в голове смутные соображения: сначала поговорить по душам, а потом заморочить, иначе с людьми нельзя» [7, с. 152]. Но флейтистом оказался монах, на которого не действуют лисьи чары. После неудачи А Хули пытается бежать, но монах поднимает «два исписанных иероглифами листа» и припечатывает лису к земле, как «железными скобами» [7, с. 153]. Упомянутые иероглифы являются буддийскими талисманами и, безусловно, отсылают к элементам даосской и буддийской культур.

В анимистическом представлении древних китайцев существуют разные сверхъестественные существа: бесы, духи, демоны, оборотни, которые угрожают жизни людей, и божества, которые приносят благо. Чтобы оградить себя от чуда злого и умолить о чуде благом, человек пришел к мысли о заступнике, который должен обладать способностью сообщаться с божеством и в случае нападения давать отпор демону. Такую функцию в даосизме выполняет даос (кит. 道士), в буддизме – монах-буддист или хэшан (кит. 和尚). Среди множества практик, которые способствуют изгнанию злых духов, следует обозначить ритуальный комплекс, связанный с «заклинательными надписями и изображениями, устными заклинаниями, мудрами (особыми положения кистей рук) и шагами Юя» [6, с. 26]. Как раз они и подразумеваются в романе Пелевина и вписываются в мифологическую картину.

Сцена, в которой лису-оборотня излавливает монах, характерна для китайской классической литературы. В рассказе «Как Цзяо Мин грозил лисе» из сборника «Странные истории из Кабинета Неудачника» дом придворного наставника Дуна подвергается нападкам лисы, которая не дает семье покоя. Тогда Дун обращается за помощью к даосу Цзяо Мину, который пишет «киноварью талисман и велит наклеить его на стену», «устраивает алтарь и начинает делать заклинания»: «И вдруг все увидели большую лисицу, улегшуюся под алтарем». Он складывает «пальцы копьём и, тыча ими, читает заклятие», которое наконец умиряет лисицу, заставляя ее внять «повелению даоса» [8, с. 640]. В рассказе «Переодетый Цзиньлинец» антагонист испытывает испуг, когда замечает на стене «огромный талисман, линии которого ползли червями, напоминая драконов», и во время молений монаха-хэшана «бросается опрометью бежать, словно кто его хватал»: «Добежал до ворот, грохнулся на землю и превратился в лисицу, у которой руки и ноги были одеты в человеческое платье» [8, с. 485].

Кроме того, важно упоминание Пелевина в другом месте об экзаменационной традиции «кэцзюй» (кит. 科举): «Китайские студенты со своими книгами обычно жили в сельской местности, экзамены ездили сдавать в город, а потом, отслужив свой срок чиновником, возвращались в семейный дом» [7, с. 133]. «Экзаменационная система кэцзюй представляла собой конкурсный отбор чиновников посредством сдачи специальных тестов в императорском Китае» [10, с. 170]. Данная система была установлена в начале VII века в династии Суй, просуществовала до XX века и была упразднена на закате династии Цин. До появления «кэцзюй» многие должности и чины передавались по наследству. Ввиду того, что система наследования способствовала усилению аристократии, она грозила стабильности страны, так что император решил перейти на более надежную систему отбора кадров – экзамен «кэцзюй». Новая система давала возможность для представителей разных сословий получить образование и подняться по служебной лестнице вне зависимости от социального происхождения. Чтобы принять участие в императорских экзаменах «кэцзюй», ученые должны были покинуть родину и отправиться в столицу. Став чиновником, выходец из провинции должен был служить вдали от родного края в течение нескольких десятилетий. В феодальный период Китай был патриархальной страной, придававшей большое значение кровному наследованию. Независимо от того, насколько далеко чиновники находились от дома, они надеялись, что смогут вернуться в родные края и в старости будут похороненными в родовых могилах. Такая традиция закрепилась в китайской фразеологизме 落叶归根 – «падающий лист ложится к корню».

В «Священной книге оборотня» А Хули описывает свой опыт общения с учеными древнего Китая. Некоторые из них докучали лисице с «расспросами о древних временах» [7, с. 133], и она помогала ученым в работе над историческим материалом. Остальных она очаровывала красотой: «Китайские художники и поэты ценили уединение с лисой <...> А утром любили проснуться в траве у замшелого могильного камня, вскочить и, крича от ужаса, бежать к ближайшему храму с распущенными на ветру волосами» [7, с. 133].

Роман между лисой-оборотнем и ученым часто встречается в классической литературе Китая. Так, в сборнике «Странные истории из Кабинета Неудачника» Пу Сунлина описывается множество таких любовных историй. Напр., в рассказе «Смешливая Ин-нин» изображена связь между молодым ученым Ваном и наивной, смешливой Лисой-оборотнем Ин-нин. Аналогичная история разворачивается в рассказе «Четвертая Ху». Ученый-студент Шан на протяжении многих лет сидел в «строгом ученом кабинете». Но однажды его посетили лисы-оборотни, сестры, одну из которых полюбил Шан: он собирался жениться на ней, но счастью помешал посетитель (даос), который, придя к нему в дом, приманил оборотня и заключил его в китайскую вазу. Затем Шан спасает лису, и она воздает ему за его отзывчивость сторицей. Сборник Пу Сунлина насчитывает много историй, где лиса-оборотень колдовскими способами помогает ученым в подготовке к экзаменам. В Рассказе «Студент Лэн» после посещения лисицы, нерадивый студент Лэн вдруг стал талантливым поэтом: неспособный написать и страницы, он почувствовал, как у него рука

«безостановочно бежит по черновику», и через миг он уже видит перед собой готовое сочинение [8, с. 120]. В произведении «Студент Го и его учитель» невидимая лиса поправляет сочинение уездному ученому студенту Го, а в «Зеркале Фэн-сянь» лиса-оборотень Фэн-сянь силой обворожительной красоты мотивирует Лю к усердной учебе: обещает ему встречу только при условии сдачи экзаменов и для этого дарит зеркало, в котором живет ее отражение. Всякий раз, как Лю перестает заниматься, лицо Фэн-сянь в зеркале изображает укоризну. Но стоит студенту вернуться к занятиям, как ее лицо меняет выражение и смеется. Повесив перед собою зеркало, Лю с утра до вечера чувствовал себя словно «в присутствии учителя или царского наставника» [8, с. 622]. При поддержке лисы Лю успешно сдает экзамен высшей степени («цзиньши») и женится на лисе Фэн-сянь.

Как мы видим, анимизм господствует в культуре древнего Китая, люди олицетворяют животный и растительный мир, наделяют его человеческими чертами. Образ лисы наделяется несколькими свойствами: в качестве объекта любви, феминизированного символа, она обладает как отрицательным, так и положительным значением. Она приводит к разрушению и бедствиям (как в «Записках из мрака» Го Пу) или, наоборот, несет в себе созидательное начало (в сборнике Пу Сунлина) и помогает человеку. Таким образом, образ лисы является архетипическим, привычным для сюжетов целого ряда классических текстов и подтверждается на конкретном материале.

Лиса А Хули, созданная Пелевиным, наследовала качествам китайских предшественниц: кокетливости, дерзости и способности на большую любовь. Многие детали в ее внешнем облике, биографии и манерах поведения имеют китайский окрас и напрямую отсылают к классическим текстам. Китайские аллюзии особенно перекликаются с Цинским сборником Пу Сунлина в той тематической плоскости, которая касается обольстительной женской красоты, страха даосских монахов, любовных отношений с учеными времен императорских экзаменов. Китайские элементы составляют ориентальный подтекст, подкрепляя произведение мифологическим и культурным содержанием. Анимизм, демонология, даосизм, буддизм и их ритуалы, система отбора «кэцзюй» и проч. сосредотачиваются в концепте «лисы» и отражают авторское понимание китайской культуры.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства
Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.*

Список литературы

1. *Алексеев В.М.* Предисловие переводчика «Лисьи Чары» // Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит., предисл., ст., коммент, акад. В. М. Алексеева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 9-18.
2. *Алимов И.А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 284 с.
3. *Гань Бао.* Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Пер. с древнекит., предисл., прим. и словарь-указ. Л. Н. Меньшикова. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. 576 с.
4. *Го Вэй.* Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 341-343.
5. *Де Гроот Я.Я.М.* Демонология древнего Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=280937&p=1> (дата обращения: 20.07. 2021).
6. *Зорькина М.С.* Традиционная магия в даосском ритуале: заклинания, мудры, юевы шаги // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 2. С. 26-40.
7. *Пелевин В.О.* Священная книга оборотня. М.: «ФТМ», 2004. 172 с.
8. *Пу Сун-лин.* Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит., предисл., ст., коммент, акад. В.М. Алексеева. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
9. *Чжан Исянь.* Китайские мотивы в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 274-277.
10. *Шогенова Л.А.* Система государственных экзаменов для чиновников "кэцзюй" в императорском Китае // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 8. С. 170-174.

10.01.01

¹Г.Х. Самирханова, ²Г.Ш. Байгужина

¹Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета,
педагогический факультет,
кафедра русской, башкирской и зарубежной филологии,
Сибай, gulysib@mail.ru,
²Уфа, 2500672@mail.ru

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА АНТРОПОНИМОВ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ МУСТАЯ КАРИМА

В работе представлены результаты исследования антропонимической системы драматургических произведений Мустая Карима. Являясь единицами языка и культуры, антропонимы представляют собой богатейший материал для познания не только личности, но и идейно-нравственного, глубинного познания самого произведения. В статье авторы, обращаясь к антропонимам, выявляют разновидности данной системы и выделяют их функционально-семантические особенности. Научная новизна данного исследования определяется рассмотрением символического содержания антропонимов как языковых символов национальной культуры.

Ключевые слова: *антропонимы, Мустай Карим, драматургия, символы.*

В литературе аурой некой мистики покрыта символическая структура произведений, наталкивающая читателя на новые образы, смыслы и значения, тем самым давая новый виток в раскрытии их идеи. Символизм как литературное течение возник в конце 19 века во Франции и нашел широкое применение в мировой литературе. Упаднический настрой, некое бессилие перед ситуацией или, шире того, перед миром, способствовали возникновению и развитию данного литературного направления. В современной литературе символизм характеризуется такими чертами как передача тончайших движений души, максимальное использование звуковых и ритмических средств поэзии, изысканная образность, музыкальность и легкость слога, поэтика намека и иносказания, знаковое наполнение обыденных слов, отношение к слову, как к шифру некой духовной тайнописи, недосказанность, утаенность смысла, стремление создать картину идеального мира, эстетизация смерти как бытийного начала, элитарность и др., которые несут в себе как положительную, так и отрицательную коннотацию. Опираясь на это различают этнические, культурные, специальные, графические, описательные, математические, антропонимические, нравственные, цветовые символы, символы действий и др.

Творчество башкирского писателя Мустая Карима пропитано народной мудростью и вековым опытом. Выступая в разных жанрах литературы, он доносит до читателей ответы на их извечные философские вопросы о смысле жизни, бренности бытия, любви и ненависти, добре и зле, жизни и смерти и др. Способствуют этому разные литературные методы и приемы, к которым прибегает автор.

В эпоху классицизма было принято давать героям говорящие имена, позволяющие читателю определить их особенности характера, привычек, судьбы. В эпоху реализма к данному методу стали обращаться реже. Однако не стоит забывать, что современный автор неслучайно наделяет персонажа тем или иным именем, закладывая в него определенную сущность образа. Конечно, имя нельзя однозначно назвать символом, но имя – это знак, определительная примета героя, связывающая его с множеством других деталей, образов и событий произведения. Рассматривая данный параметр с такой точки зрения, имеет место говорить о символичности имён в литературном произведении.

Таким образом, имя в произведениях выполняет несколько функций: это и скрытая, символическая характеристика героя, внутренняя связь между двумя противопоставленными героями, предзнаменование грядущих событий, отсылка к реально существующим персонам какой-либо эпохи.

Антропонимическая система трагедий М. Карима представлена мифологическими (Афродита, Зевс, Прометей и др.), историческими (Екатерина II, Салават Юлаев, Пугачев, Юлай Азналин и др.), назывными (Власть, Казак, Поэт и др.), профессиональными (Полковник, Почтальон, Рыбак и др.), национальными символами, а также антронимами-характеристиками (Горячев, Дивана, Шафак, Ялсыгул и др.). Целью данных символов является раскрытие роли того или иного персонажа, его социальной и идейной значимости в произведении посредством его имени.

Новое прочтение Мустаем Каримом мифа о титане Прометее в трагедии “Не бросай огонь, Прометей!” отвергает дискурс двусмыслия его образа или его негативной коннотации. Для драматурга Прометей однозначно положительный герой и идеальная личность, в которой счастливо сочетаются рациональное и эмоциональное, героическое и романтическое, слово и дело. Несмотря на это автор сохраняет антропологическую систему, то есть в трагедии используются имена богов и богинь Древней Греции как олицетворение тоталитарной власти – Зевс, любви – Афродита, ссоры и раздора – Эрида, двуличия и лжи – Гермес, справедливости – Фемида и др. В трагедии о титане встречаются и авторские имена. Адамшах (букв. “шах людей” или “вождь людей”). Адамшах представляет собой карикатуру на деспота Зевса. Это образ правителя тоталитарного толка, мнящего себя хозяином Земли, и ретрограда, боящегося любых изменений в мире. Персонажи Власть и Сила, которых автор обозначил нарицательными именами, являются олицетворением рабов тоталитаризма. Мустай Карим, основываясь на мифологических именах, вводит традиционную антропологическую систему с устоявшейся символикой.

Трагедия “Салават. Семь сновидений сквозь явь” представлена историческими именами: Салават Юлаев, Юлай Азналин, Пугачев и др., а также нарицательными антропонимами-характеристиками: Каратель, Помешанный казак, Поэт и др. Со временем данные исторические имена, оставаясь по форме именами собственными, утратили в значительной мере признаки своей категории и стали символами, олицетворением борьбы и свободы.

Имена персонажей в трагедии “В ночь лунного затмения” составляют собой целую антропонимическую систему, раскрывающую внутреннюю суть героев: Акъегет (букв. “белый парень”) – символ человека внутренней красоты, духовного совершенства; Зубаржат (“изумруд”) – символ нравственной чистоты; Танкабике (букв. “госпожа монеты”) – символ власти; Шафак – символ печали и скорби; Рыскул (букв. “раб богатства”) – символ алчности и жадности и др. Оппозиция имени и внутренней сущности персонажа представлена посредством образов Ялсыгула, Диваны и Дервиша. Преданный и верный слуга Танкабике Ялсыгол (букв. “раб”) в конце произведения восстает против традиционных устоев и предстает непокорённым “рабом”, “властелином”, сделавшим для себя свободный выбор. Дивана или юродивый, безымянный персонаж трагедии. Именно он выступает в произведении обличителем общественных пороков. Его речи и поступки носят свободолобивый характер, в них чувствуется протест против духовного рабства, притворства и лжи. Дервиш, выступая добродетелем и посредником между Богом и людьми, поддавшись искушению, приобретает свободу над религиозным рабством и становится одержимым Шафак, в заполучении которой прибегает к различным средствам. Тем самым автор, прибегая к собственным и нарицательным именам, подчеркивает сущность каждого героя и раскрывает его роль в трагедии.

В характеристике современного безнравственного поколения молодежи драматург использует уменьшительно-ласкательные аффиксы (Алпамышчик, Зарка и др.). Персонаж пьесы “Вечернее застолье” Алпамышчик носит имя батыра башкирских народных сказок Алпамыша, но внутренняя сущность героя далеко не соответствует характеристикам батыра, его душевная трагедия заключается в осознании им обманчивости всего происходящего.

Антропонимическая система драматургических произведений Мустая Карима представлена целой плеядой имен с различной символикой, позволяющих определить читателю внутренний мир героя. Драматург прибегает к различным именам: мифическим, интернациональным, башкирским, собственным и нарицательным, авторским, историческим и др., цель которых способствовать в раскрытии идеи художественной пьес, наполнить их глубинным смыслом. На основе анализа данных антропонимов можно вывести две разновидности антропонимов-символов: репрезентативные и антропонимы-характеристики. Если первые символизируют национальную, социальную и профессиональную принадлежность, то вторые либо отдельные качества личности, такие как физическое, моральное состояние, материальное положение субъекта, либо совокупность качеств личности.

Список литературы

1. *Ахмадеев Р.Б.* Конфликты, жанры, характеры. Уфа: Китап, 2009.
2. *Байгужина Г.Ш., Самирханова Г.Х.* Мотив смерти в творчестве Мустая Карима и Рашита Назарова //Современные исследования социальных проблем. Т. 9. № 3-3. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2017. С. 113-120.
3. *Кильмухаметов Т.А.* Драматургия Мустая Карима. Уфа: Китап, 1979.
4. *Карим М. Әсәрзәр.* Т.3. Өфө: Китап, 2012.
5. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 1997.
6. *Сәмерханова Г.Х., Байгужина Г.Ш.* Рәшит Назаров ижадында сатира һәм юмор //Проблемы востоковедения. 2016. № 1 (71). С. 63–69
7. *Хакимов А.Х.* С веком наравне: о творчестве Мустая Карима. Ташкент: Издательство литературы и искусства, 1971.
8. *Хренков Д.Т.* Мустай Карим. Литературный портрет. М.: Советская Россия, 1969.
9. *Хөсәйенов Ғ.Б.* Әзәбиәт ғилеме һүзлеге. Өфө: Китап, 2006.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹Н.С. Гегелова д-р филол. наук, ²А.М. Куприянов

Институт международного права и экономики им. А.С.Грибоедова,
кафедра истории и теории периодической печати,

¹Российский университет дружбы народов,
Филологический факультет,

кафедра массовых коммуникаций,

²НИУ «Высшая школа экономики»,

Факультет коммуникаций, медиа и дизайна,

Москва, gegelova_ns@pfur.ru, akupriyanov404@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ

Современные российские телеканалы, создающие молодежный контент, нуждаются в кардинальном пересмотре программной политики с позиции расширения спектра познавательных, образовательных программ, обогащающих молодежь новыми знаниями.

Ключевые слова: *телевидение, молодежная аудитория, программа, контент.*

Современное российское телевидение с каждым днем утрачивает молодежную аудиторию, хотя и старается освещать ценности нашей страны, современный образ жизни людей. В настоящее время на российских телеканалах недостаточно развивающих и просветительских телепрограмм, адресованных возрастной группе от 12-30 лет. В большинстве – это развлекательные программы, а не просветительские, образовательные и публицистические передачи.

Кризис в обществе отразился и на качестве телевизионных молодежных программ. Исчезли из эфира публицистические молодежные программы, в которых обсуждали актуальные проблемы, такие как «Акуна Матата», «12 этаж», программы культурно-просветительской тематики.

«Спад интереса к молодежной публицистике нельзя объяснить тем, что исчерпались творческие ресурсы существовавших программ: предпринимались многократные попытки и создания новых, и модернизация старых передач. Однако они не привлекли должного внимания, а программам-легендам никак не удавалось вернуть былое влияние. [4, с. 23].

Таким образом, телевизионные каналы испытывают недостаток качественного телевизионного контента, не могут пробудить интерес юных зрителей к программам и сделать их востребованными и наполненными смыслами.

Молодое поколение Z (14–23 года) чаще предпочитает смотреть информацию на тему «Культура, наука» (31%) и «Глянец» (26%). «Политика» интересует только пятую часть представителей поколения Z (19%), менее всего интерес у них вызывают «Проблемы, опасения» (8%).

Поколение миллениалов (24–35 лет), иксенниалов (36–42 года) и поколение X (43–54 года) больше интересуются темой «Культура, наука» (28%, 32%, 32% соответственно), а также «Политика» (26%, 27%, 30% соответственно). Однако они реже просматривают «Глянец» (15%, 11%, 9% соответственно) и «Проблемы, опасения» (11%, 12%, 14%) [3].

Если раньше советское телевидение ставило перед собой цель с помощью молодежных и других телепрограмм («Взгляд», «До шестнадцати и старше», «Акуна Матата», «12.этаж») воспитать гармонично развитую личность и создавало для этого развивающие и просвещающие программы и «эти передачи помогали молодым людям в выборе профессии, развитии собственных способностей, прививали любовь к труду, уважение к славным

трудовым и боевым традициям Родины, показывали примеры подлинного героизма советских людей».[4, с. 25], то наше современное российское телевидение предлагает, в основном, увеселительные программы «каналы — это в основном досуговые заведения. Здесь веселятся, скандалят, оскорбляют, унижают, дерутся из-за наследства покойных, перетряхивают исподнее беспокойных... звезд шоу-бизнеса. Эти вещатели принципиально аполитичны и последовательно развлекательны. Это царство дикой, нецивилизованной буржуазности» [1].

Молодежь не удовлетворяет предлагаемый контент, им все же не безразлична судьба своего поколения, они ищут в телевизионных программах положительного героя, своего современника, которому хотелось бы подражать, хотя на экране нам чаще показывают «героев» отрицательных: малолетних преступников, криминальные группировки и т.д.

В эпоху господства рекламы и шоу-бизнеса на экране, тем не менее, появляются отдельные программы, посвященные культуре, науке, образованию, истории, пользующиеся постоянным зрительским интересом. Молодежь с удовольствием смотрит такие программы, которых осталось немного, черпает для себя полезную, развивающую интеллект информацию.

Полезные развивающие программы, рассчитанных на все возрастные категории, предлагает Первый канал. В арсенале канала программа «Умники и умницы» (лауреат ТЭФИ). Это интеллектуальная гуманитарная телевикторина, бессменным ведущим которой стал кандидат исторических наук, заведующий кафедрой мировой литературы и культуры МГИМО Юрий Вяземский.

«Игровая программа для молодежи Ю. Вяземского “Умники и умницы” представляет в своих сюжетах факты из истории человеческой цивилизации, литературные портреты, мифологические сюжеты, которые в игровой, театральной форме становятся достоянием многочисленной телевизионной аудитории. В качестве выигрыша победитель получает право поступления в Московский государственный институт международных отношений. В данном случае можно говорить о пользе такой программы не только для молодежи, но и для всех зрителей, поскольку ценность знания становится здесь выше материальных подарков, призов и т.д. Наряду с развлекательной (гедонистической) функцией авторы добиваются воспитательного и познавательного эффекта программы» [2, с. 116].

Примером грамотной программной политики может послужить также деятельность федерального телеканала «Россия К», на котором с 2010 г. по настоящее время идет познавательный цикл «Академия». Этим проектом телеканал возродил утраченную традицию телевизионных лекций крупных ученых России.

Проект ориентирован на широкую зрительскую аудиторию и ставит своей главной целью *просвещение, доставку ценных знаний на дом*. Цикл программ «Академия» дает возможность молодежи, да и взрослым, присутствовать на лекциях ведущих специалистов из разных областей науки и культуры. Телевизионная студия переоборудована в вузовскую аудиторию, заполнена в основном молодежью. Цикловая программа «Академия» выполняет культурно-просветительскую и образовательную функции. В распоряжение ведущих ученых предоставлены мультимедийные возможности и современная телевизионная техника, но главную ценность этих телепрограмм составляет, конечно же, живое общение выдающихся ученых со своими слушателями.

Вот некоторые темы выпусков этого цикла: «Итальянские купцы привозили из Крыма русских жен и рабов», «Юпитер, Сатурн, Нептун. Идет лавина открытий» и т.д. На наш взгляд, наряду с известными учеными должны быть представлены и молодые — представители современных научных школ, которые могут стать наглядным примером для современной молодежи.

Самое ценное, что есть на телеканале — это интересные люди, с которыми ежедневно знакомят нас телепрограммы канала. Несколько раз в день выходят в эфир «*Новости культуры*». Зарубежные программы «*Мировые сокровища*», «*Плоды просвещения*», «*Энциклопедия*» и т.д. также имеют свою постоянную аудиторию. Культурно-

просветительская направленность канала ярко выражена и в таких телепрограммах, как «В главной роли», «Цвет времени», «Линия жизни». «Просветительское влияние телевидения в таких формах служит важным фактором в борьбе с невежеством и предрассудками, способствует формированию этических, нравственных ценностей. В программе “Цивилизация” наука и техника предстают перед зрителем как факторы развития отечественной культуры. Сюжеты программы апеллируют к чувству гордости за отечественную науку, уважению к людям, посвятившим свою жизнь науке, а, следовательно, благу общества» [2].

К сожалению, юные зрители, не смотрят телеканал «Россия К», на котором есть много просветительских, образовательных и развивающих телепрограмм, например, «Черные дыры, белые пятна», «Академия», «Игра в бисер», «Энигма», а выбирают развлекательные СТС, TNT, MTV.

Творческие усилия создателей программ для молодежи должны быть направлены на приобщение юных зрителей к единому культурному процессу, воспитанию патриотизма, повышению культурного уровня. По нашему глубокому убеждению, именно по этому пути необходимо двигаться российскому телевидению, а не приумножать число развлекательных телепрограмм.

Тиражирование развлекательной телепродукции, не лучшим образом сказывается на смысловой стороне программ и совсем не способствуют интеллектуальному развитию современной молодежи.

Программы для молодежи должна создавать сама молодежь, выпускники факультетов журналистики высших учебных заведений страны, которым хорошо известны интересы и предпочтения юных зрителей, своих друзей. Им будет легче наладить диалог и обратную связь со своей целевой аудиторией, соответствовать ее предпочтениям и запросам, говорить на одном языке со своими сверстниками. В структуре телеканалов должны заработать молодежные редакции, как это в свое время было на ЦТ, а также редакторский отдел, укомплектованный грамотными редакторами. Только системный, продуманный подход к созданию молодежных проектов может улучшить создавшийся на телевидении вакуум содержательных молодежных программ.

Сегодня молодежь все больше отдает свои предпочтения Интернету, а традиционные средства массовой коммуникации, в частности печать, радио, телевидение, уже не привлекают молодое поколение, но несмотря на это телевидение должно бороться за каждого юного зрителя, предлагая программы разных жанров и форматов, способные привлечь внимание своей развивающей интеллектуальной составляющей.

Список литературы

1. Богомолов Ю.А. Зигзаг неудачи. Что случилось с российским ТВ за минувшее десятилетие//Snob.ru 2020. №5. Цит. По <https://kiozk.ru/article/zigzag-neudaci-cto-slucilos-s-rossijskim-tv-za-minuvsee-desatiletie>.
2. Герасимова С.А. Культурология и теория коммуникации: элементарный курс. – М.: Гардарики, 2007. 173 с.
3. Каналы СМИ: популярность и предпочтения россиян. Электронный ресурс. URL: https://events-files-bpm.hse.ru/files/AE5D5F83-1060-4372-8566-E91BED98CF57/01.04.2020._%D0%A4%D0%9E%D0%9C_%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B0.pdf (дата обращения 22 сентября 2021 г.).
4. Цвик В.Л. Молодежное ТВ. Москва. ИПК ТВ и РВ. - 2007. С.23 – 25.

10.01.10

Ф.Х. Миннуллина, Г.Н. Зайнеева, Л.Ш. Гарипова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ,
отдел литературоведения, отдел текстологии,
Центр письменного и музыкального наследия,
Казань, minnullina77@mail.ru, gulnara.zaineeva@mail.ru, leilyashamilevna@mail.ru

**НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ
В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС Ш. УСМАНОВА «КРОВАВЫЕ ДНИ»
И Г. ИБРАГИМОВА «НОВЫЕ ЛЮДИ»)**

В статье выявляются историко-культурные и общественные предпосылки, оказавшие существенное влияние на формирование татарской драматургии 20-х годов XX века. Раскрываются нравственные и философские поиски писателей. Особое внимание в статье уделено пьесам Ш. Усманова «Кровавые дни» и Г. Ибрагимова «Новые люди», приведены рецензии на них из периодической печати того времени. Освещаются ранее опубликованные работы на данную тему.

Ключевые слова: *драматургия, драма, герой, жанр, пьеса, конфликт.*

Двадцатые годы – время рождения и становления нового социалистического искусства, время поисков, активных и острых дискуссий. Это время, когда по-новому ставился вопрос взаимоотношений искусства и реальности. Партийное руководство и государство начинают активно вмешиваться в литературу, начинается «проверка» писателей. В результате, из-за политического катаклизма национальная литература была разделена на три ветви: советская, «задержанная» (внутри страны) и литература зарубежья. Многие писатели той эпохи мечтали переделать мир, другие же – сохранить, восстановить культурные ценности. Не сразу татарские писатели встали на путь социалистической революции. Часть из них не могла принять её, вследствие чего вынуждена была эмигрировать. Большинство же встретило рождение нового общества без особых колебаний. Такие писатели, как Г.Ибрагимов, М.Гафури, Ф.Сайфи-Казанлы, Ф.Бурнаш, готовые к восприятию революции, в своих произведениях стремились раскрыть привлекательность борьбы за свободное общество, личности. Другим художникам слова, чтобы познать всю глубину и отобразить новые изменения в своих произведениях, требовалось время. Они не хотели быть пассивными наблюдателями и стремились проявить своё отношение к этим переменам, разоблачающим старое общество. Построение нового государства требовало создания нового направления в литературе. Драматурги были охвачены духом перемен, желанием творить, служить и претворять новые идеи, воздвигать новый мир. «Каждая эпоха, — писал М. Бахтин, — имеет свой ценностный центр в идеологическом кругозоре, к которому сходятся все пути и устремления идеологического творчества. Именно этот ценностный центр становится основной темой или, точнее, основным комплексом тем литературы данной эпохи» [3, 504]. Анализируя репертуар татарского театра 1921-1922 гг., Ф.Бурнаш предлагал исключить произведения с религиозным и националистическим содержанием. Он призывал отвести основное место пьесам революционного содержания. Драматургия данной эпохи, безусловно, изучена, установлен ее характерный жанровый репертуар, определены и описаны конкретные явления. Например, в трудах А. Ахмадуллина, Н. Ханзафарова, А. Закирзянова, А. Габяши освещается история драматургии советского периода, выделяются жанрово-тематические образования. Как пишет А. Ахмадуллин: «Правда, к пониманию глубины и значения происходящих событий, к отражению всего этого в своих произведениях писатели шли разными путями. Социалистические изменения каждый

понимал и воспринимал по-своему. Но всем им импонировали лозунги большевиков: “землю – крестьянам”, “фабрики и заводы рабочим”, “равенство народам”, “конец войне” и т.д. [2, 74]. А. Закирзянов в монографии выделяет: «В современном литературоведении этапом, породившим множество споров и противоречий, является послеоктябрьский период развития искусства слова. Советская литература, представленная периодами «20-е годы», «30-е годы», «военное время», «послевоенные годы» и т.д. – является результатом стремления отобразить взлеты и падения, приобретения и потери в процессе литературного развития» [6, 183]. Как известно, в годы революционных событий литература выражала протесты против социального гнета, неравенства, защищала интересы простого народа. В связи с этим главным действующим лицом стал большевик революционер, рабочий, труженик и т.д. Писателей при этом привлекал процесс становления сильной незаурядной, духовно-целостной личности, происшедшей из батраков, рабочих, солдат, матросов, а иногда и мелких служащих. Поскольку все авторы были непосредственными свидетелями разворачивавшихся событий, можно увидеть в их пьесах панораму «взглядов» с разных позиций. Это взаимоотношения революции и человечности, политики и нравственности, проблема кризиса традиционного гуманизма и рождение «нового человека». В драматургии, в том числе и татарской писатели обращались к мотиву классовой борьбы. В результате, в 20-е годы формируется натуралистическая «эстетика крови». Слово «кровь» входит в названия произведений тех лет («Молодость, рожденная в крови» Х.Такташа, «Кровавые тени» Ш.Бабица, «Кровавые дни» Ш.Усманова и др.). Например, в пьесах Ш. Усманова олицетворяется борьба за новый мир. Драмы «Кровавые дни» и «Первый шаг» создавались в самый разгар Гражданской войны – в 1919 году. Первое свое литературное произведение – пьесу «В кровавые дни» Ш. Усманов написал под впечатлением событий, после освобождения Оренбурга. Пьеса мгновенно разлетелась по стране и стала бестселлером всех рабочих и солдатских сцен Поволжья, Урала, Сибири... «Это было произведение огромной социальной значимости», – писала первая исполнительница главной роли, заслуженный деятель искусств **К.Тумашева**. Как отмечается в статье «Комиссар», созданная в труднейшее время войны, разрухи и идейного разброда пьеса, вдохнула уверенность в сердца тысяч растерявшихся солдатских парней, помогла им выбрать путь борьбы за правду. Подобное произведение мог создать только честный, беззаветно преданный народу человек» [1]. Н. Ханзафаров, рассматривая пьесу в обзорной статье «Татарская драматургия» дает оценку героям пьесы. По мнению автора статьи, углубляясь в философию революции, герои стремятся к новому, справедливому построению жизни, и друзья, и враги этих героев раскрываются только по отношению к революции: поэтому для них не важны такие связи, как национальное и религиозное единство, братство.

Как отмечает З. Саяхова, значительное место «эстетика крови» занимает в произведениях Г. Ибрагимова, написанных в 1920-е годы. Кровопролитная борьба за переустройство мира была оправдана как историческая закономерность в драме «Новые люди» (1920). По мнению автора: «Эстетика крови» в творчестве Г. Ибрагимова – это художественное выражение безобразного, социально опасного, лишённого всякого разумного смысла советской действительности двадцатых годов» [8, 17]. Эта пьеса с исторической стороны подробно рассмотрена в статье Зайнессовой Г.Н. и Хуснутдиновой Г.А. «Исторические реалии в произведениях Г.Ибрагимова (на примере произведений «Новые люди», «Красные цветы», «Люди»)» [5].

Единственное сценическое произведение писателя отдельным критикам не нравится. Появляются критические статьи разного характера. Суть расхождении мнений, связано с разным пониманием особенности нового героя нового времени. Так, Ш. Байчура резко критиковал «Новых людей». По мнению рецензента, основной недостаток произведения состоял в том, что, хотя в нём и поставлена задача показа новых героев эпохи, их путь в революцию вызывает возражения, ибо он, этот путь, у героев не «идеален». Главный герой пьесы должен был изображаться как герой, страдающий за более общие пожелания, а не то, что писатель показывает любовь Батырхана к героине пьесы Зайни, в разгар борьбы, и

положительно иллюстрирует эти отношения. Ф. Бурнаш также выступил с критикой. Нужно отметить, в драме повествуется о новых людях, воспитанных революционным духом, их борьбе за власть Советов, о подвигах, совершенных на фронте. Фатих Сайфи-Казанлы отмечает большое значение произведения для молодой литературы. «Это произведение заслуживает высокую оценку тем, что писатель сам «кипел» внутри этой борьбы», - пишет он. Ш. Ходаяров отмечает: ««Новые люди» – плод Октябрьской революции, в произведении нет агитации, это картина, показывающая итоги революции через три года. Ценность драмы – не монологи, не речи, не агитации, а именно представление перед читателем единой картины, движения, сюжета». Анализируя пьесу А. Ахмадуллин отмечает: «Основным критерием в определении значимости таких героев автор выдвинул их преданность революционному делу» [2, 102]. А. Закирзянов пишет, что драма «Новые люди», отличается не только оценкой событий нового общества, но и тем, что описывает формирование нового героя, преодоление серьезных внутренних противоречий. По мнению Миннуллиной Ф.Х. в произведении можно предположить, что Г. Ибрагимов мог бы дать возможность совмещать личную и общественную жизнь. В пьесе представлены не только классовые противоречия, но и формирование людей, образующих новое общество, кровавые события своего времени, трагедию личности в связи с трагедиями гражданской войны [7, 50]. В этом смысле заслуживает внимания образ представителя молодого поколения Тимеркея. Герой думает, что достигнуть общечеловеческого счастья можно только путем пролития крови. Автор реалистически показывает непримиримость классовой борьбы, картины из жизни деревни в годы революции, образы сильных духом людей. Здесь мастерски раскрываются характеры героев через их поступки, затрагивая политические, социальные и морально-этические стороны. Батырхан и Тимеркай в борьбе за новое общество, во время гражданской войны стали жесткими, беспощадными, по их мировоззрению – только через кровопролитие возможно обрести равенство, счастливое будущее. Таким образом, последствия Октябрьской революции доводят до предела ощущение деструктивности существующего мироустройства, изменению привычных ориентиров: в татарской драматургии тех лет образ Хаоса, жестокого входит в творчество многих художников слова. Это было время рождения нового искусства, новой культуры, нового человека.

Список литературы

1. Айслу Шамилева Сагайдак-Усманова. Комиссар <http://historio.ru/usmanov.php>. Дата обращения: 30. 08.2021.
2. Ахмадуллин А. Татарская драматургия (история и проблемы). – Казань: 2012. – 353 с.
3. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Закирзянов Ә.М. Г. Ибраһимов һәм татар әдәбияты яңарышы Наследие Галимджана Ибрагимова в контексте многообразия культур. Материалы международной конференции.– Казань, 2017. – С. 146-149.
5. Зайнеева Г.Н., Хуснутдинова Г.А. Исторические реалии в произведениях Г. Ибрагимова (на примере произведений «Новые люди», «Красные цветы», «Люди» // Казанская наука. - 2018. - № 10. - С. 30-32.
6. Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). Казань: Ихлас, 2011. – 320 с.
7. Миңнуллина Ф.Х. 1920 еллар татар драматургиясендә чор фажигасы чагылышы // Фәнни Татарстан. – 2021. - №3. Б. – 49-55.
8. Салыхова З.Г. Натурализм в творчестве Галимджана Ибрагимова : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.02 / КГУ. - Казань, 2004. - 22 с.
9. Юсупова Н. Поэзия // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. 5 т. : XX йөзгә 20-50 нче еллары . – Казан : Татар. кит. нәшр., 2017.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

**О.А. Астафьева канд. филол. наук, Т.А. Колоскова канд. филол. наук,
И.А. Башкирова канд. филол. наук, С.А. Прямухина, канд. филол. наук**

ГОУ ВО МО «Государственный Гуманитарно-технологический университет (ГГТУ)»,
филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
Орехово-Зуево, olga.astafeva.71@mail.ru, koloskova_tak@mail.ru

**СПОСОБЫ ИНТЕГРАЦИИ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ
В ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС**

Данная статья посвящена исследованию проблемы использования инновационных образовательных арт – технологий в педагогическом процессе. В работе рассматриваются понятия «арт - технология», «арт-терапия», «арт-педагогика», характеризуются способы интеграции арт – технологий в обучение и воспитание на уроках литературы и русского языка. Авторами делается вывод о том, что образовательные арт-технологии обладают огромными возможностями в педагогическом процессе и обеспечивают условия для творческого, коммуникативного и личностного развития обучающихся.

Ключевые слова: интеграция, арт-технологии, арт-терапия, обучение, уроки русского языка, уроки литературы, артпедагогика.

В педагогическом процессе важная роль отводится интегрированным урокам, которые формируют у обучающихся основы целостного представления об окружающем мире, развивают познавательный интерес, всесторонне развивают личность. В соответствии с концепцией нового образования системно - деятельностный подход к обучению позволяет преподавателю строить уроки с применением инновационных технологий [1, с. 30]. Арт – технологии соответствуют стандартам нового образования и создают условия для вдохновения учащихся, творчества, для развития, обретения уверенности в себе и раскрепощенности.

Термин «арт-технология» связан с термином «арт-терапия», который впервые употребил в 1938 году художник Адриан Хилл. Арт-терапия (от английского «art», то есть «искусство» + «терапия») стала направлением в психотерапии и психологической коррекции, основанным на применении форм искусства и творчества для терапии. Образовательные арт-технологии опираются на методы и приёмы арт-терапии, которую именуют как «терапию творчеством» (или «креативную терапию»), «арт-терапевтические технологии», «арт-психологию», «терапию творческим самовыражением» [7, с. 38].

Учёные и психологи стремятся всесторонне раскрыть содержание арт-терапии. Например, Л.Д. Лебедева характеризует арт-терапию как инновационную педагогическую технологию во внеклассной работе педагога. В.Г. Самойлова пишет, что арт-терапия – это концепция взаимодействия между обучающимся, продуктом его творческой деятельности и арт-терапевтом (либо же педагогом) в «фасилитирующем» (это стиль управления, в переводе обозначает «помогать», «облегчать», «способствовать») пространстве для достижения поставленных задач и целей (психотерапевтической, коррекционной, диагностической, развивающей, воспитательной и др.) [9, с. 7].

Американский психолог, педагог и художник Маргарет Наумбург была одной из первых, кто, основываясь на работах известного психолога и психиатра Зигмунда Фрейда, в которых говорилось о том, что все мысли и переживания, возникающие в подсознании, проявляются в виде символов, форм и картинок, стала рассматривать искусство с точки зрения терапии.

Продолжила развивать эту идею в 1950-х годах австро-американская художница и педагог Эдит Крамер, по мнению которой задача арт-терапия состоит в привлечении обучающихся к творческой деятельности и обеспечении им психологической помощи. На практике арт-терапию впервые применила Х.Я. Квятковски, которая использовала методы и приёмы арт-терапии на сеансе с целью поддержания домашних отношений. Для этого она предложила всем членам одной семьи нарисовать рисунки. Такая художественная сессия показала, что рисунки очень многое говорят о проблемах и конфликтах внутри семьи, о распределении ролей.

На интеграцию в образование арт-технологий оказали влияние художественные объединения, так как они создавали прогрессивные новаторские педагогические модели, которые помогали полноценно раскрыть потенциал каждой личности, гармонизировать душевный мир и воспитать посредством искусства.

В переводе с английского слово «art» обозначает «искусство», «мастерство», «художественный» и «искусственный». Термин «арт-технологии» понимается как «система действий, операций, методов, содержанием которых является язык и закономерности искусства, направленные на развитие личности и дающие возможность контактировать с глубинными аспектами духовной жизни, с внутренней реальностью». [5, с. 96]

В образовательный процесс, по мнению По Т.А. Барышевой, можно интегрировать следующие арт-технологии.

1) Технологии художественной герменевтики. Герменевтика (буквально «разъясняю» с древнегреческого) – это одновременно и наука познания литературы, и способ интерпретирования, истолкования текстов. На уроках литературы применяют и репликации (способ, при котором при создании новой художественной формы в качестве образца берут уже существующие произведения), и иллюстрации (фотографии, картины, гравюры и т.д., которые помогают в интерпретировании текста), искусствоведческое эссе (как сравнительный анализ литературных и культурных достижений) и др. При изучении художественного произведения преподаватель может использовать приём бинарных оппозиций (приём вступления в диалог с автором и его позицией), приём герменевтического круга (приём, способствующий раскрытию авторской истины: раскрытие себя через окружающий мир), приём интертекстуальности (приём, позволяющий увидеть «диалог» текстов, их взаимодействие), приём метафоризации (приём, позволяющий понять авторское сознание, его видение мира через язык), приём отстранения (приём, позволяющий посмотреть на текст иначе, «другим» взглядом, обособленным от мнения извне) и приём реактивации прошлого опыта значащих переживаний (приём, позволяющий осознать мифологическое авторское познание).

2) Технологии художественного моделирования (моделирование - метод, позволяющий изучить интересующий объект через модель). Эти технологии применимы и на уроках изучения литературы, и на уроках русского языка. Это линеограммы (методика исследования личности, которая опирается на анализе движений рук; при прочтении определённого текста обучающийся будет неосознанно рисовать линии, интерпретация которых подводит к выводу об отношении испытуемого к тесту), формограммы и цветограммы (за основу берутся либо формы изображаемых объектов, либо их цвет), пластическое моделирование (в процессе работы над текстом создаются ассоциации и метафоры), символизация (анализ символов текста, разработка навыков видения символов в художественном тексте и попытки их интерпретировать), художественные аналогии (при написании сочинений сравнение схожих произведений, героев, характеров и идей), схематизация и др.

3) Технологии художественной трансформации. Например, они помогают учителю при филологическом анализе художественного текста выявить различные изобразительно – выразительные средства (инверсию (от латинского «переворачивание», «перестановка» нарушение порядка слов), агглютинацию (от латинского «приклеивание» то есть создание новых слов при помощи аффиксов), анаграммы (от греческого «над-знак» или «сверх-знак», то есть создание новых слов при помощи перестановки букв или звуков); приемы: коллаж (от

французского «приклеивание», или соединение в одном произведении неоднородных компонентов), перформанс (от английского «представление», то есть публичное выступление по прочитанному и изученному тексту), инсталляцию (от английского «установка», «размещение», или пространственную композицию, созданную по прочитанному и изученному тексту) и др. например, на уроках изучения таких модернистских литературных течений начала XX века, как футуризм, сюрреализм, символизм, с помощью инсталляции учитель формирует у школьников более глубокий и вдумчивый взгляд на привычные слова и предметы, на приемы недосказанности и загадочности.

Комплекс образовательных арт-технологий нацелен на формирование творческих, креативных возможностей обучающихся во время педагогического процесса и является важной составляющей частью артпедагогики, призванной воспитывать, обучать и развивать личности средствами различных видов искусства.

Способы, которые используются в арт-технологиях, многогранны и способны решить множество учебно-воспитательных задач. Так, арт-технологии формируют и актуализируют креативные возможности обучающихся; способствуют росту самооценки и самосознания обучающихся; раскрывают нравственно-чувственные возможности личностей; развивают умения управлять своими эмоциями; умения расслабляться и снимать стресс; умения регулировать проблемы как внутренние, личностные, так и групповые; развивают умения решать конфликтные ситуации; формируют коммуникативные навыки и навыки обоюдного доверия. [5, с. 10]

Таким образом, образовательные арт-технологии и на уроках русского языка, и на уроках литературы обеспечивают условия для творческого, коммуникативного и личностного развития, для приобретения решительности и для лучшего понимания внутреннего «я» обучающихся. Они обладают огромными возможностями в педагогическом процессе.

Список литературы

1. *Астафьева О.А.* Эффективные инновационные приемы образовательных технологий в преподавании морфологии русского языка / О. А. Астафьева, Т. А. Колоскова, Е. Ю. Тупицына // *Казанская наука*. – 2021. – № 5. – С. 30-32.
2. *Астафьева О.А.* Инновационные методы в преподавании курса "трудные вопросы орфографии и пунктуации" / О. А. Астафьева, Т. А. Колоскова // *Инновационная практика в вузе в контексте модернизации образования : Сборник материалов VII учебно-методической конференции, Орехово-Зуево, 24 сентября 2013 года*. – Орехово-Зуево: Московский государственный областной гуманитарный институт, 2013. – С. 3.
3. *Астафьева О.А., Колоскова Т.А.* Компетентностный подход к формированию орфографических и пунктуационных навыков студента-филолога // *Реализация компетентностного подхода в подготовке современного специалиста : Сборник материалов VI учебно-методической конференции, Орехово-Зуево, 22 мая 2012 года / Московский государственный областной гуманитарный институт*. – Орехово-Зуево, 2012. – С. 24-30.
4. *Астафьева О.А., Колоскова Т.А.* Тестовые методики при организации самостоятельной работы бакалавров-филологов // *Казанская наука*. – 2017. – № 5. – С. 144-146.
5. *Барышева Т.А.* Словарь-справочник для специалистов в области образования, инноваций и гуманитарных технологий в социальной сфере. – СПб.: Российский гос. педагогический ун-т им. А.И. Герцена, 2014. – 380 с.
6. *Колоскова Т.А.* Новые подходы к обучению грамматике с помощью средств наглядности на уроках русского языка / Т. А. Колоскова, О. А. Астафьева // *Лингвистика и лингводидактика: СБОРНИК НАУЧНЫХ ТЕЗИСОВ И СТАТЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ ОЧНО-ЗАОЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, Орехово-Зуево, 26 февраля 2021 года*. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2021. – С. 96-101.
7. *Копытин А.И.* Арт-терапия. – СПб.: Питер, 2001. – 421 с.
8. *Кристя С.В.* Формы современных технологий на уроках русского языка в средней школе / С. В. Кристя, Т. А. Колоскова // *Сборник научных статей по итогам международного научного фестиваля молодёжного проектирования-2020, Орехово-Зуево, 27–29 апреля 2020 года*. – Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2020. – С. 259-262.
9. *Лебедева Л.Д.* Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. – СПб.: Речь, 2005 – 226 с.
10. Сайт Арт-технологии в обучении и воспитании (infourok.ru) (Дата обращения 28.08.2021)

10.02.01

Л.Р. Бакирова канд. филол. наук

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России»,
Уфа, bakirova.lena@bk.ru

ПОСТАНОВКА И КОРРЕКЦИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ [О] И [У] НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Статья посвящена проблеме совершенствования русского произношения инофонами. В ней представлены артикуляционная характеристика и приемы отработки гласных звуков [о] и [у] на занятиях по русскому языку как иностранному. Приведены тренировочные упражнения и задания, а также стихотворения, скороговорки, пословицы, поговорки, идиоматические выражения, работа над которыми способствует коррекции и закреплению произношения звуков

Ключевые слова: *русский язык как иностранный, гласные звуки, постановка произношения, артикуляционная характеристика, тренировочные упражнения, языковой материал.*

Иностранные обучающиеся, родным языком которых является персидский, арабский и некоторые другие языки, часто сталкиваются с трудностью произношения и дифференциации звуков [о] и [у]. При отсутствии должного внимания к этим звукам со стороны преподавателя на этапе вводно-фонетического курса данная проблема может перейти в системную, когда иностранные обучающиеся не только неправильно произносят звуки [о] и [у], но и неправильно пишут и читают слова, в которых они встречаются. Это будет мешать правильному пониманию грамматики и лексики русского языка, поэтому очень важны постановка и коррекция звуков русского языка на занятиях по русской фонетике: «...прежде чем изучать слова и грамматику, прежде чем учиться говорить и понимать чужую речь на слух, необходимо овладеть фонетическими средствами языка» [3, с. 111].

Звук [у] в русском языке – гласный, верхнего подъема, заднего ряда, лабиализованный; звук [о] – гласный, среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный. Следует рассказать иностранным обучающимся, что гласные [о] и [у] – лабиализованные. При их образовании губы вытягиваются вперед и округляются, поэтому часто их еще называются «огубленными» (от латинского *labium* – губа). Гласные, при образовании которых губы активного участия не принимают, называются нелабиализованными. Остальные гласные в русском языке – [и], [ы], [е], [а] – нелабиализованные.

Гласные [о] и [у] относятся к гласным заднего ряда. При образовании гласных заднего ряда наиболее приподнятой частью спинки языка является ее задняя часть, которая артикулирует по отношению к мягкому нёбу.

Для того, чтобы иностранным обучающимся было легче понять дифференциацию изучаемых звуков, можно предложить поработать со сравнительной характеристикой артикуляций звуков [у] и [о], которая наглядно выглядит следующим образом:

Таблица – Сравнительная характеристика артикуляций звуков [y] и [o]

Звук [y]	Звук [o]
Губы	
Активны: сильно вытянуты вперед и вперед и округлены	Активны: вытянуты вперед, округлены меньше, чем у звука [y]
Нижняя челюсть	
Приподнята, как у звука [и]	Опущена больше, чем у звука [и], но меньше, чем у звука [a]
Раствор рта	
Узкий	Шире, чем у звука [y], но уже, чем у звука [a]
Язык	
Спинка в задней части приподнята к мягкому небу, кончик опущен, отодвинут далеко назад от нижних зубов.	Спинка в задней части приподнята к мягкому небу меньше, чем у звука [y]; кончик опущен, отодвинут назад от нижних зубов меньше, чем у звука [y]

Итак, артикуляционная характеристика звука [o]: раствор рта средней ширины. Губы вначале произношения сильно вытянуты и округлены, как при [y], потом они несколько отходят назад и расходятся шире. Язык в целом оттянут назад, кончик языка опущен и не касается нижних зубов, передняя и средняя часть спинки языка тоже опущена. Задняя часть сначала занимает высокое положение, как при [y], затем опускается. Корень языка приближается к задней стенке глотки, но меньше, чем при [y].

При произношении звука [y] губы активны: сильно вытянуты вперед и округлены. Нижняя челюсть приподнята, как у звука [и]. Раствор рта узкий. Спинка языка в задней части приподнята к мягкому небу, кончик опущен, отодвинут далеко назад от нижних зубов. Язык отодвинут назад.

Таким образом, гласный [o] отличается от [y] меньшим подъемом спинки языка, более широким раствором рта, меньшей округленностью и вытянутостью губ [2, с. 37].

После освоения иностранными слушателями артикуляционных характеристик звуков необходима работа над постановкой произношения и коррекция. Под постановкой произношения в методике обучения русскому языку как иностранному понимается «комплекс заданий и упражнений для формирования произносительных навыков, правильного произношения» [1, с. 205]. Отметим, что «...на начальном этапе обучения русскому произношению большее внимание уделяется тренировочным упражнениям...» [6, с. 17].

Тренировочные упражнения – тип упражнений, задачей которых является научить учащихся пользоваться языковым материалом в различных видах речи как в процессе развития навыков и умений, так и для их закрепления после того, как они уже сформированы [1, с. 319].

Задания и упражнения могут быть следующего типа:

1. Произнесите слоги и слова:

Ло-ло-ло – лось, лодка

Ло-ло-ло – локоть, ловля

Ло-ло-ло – лото, логика

Ло-ло-ло – ловкий, молот

Лу-лу-лу – луна, лужа

Лу-лу-лу – шалун, голубка

Лу-лу-лу – тулуп, полугодие

Лу-лу-лу – белуга, палуба

2. Повторите ряды слогов с изменением ударения:

лО-ло-ло

ло-лО-ло

ло-ло-лО

лУ-лу-лу

лу-лУ-лу

лу-лу-лУ

3. Прочитайте, переведите незнакомые слова, ответьте на вопросы:

Розы, козы, руки, лук, косы, Рома, туча, Тома, дом, ручка, робот, ручей, рот, рог, перо, сорока, ворона, корова, ворота, народ, паром, дорога, пирог, парус, кукуруза, кенгуру, Маруся, карусель, парусник.

Какие из этих слов отвечают на вопрос кто?, а какие на вопрос что? Какие слова обозначают один предмет, а какие – несколько?

4. Прочитайте, переведите незнакомые слова, повторяйте за преподавателем:

Кукуруза, шурум-бурум, усугубить, бурундук, мускулатура, субкультура, фурункул, аккумулярующий, упушу, футурум, акупунктурный, урегулируется, ультраструктура, молокозавод, плодовоовощной, полуторагодовалый, товарооборот, золотоволосый, основоположник, документооборот, противоположность, холодостойкость, высокоскоростной, словопроизводство, хлороводород, костномозговой.

Следующий важный этап – работа над скороговорками и короткими стихотворениями, которые содержат в своей структуре необходимые звуко сочетания.

Для коррекции и закрепления произношения гласных звуков [о] и [у] на занятиях по русскому языку как иностранному мы предлагаем использовать следующие скороговорки и короткие стихотворения:

1. Караулила Уля улей, утром уснула Уля у улья.

2. Купила Марусе бусы бабуса.

На рынке споткнулась бабуса о гуся...

Не будет подарка у внучки Маруси:

Все бусы склевали по бусинке гуся.

3. – Расскажите про покупки.

– Про какие про покупки?

– Про покупки, про покупки,

Про покупочки свои.

4. Говорит попугай попугаю:

– Я тебя, попугай, попугаю.

Отвечает ему попугай:

– Попугай, попугай, попугай!

5. Кукушка кукушонку

Купила капюшон.

Надел кукушонок капюшон –

Как в капюшоне он смешон!

6. На болоте, на лугу стоит миска творогу.

7. Скоро мы все скороговорки выскороговорим.

8. Все бело, бело, бело!

Много снегу намело.

9. У осы не усы,

Не усищи, а усики.

10. Проворонила ворона воронёнка.

11. Если если после после, значит после перед если.

Если если перед после, значит после после если.

12. Ослик был сегодня зол:

Он узнал, что он осёл.

С целью расширения дидактического материала на занятиях по постановке русского произношения в иностранной аудитории рекомендуется использование специфических фраз и оборотов – пословиц, поговорок и идиоматических выражений. В методике отмечается, что «... использование такого материала позволит преподавателю, сохраняя общую направленность на постановку и тренинг произношения тех или иных русских звуков, одновременно разнообразить фонетические занятия, поговорить со студентами о специфике русского мировосприятия, расширить их кругозор и русский лексический запас, сделать небольшие экскурсии в историю как русского языка, так и русского народа» [4, с. 5].

При отработке гласных звуков [у] и [о] мы предлагаем выполнить следующее задание: *прочитайте, повторяйте за преподавателем пословицы, поговорки, идиоматические выражения. Запомните их.*

1. Дружба дружбой, а служба службой.
2. Лучше учиться на чужом опыте.
3. Рука руку моет.
4. Держать руку на пульсе.
5. До глубины души.
6. Душа в душу.
7. Из рук в руки.
8. Из уст в уста.
9. Ни слуху ни духу.
10. Работать засучив рукава.
11. Работать спустя рукава.
12. Шутки в сторону.

Итак, постановка и коррекция правильного произношения трудных для иностранных обучающихся звуков русского языка – важная работа наряду с развитием лексических и грамматических навыков. Предложенные тренировочные упражнения и задания, работа над скороговорками и короткими стихотворениями, содержащими в своей структуре необходимые звуко сочетания, использование на занятиях по фонетике специфических фраз и оборотов – пословиц, поговорок и идиоматических выражений, – все это поможет инофонам совершенствовать русское произношение.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – Москва : ИКАР. – 2009. – 448 с.
2. Бочкарева Т.А. Основные сведения по фонетике современного русского языка. Учебное пособие для дистанционного обучения студентов факультета коррекционной педагогики и специальной психологии. – Саратов, 2008. – 66 с.
3. Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2006. – 272 с.
4. Прыгают на языке скороговорки, как караси на сковородке : материалы для занятий по русской фонетике / сост. Н. В. Богданова-Бегларян, С. Б. Степанова. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2013. – 64 с.
5. Фонетическая хрестоматия. Материалы по русской фонетике. Скороговорки и палиндромы. Пословицы и поговорки. Идиоматические выражения. Стихи / сост. Н. В. Богданова, Л. В. Игнаткина. – Санкт-Петербург, 2003. – 204 с.
6. ШUTOва М.Н. Фонетические упражнения на уроках РКИ // Русский язык за рубежом, № 2, 2017.

10.02.01

Л.В. Бронник

Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра прикладной лингвистики и новых информационных технологий,
Краснодар, larisa-bronnik@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «КОВИД-19» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Данная работа посвящена анализу особенностей функционирования концепта «ковид-19» в русскоязычном дискурсе на основе когнитивно-синергетической методологии. Установлено, что варьирование динамики в русскоязычном дискурсе обусловлено необходимостью адаптации к новым быстро меняющимся условиям коммуникации. Выявлены три типа целей – аттракторов, которые определяют три режима функционирования концепта «ковид-19» в дискурсе.

Ключевые слова: *концепт «ковид-19», русскоязычный дискурс, функционирование концепта «ковид-19», аттракторная модель.*

Современная жизнь характеризуется бурными изменениями, вызванными новой коронавирусной инфекцией и затронувшими в 2020–2021 гг. весь мир. Лингвокогнитивная сфера человека, отвечая на вызов времени, порождает новые ментальные сущности, отражающие изменившиеся социальные условия, и новые языковые структуры, реализующие их в дискурсе. Концепт «ковид-19», несомненно, является ключевым в формирующемся фрагменте русской лингвоконцептосферы, что предопределило наш интерес к нему в качестве объекта исследования. Цель данной работы состоит в том, чтобы выявить особенности функционирования концепта «ковид-19» в русскоязычном дискурсе. Методологией исследования послужила теория когнитивной лингвосинергетики, поскольку ее потенциал позволяет не только описывать концептуальные процессы, сопряженные с языком, но и объяснять их. Для достижения поставленной цели необходимо решить несколько задач: 1) выявить типы динамики, демонстрируемые в дискурсе языковым концептом «ковид-19»; 2) определить типы целей, которые направляют его поведение в дискурсе.

Ранее в работе [1] мы представили аттракторную модель концепта, в основе которой, как явствует из названия, понятие *аттрактора* – цель динамики концепта, то «...относительно устойчивое, характерное для данной фазы жизненного цикла состояние (структура), которое система концепта стремится достичь и, возможно, достигнет при определенных внутренних и внешних условиях». Кроме того, нами была установлена зависимость между типом динамики концепта в дискурсе и его аттрактором (типом цели), который управляет этой динамикой [Там же]. Эти положения задали основные теоретические координаты данного исследования, в результате которого были выявлены следующие особенности функционирования концепта «ковид-19» в русскоязычном дискурсе.

1. Точечный аттрактор (концептуальный смысл → одна языковая структура), который связан с режимом устойчивого функционирования концепта «ковид-19» в дискурсе без изменения его языковой структуры.

До 11 февраля 2020 года когнитивная структура, обозначающая новую коронавирусную инфекцию, не имела названия ни в одном из языков мира. В русскоязычном дискурсе ее называли, следуя общей тенденции, «новым коронавирусом 2019-nCoV», «2019-nCoV», «новым коронавирусом», «новой коронавирусной инфекцией», «китайским вирусом», «вирусом из Китая», «вирусом из Уханя» и др. После того как в Твиттере ВОЗ появилось

сообщение о том, что эту болезнь решили именовать «COVID-19» (английская аббревиатура от *corona virus disease 2019*), это слово было подхвачено и растиражировано российскими СМИ. Например: *ВОЗ дала название китайскому коронавирусу — COVID-19* [2].

Схематически это можно записать так: [[Новая коронавирусная инфекция]/[COVID-19]], где [Новая коронавирусная инфекция] – это значение концепта, [COVID-19] – языковая форма, используемая для его выражения, внешние квадратные скобки символизируют устойчивость связи между ними (за основу данной условной записи взята система Р. Лангакера). С точки зрения аттракторной модели, перед нами – точечный аттрактор: концептуальный смысл [Новая коронавирусная инфекция] притягивается к одной и той же языковой структуре-аттрактору [COVID-19], при этом условия коммуникации характеризуются постоянством, они не выходят за рамки потребности называть новую опасную болезнь при речевом взаимодействии людей.

2. Регулярные аттракторы – периодический (концептуальный смысл → две языковые структуры) и квазипериодический (концептуальный смысл → *n*-е количество языковых структур), которые действуют в режиме устойчивого функционирования концепта «ковид-19» в пределах варьирования его языковой структуры.

Благодаря тому что браузер Гугл позволяет производить поиск в Веб-корпусе, используя временной фильтр, мы выяснили, что изменение исходной языковой формы концепта «COVID-19» началось уже через несколько дней. 14 февраля 2020 г. на портале «Известия» появилось сообщение, в котором специалисты-медики обсуждали три русифицированных варианта названия нового вируса: КоВиД-19, КоВиБ-19 и SARS-Cov-2 [8]. Как мы уже знаем, два последних не прижились, а первый получил распространение не только в медицинском, но и в обыденном дискурсе. Итак, в краткой записи динамика концепта «ковид-19» имеет под влиянием периодического аттрактора следующий вид: [[ковид-19]/[COVID-19, КоВиД-19]].

Уже весной 2020 г. начали появляться вариации этих языковых форм, которые, как показал анализ их частотности в интернет-корпусе, стали регулярными. Другими словами, в этих случаях динамика концепта «ковид-19» находится под влиянием квазипериодического аттрактора: [[ковид-19]/[COVID-19, CoVid-19, Covid-19, COVID, КоВиД-19, Ковид-19, КОВИД, ковид]]. Приведем примеры: *Коронавирус CoViD-19: откуда он взялся и чего от него ожидать* [6]; *И справка есть: въезд в Карелию разрешили только с готовыми тестами на ковид* [4].

3. Странный аттрактор (концептуальный смысл → новые языковые структуры), под влиянием которого концепт «ковид-19» демонстрирует динамику в режиме неустойчивого функционирования в дискурсе с образованием новых языковых структур.

Ситуация с развитием коронавирусной инфекции продолжает стремительно меняться, и в результате имеющиеся языковые структуры уже не соответствуют возросшим коммуникативным потребностям. В приводимых далее примерах недостаточно просто назвать опасную инфекцию, возникла необходимость высказать свое, в основном уничижительное, отношение к ней: *И ковидик по степени патогенности очень слабенький* [3]; *«Ковидушка, прощай!»: в Липецке сожгли чучело COVID-19* [5]; *«Страаашная ковидла идет!» Историк о том, кто эксплуатирует коронавирус* [7].

Анализ показал, что динамику концепта «ковид-19» под влиянием странного аттрактора можно представить так: ([ковид-19]/(ковидик, ковидла, ковидло, ковидра, ковидушка, ковидушка-батюшка, ковидище, ковидище-чудище, ковидос, ковыдра, ковидочек, ковидишка, ковидяка, ковидрянь, ковидон, фуфлоковид, псевдоковид, Дед Ковид, мистер Ковид, господин Ковид)). С помощью круглых скобок мы подчеркиваем, что перечисленные формы не регулярны. Для иллюстрации приведем такие сравнительные данные: лексема «ковидишка» имеет 5 вхождений в интернет-корпус по данным Гугл, в то время как «ковид» – 39 900 000. Можно предположить, что с нормализацией эпидемиологической обстановки в стране и мире эти слова забудутся, так и не став регулярными формами дискурсивной реализации концепта «ковид-19».

Итак, подведем итоги. Варьирование динамики концепта «ковид-19» в русскоязычном дискурсе обусловлено необходимостью адаптации к новым быстро меняющимся условиям коммуникации. Функционирование данного концепта находится под влиянием трех типов целей, которым соответствуют три типа динамики: точечного аттрактора (режим устойчивого функционирования концепта «ковид-19» без изменения языковой структуры), регулярного аттрактора (режим устойчивого функционирования концепта «ковид-19» в пределах варьирования языковой структуры) и странного аттрактора (режим неустойчивого функционирования концепта «ковид-19» с образованием новых языковых структур).

Список литературы

1. Бронник Л.В. Типы аттракторов концептов в дискурсе // Вестн. Майкоп. гос. технолог. ун-та. 2010. Вып. 4. С. 91-96.
2. ВОЗ дала название китайскому коронавирусу — COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4251427> (дата обращения: 10.07.21).
3. И ковидик по степени патогенности очень слабенький [Электронный ресурс]. URL: https://tsargrad.tv/news/massovyj-psihoz-i-ne-tolko-komu-vygoden-kovidik-professor-objasnil-v-prjamom-jefire_270962 (дата обращения: 15.07.21).
4. И справка есть: въезд в Карелию разрешили только с готовыми тестами на ковид [Электронный ресурс]. URL: <https://karelinform.ru/news/society/17-05-2020/i-spravka-est-v-ezd-v-kareliyu-razreshili-tolko-s-gotovymi-testami-na-kovid> (дата обращения: 17.07.21).
5. «Ковидушка, прощай!»: в Липецке сожгли чучело COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://most.tv/news/128485.html> (дата обращения: 21.07.21).
6. Коронавирус CoViD-19: откуда он взялся и чего от него ожидать [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4291983> (дата обращения: 21.07.21).
7. «Страаашная ковидла идет!» Историк о том, кто эксплуатирует коронавирус [Электронный ресурс]. URL: <https://amic-ru.turbopages.org/amic.ru/s/news/458534/> (дата обращения: 25.07.21).
8. Штамм в имени тебе моем: в РФ обсуждают три названия коронавируса. Русификация COVID-19 необходима для удобства отечественных врачей, считают ученые [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/975718/mariia-nediuk-anna-urmantceva/shtamm-v-imeni-tebe-moem-v-rf-obsuzhdaiut-tri-nazvaniia-koronavirusa> (дата обращения: 10.07.20).

*10.02.01***В.А. Гапутина, Е.А. Будник**

Московский государственный лингвистический университет,
Институт информационных наук,
Научно-образовательный центр коммуникационных технологий и цифрового образования,
Москва, www.gaputina@gmail.com, katerina_budnik@rambler.ru

ПРИЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

Настоящая статья посвящена рассмотрению приемов привлечения внимания читателя на примере заголовков русскоязычных гляцевых журналов «Cosmopolitan», «Glamour», «Marie Claire» и «Tatler». Выявлено, что самыми продуктивными приемами, работающими на повышение привлекательности журнальных заголовков, являются прецедентные тексты, иноязычная лексика, языковая игра, использование цифр и компьютерных символов.

Ключевые слова: *массмедиа, гляцевые журналы, заголовок, приемы привлечения внимания.*

В настоящее время печатные СМИ переживают серьезный кризис, обусловленный стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий. В условиях жесточайшей конкурентной борьбы с появившимся множеством интернет-изданий печатные медиа используют все возможные способы привлечения и удержания внимания адресата, побуждения его к приобретению выпуска номера и его прочтению. Говоря о сегменте гляцевой журналистики, можно отметить изменение формата изданий (например, журнал «Glamour» сегодня выпускается в форматах ROCKET и PAD), редизайн обложки, усовершенствование качества визуализации, обновление контента и, конечно, трансформацию текстовой составляющей, работающие на повышение привлекательности медиапродукта.

В настоящей статье рассмотрим приемы привлечения внимания целевой аудитории на примере заголовков гляцевых журналов «Cosmopolitan», «Glamour», «Marie Claire», «Tatler» за 2019-2021 гг. По мнению исследователей [1; 2; 4; 5; 6; 8; 9], именно заголовок пробуждает интерес читателя к содержанию статьи, определяет актуальность и новизну предложенного к прочтению материала. «Он играет роль крючка, заглотнув который, читатель знакомится со своим «уловом» – всей публикацией» [4, с. 46]. Именно поэтому журналисты с особой тщательностью работают над созданием заголовков, используя при этом широкий спектр методов и приемов, повышающих их привлекательность. Достаточно всего одного выпуска анализируемых нами изданий, чтобы подтвердить справедливость сказанного. Так, оглавление журнала «Glamour» за сентябрь 2020 г. насчитывает 39 заголовков статей (не считая тех, которые входят в каждый номер), среди них только 2 являются, на наш взгляд, чисто информативными: «Главный экспертный рейтинг российских аккаунтов в соцсетях», «Рози Хантингтон-Уайтли и ее стиль». Остальные представляют собой результат творчества редакторов, задействовавших в создании заголовков крылатые фразы из известных кинофильмов: «Наш человек» (к/ф «Москва слезам не верит»), строки из песен: «Красота актрисы» (песня В. Меладзе «Актриса»), фразеологизмы: «Берем на карандаш», интернет-мемы: «Просто космос» и др. Далее представим классификацию наиболее распространенных приемов привлечения внимания в заголовках исследуемых нами журналов.

1. Прецедентные тексты. Самым популярным способом привлечения внимания адресата является введение в текст заголовка «чужих» слов, апеллирующих к литературным произведениям, кинофильмам, песням, пословицам, поговоркам, интернет-коммуникации и

т.п. Специфической их особенностью является трансформированная форма: оригинальный текст подвергается различным изменениям. Возможно отсечение начальных компонентов протекстов: «*Что блесит*» («Glamour» март 2020); «*Только спокойствие*» («Cosmopolitan» апрель 2020) или, наоборот, конечных: «*Чем дальше в лес...*» («Cosmopolitan» сентябрь 2020); «*Мир, дружба...*» («Cosmopolitan» сентябрь 2020), эллипсис частицы «не» в конструкциях с отрицанием: «*Этот мир придуман нами*» («Glamour» октябрь 2019); «*Считите за труд*» («Cosmopolitan» октябрь 2019), а также замена одного из смысловых компонентов: «*Константин Юрьевич меняет профессию*» («Tatler», ноябрь 2020), «*А клеточка созрела*» («Cosmopolitan» март 2019). Различные трансформации прецедентных феноменов способствуют большему читательскому интересу, усиливают воздействующий потенциал заголовка, а также «повышают доверие читателя к СМИ» [9, с. 118].

2. **Иноязычная лексика.** Наиболее продуктивными способами использования заимствованных слов в заголовках являются: а) слова-кентавры [7]: «*Super-вещь*» («Cosmopolitan» сентябрь 2020); «*Wow-эффект*» («Cosmopolitan» апрель 2020); «*Lite-версия*» («Marie Claire» май-июнь 2020); «*Makeup-студия*» («Marie Claire» сентябрь 2020), б) иноязычные вкрапления: «*Рок vs рэн*» («Glamour» апрель 2019); «*Природа life*» («Marie Claire» июль-август 2020); «*Моя химия. Periodic table*» («Marie Claire» сентябрь 2020); «*Все это rock'n'roll*» («Marie Claire» февраль 2019). По мнению исследователей, использование иноязычной лексики – это один из языковых способов для выделения заголовка в тексте [6, с. 151].

3. **Языковая игра.** Еще одним приемом создания аттрактивности заголовков является языковая игра. Видами игры с формой и содержанием слова служат имена собственные: «*Сильная Ира сего*» (интервью с Ириной Хакамадой) («Cosmopolitan» июнь 2019), «*Повелитель Мухин*» (интервью с шеф-поваром Владимиром Мухиным) («Glamour» февраль 2019), «*В двух Томах*» (интервью с Томом Харди) («Glamour» февраль 2019), омофоны: «*Браво, Коста-Брава*» («Cosmopolitan» сентябрь 2019) и омографы: «*Уже уже не будет*» («Glamour» февраль 2019), аллитерация: «*Леди и лед*» («Glamour» февраль 2019), словообразовательная игра: «*С ОРВИ голова*. Такие приемы привлекают внимание адресата, делают заголовки более экспрессивными.

4. **Использование цифр.** Как показал наш анализ, редакторы стремятся к лаконичности заголовков и с этой целью часто используют цифры вместо их словесных обозначений: «*25 событий, изменивших мир*» («Cosmopolitan» июнь 2019); «*5 мифов лазерной эпиляции*» («Cosmopolitan» июнь 2019); «*Лучшее за 25 лет*» («Cosmopolitan» июнь 2019); «*8x8*» (8 вещей до 8000 рублей – В.Г.) («Cosmopolitan» апрель 2020). По замечанию С.И. Симаковой, использование цифр в тексте способствует более быстрому его запоминанию и делает его персуазивным [10].

5. **Использование компьютерных символов.** Продуктивным способом образования заголовков является введение в них компьютерных символов, что соответствует ценностным ориентирам «цифрового» потребителя информации [3]. В журнале «Glamour» находим заголовки с использованием пайпа: *звезды: кто | где | в чем | с кем; экспресс | мода | выбор редактора; экспресс | красота | тренд; для полного счастья | фитнес; для полного счастья | еда* и др.; в журнале «Cosmopolitan» – с использованием амперсанда: *здесь&сейчас; мода&стиль; красота&здоровье; любовь&секс*. Также в заголовках используется хэштег: *#нескромно*, («Marie Claire» февраль 2019); *#удаленка*, *#звездаonline*, *#счастелучшиймакияж* («Glamour» сентябрь 2020), *#мыпротивнасилия*, *#зановородиться* («Marie Claire» июль-август 2020). Использование интернет-символов придает журнальным заголовкам более современное звучание.

Представленная в настоящей статье классификация не исчерпывает всех существующих приемов привлечения внимания, используемых редакторами глянцевого журналов в заголовках, и в перспективе может быть дополнена и уточнена.

Список литературы

1. *Афанасьева А.Р.* Метафора в заголовках статей как прием речевого воздействия // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 4 (30). С. 72-74.
2. *Богуславская В.В.* Газетный заголовок как полифункциональный речевой акт / В. В. Богуславская // Яз. един. : логика и семантика, функции и прагматика. Таганрог, 1999. С. 177–185.
3. *Гапутина В.А.* Приемы фасцинации в заголовках глянцевого медиа // Коммуникативные стратегии информационного общества : Труды XII Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 23–24 октября 2020 г. С. 181-185.
4. *Гуревич С.М.* Газета : вчера, сегодня, завтра /С. М. Гуревич. М. : Аспект-Пресс, 2004. 288 с.
5. *Задровская Е.С.* К проблеме языка заголовков современных СМИ // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 6-2. С. 143-144.
6. *Жажиева Р.С., Шишкина А.В.* Газетный заголовок: рекламный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. 2014. Вып. 4 (149). С. 150-154.
7. *Крысин Л.П.* Слова-кентавры // Человек, язык, текст: К юбилею Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2011. С. 28-36.
8. *Кузьминская С.И.* Трансформированные прецедентные феномены в газетных заголовках современных СМИ // Социокультурные проблемы языка и коммуникации. 2015. Вып. 10. С. 86-90.
9. *Плаксына Е.Б., Кусова М.Л.* Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и французской прессы) // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 117-120.
10. *Симакова С.И.* Креолизованный текст и цифровые обозначения в печатных СМИ [Текст] /С. И. Симакова // Язык и межкультурная коммуникация : материалы VI науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23–24 апр. 2009 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 107–108.

10.02.01

О.А. Глущенко

Северо-Западный институт управления – филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»,
факультет социальных технологий,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Санкт-Петербург, oag.kam@mail.ru

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОПАГАНДИСТСКОМ ДИСКУРСЕ ВАКЦИНАЦИИ

Рассматривается совокупность разноуровневых лингвистических средств для описания эмоций и чувств отправителя и получателя сообщения в пропагандистском дискурсе вакцинации в социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/stopcoronavirusrf>).

Ключевые слова: *лингвистическое портретирование, эмоции, концепт, дискурс, пропаганда.*

Эмоционально-психологическое состояние человека отражается в его письменной речи с разной степенью достоверности, но максимально корректно – в непринужденной речи в социальных сетях, когда отправителем сообщения движут порыв и стремление быстро обозначить свою позицию в связи с актуальным информационным поводом [1, 3]. Противокоронавирусная вакцинация стала тем самым информационным поводом, по отношению к которому сейчас российское общество расколото и на фоне которого публично оцениваются достижения и провалы государственной социальной политики [2]. В центре изучения социальная сеть ВКонтакте «СтопКоронавирус.РФ» (<https://vk.com/stopcoronavirusrf>), отражающая фрагмент пропагандистского дискурса вакцинации. Материал исследования (порядка 4 тыс. контекстов) получен путем сплошной выборки эмоциональных репрезентаций из текстов комментариев к постам о вакцинировании и о статистике по коронавирусу (орфография и пунктуация иллюстративного материала для статьи отредактированы автором). Исследование эмоционального пространства именно разговорных текстов в этой сфере позволяет выявить основные, так сказать, узлы конфликтности и прогнозировать вектор развития гражданской дискуссии. Кроме того, языковой материал отражает латентные аспекты проблемы.

Мы предполагаем, что характер использования и «семантическая конфигурация» лингвистических инструментов для эмоционально-психологической характеристики человека зависит не только от сущности объекта описания (свой или чужой, удачный или неудачный опыт вакцинирования, качество российских вакцин, проявление побочных эффектов вакцинирования и т.п.), но и от заявленных и скрытых целей отправителя сообщения. Другими словами, активно распространяемый противниками вакцинации негативный опыт вакцинирования (часто вымышленный или основанный на слухах) с описанием серьезных побочных проявлений не только объясняется желанием поделиться с другими информацией и воздействовать на получателей, но и отражает общую неудовлетворенность российской действительностью, усиливающиеся протестные настроения на фоне единого события – вакцинации.

В центре внимания лингвистические инструменты как совокупность разноуровневых средств, способов и технологий, применяемых для описания эмоций и чувств отправителя и получателя сообщения как основных объектов портретирования. Лингвистические инструменты мы рассматриваем вне ограничений корпусной лингвистики.

1. Лексические номинативные средства используются для обозначения таких базовых эмоций и чувств, как радость, страх, отвращение, злость, гнев, возбуждение, стыд, жалость, тревога, спокойствие. Чувственно-эмоциональная шкала трехчленная: есть нейтральная зона (состояния равнодушия и/или спокойствия) и противоположные секторы положительных и негативных эмоций и чувств с доминированием последних. Самыми востребованными для номинации являются жалость, страх и раздражение, они представлены в градациях и вариациях: собственно жалость в разной интенсивности проявления – сострадание – соболезнование; страх – ужас – опасение; гнев – ярость – злость – раздражение: *Жаль, что ни одна вакцина не может гарантировать 100% защиты* (комментарий к посту 09.08.2021 в 14.01); *Никогда не думал, что у нас столько антипрививочников, за страну и стыдно, и страшно* (комментарий к посту 08.08.2021 в 18.05).

Частотные эмоции и чувства грамматически реализуются как процессы, состояния, признаки и свойства, например: *жаль, жалко, сожалеть, к сожалению, жалкий, жалость: Я отработала там год, не могу сказать, что сильно прикипела душой, не жалко уходить, жалко, что беззаконие и несправедливость – это да, жаль* (комментарий к посту 09.08.2021 в 11.15); *Наверняка у вас есть доступ к этой информации. Почему же вы ее боитесь? Страшно, что это окажется правдой и все ваши труды пойдут насмарку?* (комментарий к посту 06.08.2021 в 18.30)

2. Лексико-стилистические средства представлены сниженными наименованиями объектов и состояний, например: *грудок* (грудь), *ваксанутый* (привитый), *позорище* и др. Особую образную функцию выполняют уменьшительно-разговорные существительные, которые вносят положительную оценку в описание негативных обстоятельств (как правило, мы встречаем это в позитивных отзывах о вакцинации или в поучительных отзывах с призывом вакцинироваться): *...прокашлял месяцок только* (комментарий к посту 09.08.2021 в 14.01); *Максимум температура или вообще ничего, как у нас* (комментарий к посту 09.08.2021 в 14.01).

3. Лексико-грамматические средства мы видим в оценочных неологизмах и словах с эффектом семантизации морфем: *... учитель, боящийся прививок, это нонсенс...учителя не должны приносить детям дремучесть, а если они антиваксеры, им не место в школе...* (комментарий к посту 09.08.2021 в 11.15).

4. Графические средства встречаются более чем в трети примеров и построены на механизмах синграфемки и супраграфемки. В замещающей и усиливающей функциях работают эмодзи всех поколений: **!!ЭТО СКАНДАЛ!** *Врач, академик, доктор Вальтер Риккарди на официальном канале ТВ Италии открыто заявил, что НОВЫЕ ШТАМЫ СОЗДАЮТ ВАКЦИНИРОВАННЫЕ ЛЮДИ!!!* (комментарий к посту 11.08.2021 в 12.20); *Да не штатмммм. А вариант* (комментарий к посту 10.08.2021 в 18.02).

5. Лексические образные средства и риторические фигуры интересны с учетом семантики контекста. Антитеза, нанизывание синонимов, языковая игра, эпитеты, метафорические переносы способствуют наглядному представлению эмоций и чувств пишущего: *Пробежался по другим гнилым комментам: практически все авторы громят российскую вакцину где-то из-за бугра, бодро подтягивая друг другу* (комментарий к посту 11.08.2021 в 15.00); *Все сертификаты или сертификаты карликовой псевдостраны с населением меньше, чем в моем квартале?* (комментарий к посту 07.08.2021 в 14.30).

Обращают на себя внимание характерные ассоциативные сближения слов в тексте. Так, в текстах негативного посыла отвержение отечественных вакцин мотивируется недоверием к их качеству. В этом случае наименование эмоций в связи с вакцинацией соседствует в контексте с высказываниями о медицинском произволе, принуждении к экспериментам на грани с насилием. За счет этого концепт вакцинации пересекается с концептом насилия, и на уровне языковой картины мира формируется образ принудительной вакцинации как проявления полицейского государства: *... не понимаю, почему вы боитесь здоровых людей, которые не хотят быть подопытными кроликами. Мы не антипрививочники. Прививки делали и себе и детям. Но сейчас не хотим участвовать в тестировании малоизученных*

вакцин. Почитайте инструкцию к вакцинам. Там много чего неизвестно и не проводилось (комментарий к посту 10.08.2021 в 14.01); *Алана, да кого интересуют твои медотводы? Сказано колоться!! Мыши кололись, плакали, но продолжали жрать кактус...* (комментарий к посту 06.08.2021 в 15.00); *Никита, тебе, самому не стыдно? Почему я должна быть испытуемой? Причем добровольно? Вакцину делают до ... А не во время такой эпидемии...* (комментарий к посту 02.08.2021 в 19.01);

На большинство развернутых положительных отзывов-комментариев о вакцинировании в течение первого часа поступает ряд отрицательных комментариев антипрививочной направленности, в которых активированы такие концепты, как безумие, угроза, обман и иные, что искусственно подпитывает антипрививочные настроения. Противники вакцинирования применяют самый широкий спектр характеристик крайних эмоционально-психологических состояний человека в сравнении с теми комментаторами, кто поддерживает вакцинацию.

Степень насыщенности текста лингвистическими маркерами эмоционально-психического состояния может отражать особенности общественной дискуссии и важность смысловых аспектов темы (что именно страшит в вакцинации, с какими страхами и фобиями сопряжены переживания, каково ассоциативное поле для маркеров эмоций и настроения и т.п.). Изучение модуля лингвистических средств портретирования внутреннего состояния человека интересно для задач прогнозирования общественного отношения к любому социально значимому событию.

Список литературы

1. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
2. *Глуценко О.А.* Организация агитационного дискурса вакцинации (на примере сообщества ВКонтакте «СтопКоронавирус.РФ») / Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 22-23 апреля 2021 г.: в 2 т. / под общ. ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. – М.: РУДН, 2021. 502 с. С 236-242.
3. *Романов Д.А.* Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований (на материале русского языка): автореф. дис...д. филол. наук. – Белгород, 2004. 52 с.

10.02.01

К.А. Окишева, А.В. Потанина

Набережночелнинский государственный педагогический университет,
филологический факультет,
кафедра русской и татарской филологии,
Набережные Челны, k.okisheva@mail.ru, apotanina@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ФЕМИНАТИВЫ

Несмотря на значительные достижения лингвистики в вопросах словообразования, образование феминативов требует дальнейшего исследования, в частности в русском языке. Целью исследования является изучение словообразовательных особенностей феминативов, возможностей преодоления гендерной асимметрии в русском языке.

Ключевые слова: феминатив, русский язык, словообразовательная модель, гендер, гендерная асимметрия, экстралингвистический фактор.

Вопросам феминативных образований посвящены многочисленные исследования ученых, утверждающих, что данное явление необходимо рассматривать не только в аспекте языка, но и в аспекте языковой картины мира. В языкознании под феминативами, с одной стороны, понимается любое слово, с помощью которого обозначается лицо женского пола, например имена существительные «мама», «тётя», «женщина». С другой стороны, к феминативным образованиям относят лексические единицы, образованные с помощью морфем (чаще всего суффиксов). Актуальность исследования данной группы слов обусловлена тем, что большинство феминативных образований не зафиксировано лексикографическими источниками. Однако они достаточно частотны и употребительны в разговорной речи, значение данных слов одинаково понимается носителями русского языка. Различные типы словообразовательных моделей, по которым образовывались наименования женского рода, были весьма продуктивны в русском языке древнерусского и старорусского периодов, а также XVIII – XIX вв. В конце XIX – начале XX в. имеет место противостояние двух тенденций: использование субстантивных образований мужского рода в «обобщенном значении» и разграничение наименований людей по мужскому и женскому полу. Важно отметить, что данная языковая особенность использования имен существительных в «обобщенном значении» считается достаточно новой, так как проявляется только в середине XIX века. Как известно, в послереволюционный период большевики стремились уравнивать в правах, социальном статусе мужчину и женщину, что стало важной предпосылкой для закрепления данной тенденции. Представленные выше примеры из истории развития русского языка свидетельствуют о том, что образование феминативов обусловлено в значительной степени экстралингвистическими факторами. При активизации социальной роли женщины в обществе данная языковая тенденция проявляется ярко, феминативы используются активно. При угасании потребности в обозначении женщин по профессиональной деятельности эти образования становятся менее частотными и употребительными. Посредством феминативов можно выявить особенности социального-исторического контекста, в котором данные субстантивные образования функционируют.

На современном этапе исследуемые имена существительные особенно широко представлены в медиа-сфере. Рассмотренные в статье феминативы обнаружены в материалах интернет-СМИ и на форумах. Они связаны с юридической, управленческой, научной, педагогической, учебной, творческой, медицинской и спортивной сферами деятельности, а также со сферой обслуживания. Большинство феминативов имеют иноязычное происхождение. Особенность данных феминативных образований в том, что они представлены в нескольких вариантах, что говорит о незакрепленности языковой нормы в

отношении этой группы слов. От имени существительного «бизнесмен» образовано четыре формы. Наиболее используемыми являются «женские» формы, заимствованные из английского языка: бизнесвумен и бизнес-леди. Более редкими, но также употребляемыми в речи являются образования с русскими суффиксами -к(а) и -ш(а): бизнесменка / бизнесменша. От имени существительного агент образовано два феминатива, закреплённых в словарях: агентесса и агентка; от слова директор образовано три феминатива: директорка / директорша / директриса. От слова министр образованы феминативы министерша, имеющее в словарях помету «устаревшее», и министресса. От субстантивного образования инспектор – инспекторша / инспектриса, от адвокат – адвокатесса / адвокатша, а также иллюстратор – иллюстраторка / иллюстраторша, дизайнер – дизайнерка / дизайнерша. Для обозначения женщины, занимающейся танцами, используется нейтральная форма танцовщица и разговорная – танцорка. От имён существительных мужского рода в некоторых случаях образованы пары феминативов: филологесса / филологиня, философесса / философиня. От имён существительных мужского рода с суффиксом -ик (теоретик, физик, химик) образованы пары феминативов: теоретикесса / теоретикиня, физикесса / физикиня, химикесса / химикиня. От некоторых профессий (психиатр, доктор) феминативы образуются с помощью суффиксов -ш(а), -к(а), -есс(а), -ин(я): психиаторка / психиатриня, докторесса / докториня / докторка / докторша. Писательница Л.К. Чуковская в своей работе «Моя грач прилетела» негативно отзывалась об использовании слов мужского рода для обозначения женщин: «Почему всех переводчиц, руководительниц, председательниц превратили в переводчиков, руководителей, председателей? Почему корреспондентки стали корреспондентами?». В книге ученый рассматривает вопрос согласования глаголов женского рода и местоимений с субстантивными образованиями мужского рода: «“Моя врач велела”... Для меня это звучит невыносимо – наподобие “моя грач прилетела”. Слово “грач” мужского рода – откуда же “моя” и “прилетела”? Ну а “моя врач сказала” – чем это лучше? Разве это не столь же противоестественно?» [4]. По мнению доктора филологических наук Н.П. Колесникова, составителя «Толкового словаря названий женщин», регулярное употребление феминативов поможет избавиться от подобных неграмматических сочетаний. Но в науке существуют и противоположные точки зрения. Лингвист М.А. Кронгауз критикует искусственное внедрение феминативов-неологизмов, препятствующее естественному развитию языка. По наблюдениям М.А. Кронгауза, по мере эмансипации женщин, по мере развития процесса (в частности овладения женщинами всеми профессиями, которые существуют в мире) язык отражает это и сам развивается в данном направлении, пусть не так быстро и автоматически, как того хотят последователи феминисткой критики языка [1]. Слова ученого можно подкрепить следующим языковым фактом. В эпоху Петра I в русском языке возникает суффикс «-ш(а)». На первом этапе своего существования в языке суффикс имел значение жены какого-либо деятеля. Укрепление социальной позиции женщины в обществе, расширение возможностей для женщины в профессиональной сфере, способствует тому, что словари фиксируют новообразования «музыкантша», «богатырша» со значением женской деятельности, а не обозначения жены по мужу. Следовательно, при наличии экстралингвистических факторов язык может органично использовать суффиксы для образования феминативов. Представленные выше высказывания ученых свидетельствуют об отсутствии единства мнений в отношении феминативных образований. Дискуссии по поводу феминативов касаются не только русского языка. В отличие от России в Германии воздействие феминисткой идеологии на развитие языка сегодня уже имеет свои последствия [2, с. 254]. В ФРГ действуют законы, согласно которым необходимо использовать специализированные наименования для обозначения женщин по профессиональной деятельности. В современном немецком языке в документах, касающихся перечня профессий, найма на работу и т.п., например: Die Heidelberger Schule sucht Deutschlehrerinnen/ Deutschlehrer доминирует принцип сплиттинга (метод «расщепления», представляющий формы мужского и женского рода отдельно в соответствии с принципом симметрии в языке мужских и женских названий). Немецкие лингвисты склонны считать,

что возникшая тенденция утяжеляет тексты и тем самым затрудняет восприятие и понимание текстов. Нагромождение «сплиттинговых» форм скептически воспринимается нормативной лингвистикой.

Важно заметить, что в русском языке существуют объективные причины, препятствующие активному использованию феминативов в речи и их закреплению в системе русского языка: 1) стилистическая окрашенность «женских» суффиксов, а именно: их негативная коннотация (физичка, химичка, математичка) или разная стилистическая окраска одного и того же суффикса (феминатив стюардесса является нейтральным, в отличие от феминатива министресса); 2) использование слов мужского рода в качестве имен существительных общего рода способствует экономии языковых средств и упрощению коммуникации; 3) большинство профессиональных обозначений женщин имеют общий признак, заключающийся в обозначении людей, занятых низкостатусным обслуживающим трудом (санитарка, уборщица); 4) незакреплённость феминативов в классификаторах профессий и должностей, а также пассивное использование женских образований в СМИ и литературе; 5) отсутствие единой словообразовательной модели для построения феминативов; 6) неблагозвучность неологизмов-феминативов, обусловленная нарушением правил сочетаемости морфем. По мнению И.В. Фуфаевой, по происхождению многие феминативы, к примеру, авторка, лекторка и модераторка являются полонизмами, звучащими привычно для носителей польского и других славянских языков. Для русского языка, как отмечает лингвист, к постфиксам -ор, -ер и -арь, если последний слог имени существительного безударный (автор, лектор, модератор), традиционным является прибавление «женского» суффикса -ш(а) [3].

Таким образом, развитие языка должно происходить эволюционно. Насильственное внедрение в язык каких-либо слов, форм приведет к отрицательным языковым тенденциям, нарушению языковых законов и т.п.

Список литературы

1. Кронгауз М.А. «Авторка», «нянь» и другие феминитивы. Интервью с лингвистом Максимом Кронгаузом [Электронный ресурс]. URL:<https://chrdk.ru/other/feminitivy/> (дата обращения: 09.09.2021)
2. Потанина А.В. Русско-немецкие паронимы в словообразовательном и культурно-историческом аспекте // Вестник Чувашского университета им. И.Н. Ульянова. Серия Гуманитарные науки. Чебоксары: Изд-во Чувашский ун-т, 2006. №3. С. 253-262.
3. Фуфаева И.В. Пани авторка, или О нечаянном эксперименте с русскими суффиксами. [Электронный ресурс]. URL:<https://trv-science.ru/2018/07/31/o-nechayannom-eksperimente-s-russkimi-suffiksami/> (дата обращения: 30.08.2021)
4. Чуковская Л.К. Моя грач прилетела. [Электронный ресурс]. «Моя грач прилетела» Лидия Чуковская - читать текст (chukfamily.ru) (дата обращения: 26.08.2021)

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

М.В. Аксенова, А.А. Оладышкина

Нижегородский государственный педагогический университет,
факультет гуманитарных наук,
кафедра иноязычной профессиональной коммуникации,
Нижний Новгород, marina.v.aksenova@gmail.com

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ
В РОМАНЕ ДЖ. ФРАНЗЕНА “БЕЗГРЕШНОСТЬ”**

Статья представляет собой имагологическое исследование романа Дж. Франзена. В частности, рассматривается образ Германии, созданный автором. Определены языковые средства разного уровня: фонетические, лексические, графические. Также отмечены мотивы и образы, используемые автором для построения художественного образа Германии: тоталитаризм, стремление к идеалу.

Ключевые слова: Франзен, образ Германии, языковые средства, имагология.

Роман “Безгрешность” (“Purity”) американского писателя Джонатана Франзена вышел в 2015 году [8]. Главная героиня романа Пип (Пьюрити) Тайлер пытается отыскать своего отца, вокруг чего и построен основной сюжет. Действие романа не хронологически разворачивается в трех топосах: в свободной и родной для автора Америке, мрачной и даже опасной Германии, а также Боливии, воплощающей идею дикарства. Несмотря на безусловное присутствие идей глобализации в романе, перед читателем выстраиваются образы Америки и Германии как совершенно разных стран.

Национальный образ, особенно воплощенный в художественном произведении, является, с одной стороны, результатом интеллектуального усилия и талантливое озарения отдельного писателя с его субъективным мировосприятием и мнением, а, с другой стороны, входит как часть в коллективное бессознательное знание одной нации о другой [7]. Сложившиеся в американской культуре мифы о Германии, не могли не повлиять на творчество Франзена, получив уникальное воплощение на страницах романа. Имагология, наука, изучающая появление и развитие национальных образов в культуре, представляет нацию как территориально неопределенное образование, а национальный характер изучается как множество образов, соединенных контекстуальными и интертекстуальными ассоциациями. Закрепленные в коллективном сознании и нашедшие отражение в творчестве отдельных писателей национальные образы могут иметь мало общего с реальными чертами представителей той или иной нации, однако они передают рецепцию образа одной страны в коллективном сознании другой. Развитие имагологии совпало с ослаблением национализации и движением от этноцентризма к пост-национализму и глобализации. Глобализация мира созвучна идее разлуки со своей семьей, которую надеется обрести главная героиня романа. Идея потери идентичности, которая звучит в романе, очень современна: период глобальных изменений связан с кризисом социокультурной идентичности [4].

Идея цифрового следа, выраженная в романе, как никогда актуальна. Это «корни» нового времени, которыми прорастает современный человек в цифровой среде. В то время как одна героиня пытается найти семью и свои корни в традиционном понимании этого слова, Андреас Вульф стремится зафиксировать цифровую идентичность человека, установив за ним слежку в сети. Исследование цифровых следов используется в самых разных областях: от педагогики до медицины и криминалистики [2]. Цель Вульфа – создание чистого и непорочного общества, возвращение миру его безгрешности.

Художественное воплощение национального образа Германии в тексте Джонатана Франзена решено на нескольких уровнях: на звуковом, графическом, лексическом и идеологическом. Именно язык часто служит инструментом создания особенного национального образа в художественном произведении [1], [6]. При этом важно, что образ Восточной Германии эмоционально маркирован. В одном из первых упоминаний автор подчеркивает эмоциональную наполненность образа и графически, и при помощи сильных эпитетов: “The Republic was heartbreakingly *German* in its striving to be logically consistent and do things right” (Республика была душераздирающе немецкой в своем стремлении быть логически последовательной и делать все как следует.)

Немецкий язык обозначает себя еще до начала романа: в эпиграфе из Гете, который автор дает в оригинале: “... Die stets das Böse will und stets das Gute schafft” (“Я - часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо”, перевод М.Булгакова). Так Франзен начинает творить немецкий мир в своем американском романе, вплетая в повествование немецкий язык. Автор намеренно выбирает слова германского происхождения: в тексте можно встретить лексемы, заимствованные из немецкого *philistine* (филистер, мещанин), *zwieback* (вид сдобной выпечки), *knuckle* (сустав), *Stasi* (сотрудник Министерства государственной безопасности ГДР), а также лексемы германского происхождения, имеющие связь с современным немецким: западногерманские *forlorn* (несчастный), *beckon* (приманивать) или *shred* (измельчить), общегерманские слова *lure* (заманивать), *stem* (вытекать) и др.

Помимо заимствований из немецкого языка и общегерманских лексем средством создания образа Восточной Германии становятся заимствования из русского языка: как прямые заимствования *dacha*, *intelligentsia*, *politburo*, так и калькирования *The Central Committee* (Центральный комитет), *working masses* (трудящиеся массы), *class enemy* (классовый враг), *counterrevolutionary elements* (контрреволюционные элементы) (так называемые ГДРизмы [3]).

Важным инструментом создания восточногерманского мира становятся имена собственные, вводимые в текст произведения без сносок и комментариев, что создает уникальную по звучанию атмосферу топонимов Германии. В тексте встречаются наименования улиц и площадей Берлина *Unter den Linden*, *Alexanderplatz*, *Stausbergerplatz*, *Kurfürstendamm*, городов *München*, *Rahnsdorf*. Без перевода остаются также имена собственные - наименования издательств и прессы: *Karl Marx Buchhandlung* (издательство Карла Маркса), *Weimarer Beiträge* (Веймарские доклады). Особо внимание обращает на себя газета *Neues Deutschland*: “The topmost *Neues Deutschland* on the outgoing stack...” (Самый верхний номер газеты Нойес Дойчланд в стопке...) - снова автор графически выделяет название немецкой газеты, которая символизирует надежды Андреаса на лучшее будущее (Новая Германия), иронично подчеркивая несоответствие названия одной из популярнейших газет ГДР и надежд героя романа.

Имена героев также отсылают нас к Германии. Андреас Вульф (его роль созвучна имени) - хищник, вытаскивающий на свет тайны окружающих. Образ волка отсылает нас к средневековью, это и животные, сопровождающие бога Одина, и символы, использующиеся в геральдике. Сам фонетический образ слова (*wolf* англ. - *Wolf* нем.) приводит к своеобразной дуальной паре немецкой и английской фонем V [f] - V [v], где немецкий вариант представлен глухим звуком, а английский - звонким. Голос и его отсутствие — это раскрытие тайны и ее тщательное хранение, мотив секрета, сокрытия чего-то неловкого, даже постыдного. Имена других героев также отсылают нас к специфике ГДР: некоторые действующие лица романа носят русские имена Катя, Таня.

Графически выделены в тексте романа также немецкоязычные лексемы, обозначающие организации и службы в Германии: *erweiterte Oberschule* (средняя школа), *Abitur* (единый выпускной экзамен в школе), *Jugendklub* (молодежный клуб), *S-Bahn* (пригородная электричка). Особое внимание привлекает к себе лексема *Schrippen* (вид выпечки), территориально маркированное берлинское слово. В тексте употребляется немецкий композит *Volkspolizei*: “...when he heard a pounding on the front door and then a barking:

“Volkspolizei!” (...когда он услышал стук в дверь и затем рык: “Народная полиция!”) - и графически, и интонационно выделена реплика полицейских, создающая ситуацию внезапного нарушения спокойствия.

Для характеристики восточных немцев автор вводит важное сравнение, употребляя без перевода лексему *Christkind*: “...the little boy, who believed in socialism the way children in the West believed in a flying *Christkind*...” (“...маленький мальчик, который верил в социализм так же, как дети на Западе верили в летающего младенца Иисуса...”). Религиозный мотив становится ещё одним инструментом противопоставления Восточной и Западной Германии. С Восточной Германией связана идея тоталитаризма, искусственно созданного общества, порождающего чудовищ.

Мелодия Германии имеет в тексте романа объемное звучание, исполняемая несколькими инструментами: фонетикой, графикой, лексикой, мотивной структурой романа. Перспектива дальнейшего исследования представляется в более подробном и детальном изучении представления автором национальных образов и мифологем в романе.

Список литературы

1. Аксенова М.В. Язык как доминанта национальной идентичности в «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча / М. В. Аксенова // Русско-зарубежные литературные связи : коллективная монография / Нижний Новгород: «Издательский салон» ИП Гладкова О.В., 2021. С. 225-230.
2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Пчелякова В.В. Перспективы использования цифрового следа в образовательном и научном процессах // Вестник Мининского университета. 2021. Т. 9, №3. С. 1.
3. Зинцова Ю.Н., Орлова О.А. Смысловая структура и языковая репрезентация концепта "ГДР" // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. №4-2.2013. С. 351-354
4. Кисляков П.А., Меерсон А.-Л.С., Силаева О.А., Дмитриева Е.Е. Восприятие молодежью социокультурных угроз цифровой трансформации общества // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, №4. С.8.
5. Лушникова Г.И., Осадчая Т.Ю. Контаминация жанровых форм в романе Дж. Франзена «Безгрешность» // Филология и человек. 2020. №3. С. 98-110.
6. Слободенюк Е.А., Плисов Е.В. Вербальная репрезентация образа политика в медиадискурсе: концептуальный анализ. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2020. 184 С.
7. Leerssen J. Imagology: History and Method // Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / ed. M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam: Rodopi, 2007. P. 17-32.
8. Franzen J. Purity. London: HarperCollinsPublishers. 2015. 564 p.

10.02.04

¹Д.Ш. Асулова канд. филол. наук, ²Н.А. Гаджиева канд. филол. наук,
¹Я.Р. Ярова канд. филол. наук

¹Дагестанский государственный педагогический университет,
кафедра английской филологии,

²Дагестанский государственный университет народного хозяйства,
кафедра английского и русского языков,

Махачкала, Persian05@mail.ru, gadzhieva_nargilya@mail.ru, yarova-78@yandex.ru

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРЕКРАСНОЕ» (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Т. УАЙЛДЕРА «МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО»)

Цель данной работы заключается в экспликации концептуальных метафор как способа объективации концепта «прекрасное» в романе Т. Уайлдера «Мост короля Людовика Святого». В ходе исследования авторы использовали метод лингвистического описания, метод системного лингвотекстового анализа и метод контекстологического анализа. Авторы заключают, что концепт «прекрасное» в романе не представлен широким диапазоном метафор, однако языковые средства вербализации данных метафор характеризуются высокой номинативной плотностью.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, языковые средства, прекрасное.

Ориентация на отражённого в языке и тексте человека – антропоцентризм – является одной из характерных черт современного языкознания. В рамках антропоцентрической парадигмы развивается и современная лингвокультурология, стремящаяся исследовать «взаимодействие языка и культуры в диапазоне современного культурно-национального самосознания и его знаковой презентации» [6, с. 16]. Одним из инструментов исследования языковых средств, участвующих в конструировании образа мира определенной культуры, является концепт.

В лингвокультурологии концепт трактуется как многомерная сущность, как «сгусток культуры в сознании человека» [5, с. 14]. Вербализация концепта может осуществляться в рамках слова, словосочетания, ассоциативного поля, текста, дискурса.

Концепт «прекрасное» относится к числу важнейших концептов культуры и обладает высоким ценностным статусом. Исследованию концепта «прекрасное» уделено самое пристальное внимание в работах Н.Д. Арутюновой [1], Е.С. Руденко [4], Ю.В. Мещеряковой [3].

Целью данной статьи является экспликация концептуальных метафор как способа объективации концепта «прекрасное» в романе Т. Уайлдера «Мост короля Людовика Святого». Указанная цель определила постановку и решение следующих **задач**:

1. методом сплошной выборки выявить языковые средства репрезентации концепта «прекрасное»;
2. классифицировать все полученные в ходе сплошной выборки лингвистические средства по общности семантики (по актуализированному в метафоре компоненту значения);
3. проанализировать целостное содержание концепта «прекрасное» и установить специфику его функционирования в тексте.

В качестве основных методов исследования в данной работе используются метод лингвистического описания, метод системного лингвотекстового анализа и метод контекстологического анализа.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что концепт «прекрасное» романа Т. Уайлдера «Мост короля Людовика Святого» не являлся еще предметом научного изучения.

Концепт «прекрасное» в романе Т. Уайлдера является «сквозным» концептом, растворенным в ткани текста или спрятанным в подтекст, поэтому при анализе языковых репрезентантов необходимо учитывать и синтагматические отношения между лексическими элементами, входящими в состав анализируемых конструкций, и парадигматические. В результате анализа были выявлены следующие концептуальные метафоры:

1. Красота – движение

По мысли Т. Уайлдера красота высвечивается и становится зримой в движении, данный смысловой компонент концепта имплицитно присутствует в следующем отрезке текста:

(a) *Camila had a very beautiful face, or rather **a face beautiful save in repose**. In repose one was startled to discover that the nose was long and thin, the mouth tired and a little childish, the eyes unsatisfied — a rather pinched peasant girl <...> [8].*

В тексте очерчивается новый круг референциальных отсылок, опосредованных устойчивой концептуальной метафорой ЖИЗНЬ — ЭТО ДВИЖЕНИЕ, схематично его можно представить следующим образом: КРАСОТА – ЖИЗНЬ, ЖИЗНЬ – ДВИЖЕНИЕ, КРАСОТА – ДВИЖЕНИЕ.

Застывшая, «обездвиженная» красота оборачивается своей полной противоположностью – обнаруживается несовершенство формы (*the nose was long and thin*). Эта же концептуальная метафора (красота – движение) представлена следующим контекстом:

(b) *The long arms and legs were finally harmonized into **a body of perfect grace** [8].*

Семантический компонент «движение» содержится в значении лексемы *grace*: *grace – smoothness and elegance of movement [7].*

2. Красота – тайна

Данная концептуальная метафора реализуется в следующих синтагмах:

(a) *There would ensue a long pause, <...>, and the glances of them all would rest upon **this strange beautiful bird** who lived among them. But Uncle Pio's glance had been upon her all night, a quick glance from his black eyes, full of tenderness and anxiety, resting on **the great secret and reason of his life** [8].*

(b) *Finally he stumbled upon an adventure that came like **some strange gift from the skies** [8].*

В примере (a) словосочетание *this strange beautiful bird* содержит в себе семантический компонент «тайна», который осложняется метафорическим образом птицы; здесь одновременно дана скрытая отсылка к латинскому выражению *avis rara*. В примере (b) наблюдается контаминация двух образов: красота – нечто, окутанное тайной и романтическим флёром, красота – нечто божественное.

3. Красота – идол, божество

Античные богини со времен Гомера приняты европейской литературной традицией в качестве высшего символа красоты и совершенства, достаточно вспомнить обращение Одиссея к Навсикае: «Если одна из богинь ты, владищиц пространного неба, / То с Артемидою только, великою дочерью Зевса, / Можешь сходна быть лица красотой и станом высоким» [2, с. 94]. Т. Уайлдер отказывается от полных предметной конкретики чувственных образов и переключает внимание читателей на более широкий модус отношения к красоте, на ее обожествление:

(a) *Still she lived alone and thought alone, and when an exquisite daughter was born to her she fastened upon her **an idolatrous love** [8].*

(b) *Manuel read little; he had only been once to the theatre <...> and the Peruvian tavern-songs that he might have heard, unlike those of Spain, reflected very little of **the romantic cult of an idealized woman** [8].*

(c) *In the second place he wanted to be always near beautiful women, of whom he was always in the best and worst sense **the worshipper**. His **reverence for beauty and charm** was there for anyone to see and to laugh at <...> [8].*

(d) *Like all beautiful women who have been brought up amid **continual tributes to her beauty** she assumed without cynicism that it must necessarily be the basis of anyone's attachment to herself [8].*

Как видно из приведенных примеров, концептуальная метафора «красота – божество» обладает наиболее высоким уровнем репрезентативности, что свидетельствует о высоком аксиологическом статусе концепта «прекрасное» в тексте романа.

Концептуальные метафоры, раскрывающие содержание концепта «прекрасное», представлены в сводной таблице 1.

Таблица 1 – Языковые средства репрезентации концепта «прекрасное» в романе Т. Уайлдера «Мост короля Людовика Святого»

Концептуальные метафоры	Языковые средства реализации метафор
красота – движение	<i>a face beautiful save in repose, a body of perfect grace</i>
красота – тайна	<i>this strange beautiful bird, the great secret and reason of his life, some strange gift from the skies</i>
красота – идол, божество	<i>an idolatrous love, the worshipper, reverence for beauty and charm, continual tributes to her beauty</i>

Таким образом, концепт «прекрасное» в романе не представлен широким диапазоном метафор, однако языковые средства вербализации данных метафор характеризуются высокой номинативной плотностью, в результате чего концепт «прекрасное» обретает многослойность и глубину. Специфика функционирования концепта «прекрасное» в романе проявляется в акцентировании семантического компонента «движение», а также в отсутствии языковых средств, эксплицирующих конкретно-чувственно воспринимаемый образ.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Истина. Добро. Красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. с. 5-29.
2. Гомер. Одиссея / Пер. с др.-греч. В.А. Жуковского. СПб: Азбука-классика, 2006.
3. Мещерякова Ю.В. О лингвокультурном концепте «красота» в английском языке // Языковая личность: проблемы межкультурного общения / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 2000. С. 48 – 49.
4. Руденко Е.С. Вербализация понятийной составляющей концепта "прекрасное" (на материале третьего акта второй части поэмы "Фауст" Гёте) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2013. № 4. С. 67-71.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001.
6. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / под ред. В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.
7. Lexico. URL: <https://www.lexico.com/> (дата обращения: 14.09.2021)
8. Wilder T. The Bridge of San Luis Rey. URL: <https://libcat.ru/> (дата обращения: 14.09.2021)

10.02.04

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
факультет экранных искусств,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, elena.butenko.54@mail.ru, galazimmer@list.ru

ФРАКТАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПОСЛОВИЧНЫХ ТРАНСФОРМОВ В КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В работе представлены результаты лингвостилистического исследования, подтверждающие фрактальный характер применяемых в художественном языке авторских трансформов, являющихсяokkaзональным компонентом рекурсивной пословичной формации. Видение рекуррентности и самоподобия ее составляющих определяет и существенно ограничивает отбор языковых средств в кинопереводе. Этот вывод сочетает как практическую значимость, так и научную новизну исследования. Эквивалентно представленный в языке принимающей культуры, идентифицируемый зрителем как «отпословичный», трансформ выполняет функцию стилевой цитации, сохраняя паремнологическое обогащение кинотекста.

Ключевые слова: киноперевод, фрактал, пословичная трансформация, цитация.

Актуальность исследования авторских трансформов, нетривиально возвращающих пословичные смыслы в дискурсивное пространство кинодиалога, обусловлена необходимостью их идентификации для эквивалентного выражения в переводящем языке. Авторский трансформ – это результат творческого акта, в основе которого лежит удобопонятный механизм порождения самоподобных форм: на основе «симилятивного принципа» семантически целостные образцы воссоздаются «по алгоритмам, но не строгим, а эвристическим» [2, с. 87]. В связи с этим, целью исследования является раскрытие посредством описательного и структурного методов специфики рекурсивных элементов, механизмов их воспроизводства, а также выявление их особой функциональной значимости. Материалом изучения стали две фрактальные формации самоподобных языковых единиц, включающие имплицитно Слова Священного Писания и пословицы, а эксплицитно – их авторские трансформы в высказываниях персонажей анимационного фильма «Король Лев. Акуна Матата» (“The Lion King. Hakuna Matata”).

Так, лингво-культурологическое изучение высказываний персонажа “From Pride Rock to the pit of shame” («Со Скалы Гордыни – в яму позора») и “Thus did the student surpass the teacher” («Так ученик превзошел учителя») раскрывает их общее назначение в диалоге. Эти авторские трансформы эксплицитно непредставленных прецедентных текстов выполняют функцию стилевой цитации. Удерживаемые в этносоциальной памяти пословицы “Pride goes before a fall” («Гордыня предшествует падению») и “A disciple is not above his teacher” («Ученик не выше учителя») начертали контуры «отпословичных» трансформов, которые, подхватывая общеизвестное, обновляют, развивают, оспаривают свои провербиальные прототипы в рамках контекста и речевой ситуации.

Неидентифицированность авторства является характерным признаком паремнологических единиц, однако у исследуемых пословиц есть засвидетельствованные источники, каждый из которых становится «корневой основой» «фрактального древа». В частности, сопоставление пословицы “Pride goes before a fall” и библейского речения из Книги Притчей Соломоновых: “Pride goes before destruction, a haughty spirit before a fall” Proverbs 16:18 // 18 [7] («Погибели предшествует гордость, а падению – надменность» [4]) выявляет на семантико-структурном уровне абсолютную степень их генетического родства. Двухчастные структурно-

симметричные номинации итерационно-рекуррентным механизмом воспроизводят семантически тождественное содержание на разных уровнях масштабирования. В частности, фрактальная самоорганизация дискурсивного пространства элиминирует понятийные синонимы “a haughty spirit” и “destruction” библейского речения в соответствии с компрессионными требованиями паремиологического жанра, и пословица “Pride goes before a fall” получает самостоятельную жизнь в языке без религиозного подтекста. Аналогично, базальным компонентом по отношению к пословице и трансформу являются Слова Священного Писания “The pupil is not above the teacher, but everyone who is fully trained will be like their teacher” (Luke 6:40). [6] «Ученик не бывает выше своего учителя; но и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его» [3]. Наличие в тезаурусе зрителя по крайней мере одного из прецедентных текстов – библейского или фольклорного – позволит ему опознать их в авторских трансформах и декодировать трансформацию, что является свидетельством ее эффективности.

Соотнесение составляющих дискурсивного фрактала (библейского изречения, пословицы и авторского трансформ) выделяет как полный, так и синонимический повтор лексических единиц. Сингулярный неизменяемый элемент служит фрагментарной отсылкой, упрощающей узнавание всех компонентов каждой отдельной фрактальной формации, устанавливая таким образом связь между формантами. Единственный неварьируемый элемент, извлекаемый из прецедентных текстов, становится системообразующим и представляет собой первое звено бинарной оппозиции. Подражая проverbsиальным прототипам в стремлении к заметным смысловым эффектам, авторский трансформ тяготеет к антитезе, и реализация этой стилистической фигуры обеспечивается в обоих анализируемых примерах. В заполнение фрактального пространства трансформ-сентенция – афористическое, то есть лаконичное и поучительное изречение “From Pride Rock to the pit of shame” включает процесс диссипации, семантико-стилистическое рассредоточение. Появление эмерджентных лексем “rock” и “pit” формирует двухзвенные номинации, обостряющие отношения полярности увеличением семантической дистанции между компонентами. Открытостью системы допускается флуктуационный приток элементов, приводящий к двойной актуализации значений: конкретные, иконические, ситуативно привязанные смыслы сообщаются с типически пословичной обобщенностью и метафоричностью.

Подобным образом, приравливаясь к рамкам бинаризма, трансформ “Thus did the student surpass the teacher” выстраивает противительные отношения узультно неантонимичных лексем, актантов общего процесса “student” и “teacher”. Резкая биполярность порождена реализацией коммуникативной задачи: в точке бифуркации персонаж решается опровергнуть общепринятое имплицитно присутствующее в ситуации общения суждение “A disciple is not above his teacher”. Возникающий в высказывании «эффект неожиданности, эмоционального напряжения в стиле, – по утверждению О. В. Александровой, – подчиняет себе собственно синтаксическое его строение» [1, с. 180]. Это положение наглядно подтверждается данным примером: инверсия структуры посредством выдвижения анафорического элемента “thus” и узультно не употребительного в утвердительном предложении вспомогательного глагола “did” в препозицию к подлежащему, то есть стохастичностью элементов перестраивает предсказуемый линейный порядок, формируя сверхаддитивный эмфатический эффект. В отличие от своих общепризнанных проverbsиальных прототипов трансформам приходится быть выразительными, чтобы стать замеченными и оцененными, что и было достигнуто в обоих случаях аккумуляцией экспрессивных элементов и окказиональным применением узультных единиц.

Привлечение фрактального метода в исследование кинотекста целесообразно по причине распространенности омонимии и полисемии в английском языке. Например, ситуация и контекст английского высказывания допускают одновременную реализацию лексемы “pride” в двух значениях – «гордыня» и «прайд», “a group of lions” (стая львов) [5, с. 1118]. Следовательно, словосочетание “Pride Rock” амбивалентно: оно может означать образное понятие, символизирующую гордыню скалу, с которой можно так низко пасть, или место

обитания львов, царей зверей, которым эта гордыня совсем не чужда. Переводящий язык не предоставляет возможности создания каламбура людическим (игровым) совмещением смыслов. Принятию верного переводческого решения способствует рассмотрение трансформации сквозь призму фрактала, фундаментальным принципом которого являются рекурсивность и самоподобие когнитивных структур, отсылающих переводчика к провербиальной формации.

В ходе лингвостилистического исследования установлено, что посредством фрактального метода авторский трансформ рассматривается как компонент фрактальной формации. Вбирая в себя пословичную схему, он становится вторичной, гомоморфной моделью, которая семантико-структурной инвариантностью ссылается на авторитетное суждение, а окказиональностью выражения демонстрирует оценочное отношение к нему. Фрактализация как метод семасиологического толкования языковых форм видится перспективным в исследовании прагматических аспектов кинодискурса.

Список литературы

1. *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса: на материале английского языка: учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков / О. В. Александрова. – Изд. 2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 211 с.
2. *Савицкий В.М.* Основы общей теории идиоматики / В. М. Савицкий. – Москва : Гнозис, 2006. – 208 с.
3. Евангелие от Луки 6:40 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bible.by/verse/42/6/40/> Дата последнего обращения 17.03.21.
4. Толкования Священного Писания. Притча 16:18 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://bible.optina.ru/old:pr:16:18> Дата обращения 03.09.21.
5. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Pearson Education Limited. 2001.1668 P.
6. Luke 6:40 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://biblehub.com/luke/6-40.htm> Дата последнего обращения 17.03.21.
7. Proverbs 16:18 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://biblehub.com/proverbs/16-18.htm> Дата обращения 03.09.21.

10.02.04

Г.К. Гизатова, А.В. Зорина

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра европейских языков и культур,
Казань, guzelgizatova@hotmail.com, azorina@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УСПЕХ» В АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ КАРТИНАХ МИРАХ

В работе представлены результаты сопоставительного анализа фразеологических единиц семантического поля «Успех» в американском варианте английского языка и русском языке. Фразеологические единицы двух отдаленно родственных языков в количестве 226 единиц (96 американских и 130 русских фразеологизмов) были распределены по четырем таксонам. На основе анализа полученных данных были сделаны выводы о языковой картине мира американской и русской культур.

Ключевые слова: *семантическое поле, языковая картина мира, успех, фразеологическая единица.*

Семантическое поле «Успех» является предметом анализа целого ряда отечественных ученых. Так, авторы рассматривают вербализованные оценки концепта «Успех» в русском и американском варианте английского языка [1], дают определение места концепта «Успех» в модели мира языковой личности и анализируют особенности лексического наполнения данного семантического поля [3], исследуют процессы актуализации концепта «Успех» на текстовом уровне [4].

Актуальность данной статьи обусловлена отсутствием идеографической классификации фразеологических единиц (ФЕ) отдельно взятых семантических полей в американском английском и русском языках. В работе впервые разработан алгоритм выявления национально-культурной специфики ФЕ в исследуемых лингвокультурах.

Методом сплошной выборки нами были отобраны 96 американских идиом [5], [6], [7] и 130 русских ФЕ [2] семантического поля «Успех», которые были распределены по различным семантическим полям (таксонам словаря) в соответствии с их семантикой.

Среди исследованных нами ФЕ были выявлены полисемичные фразеологизмы, которые были отнесены к нескольким таксонам. Например, американская ФЕ *hit the jackpot* была отнесена к таксонам «Успех» и «Прибыль, деньги», поскольку имеет два значения – 1) иметь большой успех, преуспеть; 2) сорвать куш, а русская ФЕ *попасть в жилу* – к таксонам «Удача, везение» в значении «верно угадать» и «Прибыль, деньги» в значении «найти источник прибыли, дохода» (от значения «найти жилу с полезным ископаемым, рудой»).

В словаре современных русских идиом [2] представлена следующая классификация идиом семантического поля «Успех» – успех в значениях «победа» и «удача, везение». В своем исследовании мы выделили большее количество таксонов русских идиом семантического поля «Успех», а также предложили свою идеографическую классификацию американских фразеологических единиц семантического поля «Успех».

Согласно анализу результатов исследования, американские и русские ФЕ семантического поля «Успех» можно распределить по четырем основным таксонам (См. Таблицу 1).

Таблица 1 – Распределение американских и русских ФЕ семантического поля «Успех» / 'Success' по таксонам

№	Таксоны	Американские ФЕ		Русские ФЕ	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1	Успех	46	47,9	31	23,8
2	Доход, деньги	20	20,8	2	1,5
3	Удача, везение	26	27,1	64	49,2
4	Победа	5	5,2	33	25,4

Согласно приведенным выше результатам исследования, таксон «Успех» представлен наибольшим количеством идиом в американском английском – 46 ФЕ (47,9%) – *hit the jackpot* (1) *иметь большой успех, преуспеть*), *great guns* (*проходить успешно*), *with flying colors* (*преуспевать*), *come up roses* (*удачно завершаться*) и др.

В американской культуре убеждение оппонента в своей точке зрения означает успех и это нашло свое отражение в языке в идиоме *carry/win the day* (*убедить кого-л. поддержать чью-л. идею или мнение*).

Таксон «Успех» представлен в русском языке 31 ФЕ (23,8%), которые передают следующие значения: «правильный расчет» – *попасть в яблочко, (разыграть) как по нотам*; уверенность в успехе, успешном окончании дела, успешном исходе болезни и т.д. – *будет и на нашей улице праздник, увидеть небо в алмазах*; прогресс в каком-либо деле – *идти на лад, сдвинуться с места, сдвинуться с мертвой точки, возродиться как феникс (из пепла)* и др.

В обоих рассматриваемых языках таксон «Успех» содержит такие подтаксоны как «Признание» и «Достижение цели», которые являются индикаторами успешного человека. Признание передается русскими ФЕ *пройти / принимать на ура* и американскими ФЕ *go over big* (*проходить с большим успехом, иметь успех*), *a feather in one's cap* (*достижение, которым можно гордиться*). Достижение цели передают такие русские ФЕ как *и дело в шляпе, конец – делу венец* и т.д., в американском варианте английского языка – *come a long way* (*стать очень успешным, продемонстрировать прогресс*), *bring home the bacon* (*достигнуть цель*) и др.

Подтаксон «Удовлетворение» таксона «Успех» представлен и в русском, и в американском варианте английского языка, что, свидетельствует о том, что успех сопровождается чувством удовлетворения от достижения поставленной цели. Так, в русском языке выявлены ФЕ *купаться / греться в лучах славы и почивать на лаврах*, а в американском английском – полный эквивалент русской идиомы *почивать на лаврах* – *rest on one's laurels* (*досл. отдыхать на лаврах*).

Подтаксон «Карьера» так же представлен в таксоне «Успех» в обоих рассматриваемых языках – 7 (7,3%) американских ФЕ – *come up in the world* (*иметь более высокое положение, чем прежде, благодаря большим деньгам*), *go places* (*демонстрировать талант, обещающий в будущем успех в карьере*), *get a foot in the door* (*многообещающее начало, которое в будущем может означать успех в бизнесе, карьере*) и др. и 4 (3,1%) русских ФЕ – *пойти в гору, далеко пойти, найти себя*.

В русском языке на лидирующей позиции находится таксон «Удача, везение», представленный 64 ФЕ, что составляет 49,2 % от всего количества рассмотренных русских ФЕ. Подавляющее количество ФЕ в русском языке таксона «Удача, везение» характеризует русского человека как человека, полагающегося на судьбу, на помощь окружающих или Бога, на счастливое стечение обстоятельств, нежели на свои собственные силы – *схватить Бога за бороду, Бог / Господь не выдаст, свинья не съест* и др.

Таксон «Удача, везение» имеет подтаксон «Благосостояние», представленный ФЕ, подчеркивающие безбедную, легкую жизнь, что для русского человека является удачей – *как сыр в масле кататься*.

В американской культуре удача представлена меньшим количеством ФЕ – 26 идиом (27,1%), что свидетельствует о том, что американец в большей мере рассчитывает на себя, чем на счастливое стечение обстоятельств и помощь свыше. Приведем примеры американских ФЕ, которые мы отнесли к таксону «Удача, везение» – *get a (lucky) break* (счастливое, неожиданное стечение обстоятельств), *by the seat of one's pants* (натуром, по наитию, интуитивно), *by the skin on one's teeth* (едва, еле-еле), и др.

Как и в русском языке, в американском варианте английского языка были выявлены ФЕ, подчеркивающие, что хорошая жизнь – результат удачи – *be / live in clover* (получать удовольствие от богатой и комфортной жизни – досл. жить в клевере; клевер в англоязычных культурах символизирует удачу), *run the good race* (жить полной, насыщенной жизнью).

В языках рассматриваемых лингвокультур отразилась мысль о том, что удача заключается в умении избегать неприятности или выстаивать в трудной ситуации (русские ФЕ – *держаться на плаву*, *выйти сухим из воды*, *чаша сия миновала*, *родиться в рубашке* (в сорочке) и т.д.; американские ФЕ – *waltz through* (закончить что-л. легко и успешно, без проблем), *come up smelling like roses* (убедить окружающих в своей невиновности, отстоять свои честь и достоинство) и др.

И в американском варианте английского языка, и в русском языке были выявлены ФЕ, обозначающие удачного человека, счастливчика – *lucky dog* (счастливчик); *Боженька поцеловал, родиться под счастливой звездой*.

В русском языке вторую позицию по количеству представленных идиом занимает таксон «Победа» семантического поля «Успех» – 33 ФЕ (25,4%). В русской культуре успех во многом представлен ФЕ в значении «победа» по той причине, что для русского человека победа означает грандиозный успех – *лавровый венец*, *пальма первенства*, *на (белом) коне*, *дать прикурить*, *утереть нос*, *снимать сливки* и др.

Фразеологизмы *лавровый венец* и *пальма первенства* изначально использовались для обозначения побед в спорте, а идиома *на (белом) коне* использовалась применительно к победителю битвы, но постепенно данные ФЕ стали использоваться во всех сферах жизни, с целью подчеркнуть статус победителя.

В американских тематических словарях нами были обнаружены только 5 ФЕ (5,2%), которые можно отнести к таксону «Победа» – *ahead of the game* (иметь преимущество перед соперником), *blow smb/smith. out of the water* (разрушить что-л. до основания; разбить кого-л.), *clean someone's clock* (победить кого-л., превосходить кого-л.) и др.

В обоих рассматриваемых языках были обнаружены ФЕ, демонстрирующие успех в значении «Прибыль, деньги» – 20 идиом в американской лингвокультуре и всего 2 идиомы в русской, что составляет 20,8% и 1,5% соответственно. Такое соотношение представляется логичным, поскольку в американской культуре стремление к материальному благосостоянию поощряется с детских лет в то время как в российском обществе на протяжении многих десятилетий желание улучшить свое материальное положение осуждалось и наказывалось.

В американской лингвокультуре ФЕ таксона «Прибыль, деньги» подчеркивают стремление к быстрому и легкому заработку – *ride the gravy train* (быстро, легко зарабатывать деньги, часто нечестным путем), *hit the jackpot* (2) *сорвать куш*, *take a killing* (быстро и легко зарабатывать деньги на чем-л.); изменение общественного статуса благодаря деньгам – *come up in the world* (иметь более высокое положение, чем прежде, благодаря большим деньгам) и др.

Русские ФЕ подчеркивают умение экономить и получать выгоду (в накладе не остаться / не в накладе), находить источник дохода (попасть в жилу / в жилу).

В результате исследования была проведена идеографическая классификация ФЕ семантического поля «Успех» в американском варианте английского и русского языков и выделены следующие таксоны: 1) Успех, 2) Доход, деньги, 3) Удача, везение, 4) Победа. Семантический анализ ФЕ позволил выявить знания о мире через призму разных культур, различия и сходства в репрезентации того или иного концепта.

Список литературы

1. Андриенко А.А. Лингвокультурные особенности оценочных предикатов концепта «Успех» в русском и американском варианте английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12 (66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 69-72.
2. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. – М.: Мир энциклопедий Аванта + 2007. 1135 с.
3. Нестерова Т.Г., Ремизова В.Ф., Маркова Г.А. Содержание концепта «успех» в русской языковой картине мира // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 1. Том. 10 (URL: <http://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK119.pdf>)
4. Рябуха О.В. Актуализация концепта «Успех» на текстовом уровне (на примере двух статей в американском и британском журналах) // Известия РГПУ им. А.И. Герцина. 2008. № 76-1. С. 298-301.
5. Chapman R. American Slang. – USA: Quill, 1995. 563 p.
6. Makkaï A. Handbook of Commonly Used American Idioms. – USA: Barron's, 1991. 319 p.
7. Spears R. NTC's Thematic Dictionary of American Idioms. – USA: NTC Publishing Group, 1997. 433 p.

10.02.04

И.А. Дронова, Б.Б. Базарова

Бурятский Государственный университет им. Доржи Банзарова,
кафедра английского языка и лингводидактики,
oplira@mail.ru, bbbazarova@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ В ПРОТОТИПИЧЕСКИХ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается понятие семантической роли и дается их классификация. Авторами приводятся примеры, иллюстрирующие способы языковой реализации данных семантических ролей в современном английском языке. В исследовании приводятся 11 прототипических семантических моделей предложений, детерминированных семантикой и валентностью предиката.

Ключевые слова: *семантическая роль, валентность глагола, прототипическая семантическая модель предложения.*

Осмысление роли предиката в предложении-высказывании в лингвистических работах конца прошлого века привело к постулатам о его доминирующем положении в предложении с соответствующим набором участников типовой ситуации и их ролями. Основная задача исследования – разобраться в количестве таких ролей и выявить наиболее типичные их языковые экспликации в современном английском языке.

История вопроса тесно связана с таким грамматическим понятием, как валентность глагола. Под валентностью понимается способность глагола принимать определённое количество аргументов — выражений, обычно именной природы, которые помогают завершить смысл предиката [2]. Глаголы могут быть авалентные [4], например, *gain*; одновалентные (*dye*); бивалентные (*kill*), и трехвалентные (*put*) [8]. Необходимые валентности находят свое выражение в аргументах — неотъемлемых элементах высказывания, детерминированных глагольной семантикой, в отличие от адьюнкта (семантического дополнения — *adjunct*), поскольку последнее может быть опущено:

(1) **Tom ate a burger** (at this pizza-place) (on Sunday). Проведение этого небольшого теста позволяет говорить о том, что в высказывании *Tom ate a burger at this pizza place on Sunday* аргументами глагола *eat* будут Том и бургер, в то время как предложные фразы *at this pizza-place* и *on Sunday*, актуализирующие время и место события являются адьюнктами. Однако, если в ситуации (1) место — дополнительная информация, то в ситуации (2) она является необходимой для понимания смысла высказывания: (2) *Tom lived in New York. – John lived ?*.

Исследования природы семантических зависимостей аргументов от своего предиката было положено в трудах Чарльза Филлмора (*The case for case*). Количество таких ролей и их названия могут разниться от 6 до 44-х [5,6,12,13,10 и другие]. Вслед за Laurel J. Brinton, Donna M. Brinton, считаем возможным выделение следующих ролей:

Агента (Agent) – это инициатор действия, который осознанно и намеренно совершает действие, при этом осуществляя его контроль: *He ate an ice-cream. It was eaten by him.*

Диапазон действия (Range) – определяет действие, или лимитирует его: *He walked slowly.*

Пациент (Patience) представляет собой субъекта, который, будучи вовлеченным в действие, сам его не производит, но в процессе претерпевает изменения: *Jane broke the vase.*

Тема (Theme) – семантическая роль, при которой объект, претерпевая действие, перемещается в пространстве, не изменяясь: *Jane moved the vase.*

Нейтрал (Neutral). Присутствует в действии, которое на него не воздействует; нейтрал не претерпевает никаких изменений: *Jane saw the vase.*

Результат (Result, Factitive) – новый объект, который произведен во время совершения действия или по его окончании: *They baked a **cake***.

Локатив (Location), где происходит действие: *He lives in **Moscow***.

Реципиент (Бенефициант, Beneficiary) – одушевленный объект, получатель выгоды, пользы: *John sold the car for a **friend***.

Цель (Goal) как семантическая роль являет собой место, к которому направлено движение, или одушевленный/неодушевленный объект: *John swam to the **raft**. He threw the book at **me***.

Сила (Force) – это неодушевленный инициатор действия: *The **wind** blew the door open*.

Эксперимент (Experiencer) дефинируется как носитель непроизвольного переживания: ***Lucretia** saw the bicycle*.

Инструмент (Instrument, means) – средство совершения действия, оказывающее физическое воздействие на объект: *Someone cut the bread with a **knife***.

Начальная точка (Source) – место или человек, откуда начинается действие: *The child took the book off the **shelf**. The plane left (from) **Boston***.

Траектория (Path), по которой совершалось действие: *The package came via **London***.

Владелец (Possessor) является аргументом при глаголах с семантикой обладания: *He has/owns/possesses a **dog***.

Роль (Role) – это человек, которому в результате действия или состояния отводятся определенные функции: *We made Lise **treasurer** of the club* [1].

Помимо перечисленных выше, можно выделить:

Контрагент (Counteragent) агент, который работает, чтобы уменьшить, противодействовать или компенсировать эффекты другого: *He swam against the **current***.

Каузатор (Подстрекатель, Causer) – осознанно создает ситуацию, в которой происходит действие: ***Peter** tripped John*.

Сопровождающий (Accompaniment) Одушевленный предмет, который выполняет действие вместе с другим агенсом: *Jill and **Rose** went home*.

Мера (Measure) – указывает на количественную характеристику действия: *The new coat costs **\$70***.

Поскольку наличие семантических ролей детерминировано семантикой глагола, то представляется необходимым изучить семантические классы английских глаголов и определить прототипические семантические модели предложений. Под прототипической семантической моделью предложения понимаем грамматически правильное высказывание, имеющее минимально возможный набор аргументов при актуализации основного смысла. Подробное изучение семантических классов глаголов представлено в работах Бет Левин [9], которая выделяет 233 семантических группы. Анализ семантической сочетаемости этих глаголов позволяет выявить следующие прототипические схемы предложений:

1 __V__ . Первая модель представлена так называемыми авалентными глаголами с семантикой погодных явлений таких, как rain, snow, drizzle и т.д. *It's been drizzling all day* [3]. В таких предложениях ни одна роль не актуализирована, а сами глаголы (V) – непереходные.

2 **Сила – V – Пациент/Тема (Диапазон действия)**. Данная прототипическая модель имеет место в случаях использования олицетворения при описании природных явлений: *...no steam is generated when **lightning** (сила) strikes **water** (пациент)* [3].

3 **Агент – V – (Диапазон действия)**. Эта прототипическая модель реализуется при одновалентных глаголах следующей семантики: глаголы появления, внутренней трансформации и исчезновения (grow, die), глаголы, обозначающие звуки, издаваемые животными (baa, moo), глаголы с семантикой торопиться / мешкать (linger, rush), потери людей (orphan, widow), ухода за телом (wash, dress), жизнеобеспечения организма (hiccup, wink): *The movie is about a **girl** (агент) who mysteriously **disappeared** while on a picnic at Hanging Rock* [3].

4 **Агенса/Эксперимент – V – Локатив.** Структура реализуется после глаголов с семантикой проживания (live, lodge, camp), нахождения (stay, stop), отдыха (December, holiday, honeymoon, weekend): *Her family* (агенса) *weekends on the coast* (локатив) *during the summer* [11].

5 **Агенса – V – Пациент/Тема/Результат/Роль/Реципиент** Модель объединяет большую группу переходных глаголов – действий, которые могут иметь в речи при актуализации такие адъюнкты, зависимые от их семантики, как инструмент, цель, реципиент и т.д.. Можно выделить следующие вариации прототипической ситуации: **Агенса – V – Пациент – (Инструмент)** Структура актуализируется с глаголами контакта (touch), изменения состояния (bend, cook, boil), контакта при ударе (hit), разрезания/разделения (cut, divide), удаления (debone, wipe), соединения (mix, shake), разделения (split, separate), окрашивания (color, dye), поиска (search, hunt), убийства (kill, poison, murder), разрушения (destroy, break): *I* (агенса) *cut my hand* (пациент) *on that glass/with that knife* (инструмент) [3].

Агенса – V – Результат – (Инструмент) Модель реализуется в речи при глаголах созидания/изменения (create, build, prepare, turn) и порождения (cause, create, generate): *He* (агенса) *created a wonderful meal* (результат) *from very few ingredients* [3].

Агенса – V – Реципиент Данная группа представлена глаголами суждения (judge, thank, pardon, forgive), глаголами позитивной (applaud, bless, compliment) и отрицательной оценки (condemn, criticize): *They* (агенса) *were mocking him* (реципиент) *because he kept falling off his bike* [3].

Агенса – V – Тема – (Реципиент/Цель) модель актуализируется при глаголах изучения (learn, cram, study), сокрытия (block, cloister, isolate, quarantine), направления чужой деятельностью (captain, lead), оценки (analyze, assess): *She captained the Canadian ice hockey team for three years* [3]. Глаголы с семантикой изменения местоположения предмета (put, pour, throw), изменения собственника (give, contribute, donate,), бросания (throw, fire, kick), приложения усилий (push, pull), коммуникации (say, tell), помимо темы, могут принимать другие семантические роли: *He* (агенса) *pulled the heavy box* (тема) *across the floor* (траектория) *to the door* (цель) [3].

6 **Агенса – V – Роль** – данные модели предложения возможны при глаголах назначения (appoint, nominate), маскировки (act, rank): *She was nominated as the delegation's official interpreter* [3].

7 **Эксперимент/Владелец – V – Нейтрал** реализуется при глаголах чувственного восприятия (see, sight, peer), психологического состояния (admire, marvel), желания (want, desire), внешнего различия (differ): *I* (эксперимент) *was just admiring your jacket* (нейтрал), *Delia* [3].

8 **Агенса – V – Контрагент.** Группа глаголов социального взаимодействия также управляет, помимо роли агенса, ролью контрагента (agree, bargain, collaborate, date, kiss, marry): *Germany* (агенса) *are playing against Brazil* (контрагент) *in the cup final tonight* [3].

9 **Агенса – V – Начальная точка (Траектория/Цель/Диапазон действия).** Данная модель актуализируется при глаголах движения (advance, arrive, ascend, climb, bicycle, bike, boat, drive, move) *Concorde* (агенса) *flew much higher* (диапазон) *than most planes* [3].

10 **Каузатор – V – Эксперимент/Агенса.** Группа глаголов с семантикой влияния на действия или состояния людей организуют высказывания с этой прототипической структурой (amuse, provoke, threaten, hypnotize): *He* (каузатор) *was trying to provoke me* (эксперимент) *into a fight* [3].

11 **Нейтрал – V – Мера** реализуется в предложениях с глаголами-состояниями имеющими количественную характеристику (carry, cost, last, take, hold, house, fine): *Each ticket* (нейтрал) *costs one dollar* (мера) [11].

Выполненное исследование позволило прийти к следующим выводам:

- Семантические роли в предложении детерминированы семантикой и валентностью глагола в высказывании.
- Каждый глагол, в зависимости от семантики, может организовывать высказывание в соответствии с одной из прототипических моделей предложения.
- Авалентные и одновалентные глаголы организуют высказывание в соответствии с прототипическими моделями, в то время как для двувалентных и трехвалентных глаголов минимальное количество аргументов равно двум.

Список литературы

1. *Brinton J., Brinton, Donna M.* The Linguistic Structure of Modern English. Second edition. John Benjamins Publishing, 2010
2. *Brown E. Keith, Miller, J.* Concise encyclopedia of syntactic theories Oxford; New York: Pergamon, 1996.
3. CD – Cambridge Dictionary. – URL.: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения 21.07.2021).
4. *Crystal D.* A Dictionary of Linguistics and Phonetics, 6th ed. Blackwell, 2008
5. *Fillmore Ch. J.* The case for case. Universals in linguistic theory. Bach E., Harms R. (eds). New-York: Harper and Row. 1968. Pp. 1—88. (русс. пер.: Ч. Филлмор. Дело о падеже // Филлмор Ч. Дело о падеже // Звегинцев В. А. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495.)
6. *Fillmore, Ch. J.* Types of lexical information. Studies in Syntax and Semantics.: Dordrecht: Reidel, 1969.
7. GloWbE – Corpus of Global Web-Based English – URL.: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (дата обращения 21.12.2020).
8. GLT – Glossary of Linguistic terms – URL.: <https://glossary.sil.org/> (дата обращения 21.12.2020).
9. *Levin B.* English verb classes and alternations: a preliminary investigation. Chicago: The University of Chicago Press, 1993
10. *Longacre Robert E.* The Grammar of Discourse. Second edition. New York: Springer Science + Business media, 2013
11. MWLD – Merriam-Webster Learner's dictionary. – URL: <https://www.learnersdictionary.com> (дата обращения 21.12.2020).
12. *Starosta S.* The case for lexicase: An outline of lexicase grammatical theory. London: Pinter Publishers, 1988
13. UNL – Universal Networking Language. Semantic roles. – URL: <http://www.undl.org/unlsys/unl/unl2005/Relation.htm> (дата обращения: 14.01.2021)

*10.02.04***Л.М. Зиннатуллина, Л.Ю. Хафизова, Е.Е. Царева**

ФГБОУ ВО Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Казань, globuskazan@yandex.ru, leis22@mail.ru, cetinas@mail.ru

**КОМБИНИРОВАННОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ
АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Статья посвящена решению вопроса комбинированного варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения комбинированных фразеологических вариантов, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в дело создания двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения комбинированного варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. Проведен обзор литературы вопроса, а также представлены выводы по научным исследованиям отечественных и зарубежных ученых в поисках ключа определения типов межъязыковых отношений.

Ключевые слова: комбинированные варианты, лексическое варьирование, фразеологические единицы, структурно-грамматический, адвербиальные фразеологические единицы, сравнительный анализ.

Проблема комбинированного варьирования фразеологических единиц не первый год привлекает внимание исследователей. Однако, как и любое другое лингвистическое явление, вариантность в сфере фразеологии является феноменом сложным и в ряде случаев противоречивым. Особую сложность вызывает проблема разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов. Свой вклад в решение данной проблемы внесли ведущие российские ученые. Так В.М.Мокиенко полагает, что необходимыми признаками вариантности является «единство образа и синтаксической структуры» [8]. Вполне естественно, что единство образа ведет к совпадению в содержательной стороне фразеологических вариантов, т.е. к совпадению фразеологического значения, и в том числе функционально-стилистической отнесенности [2,4,9]. Детальный анализ вариантов английских фразеологизмов мы находим в монографии А.В.Кунина «Курс фразеологии современного английского языка» [7]. Ученый характеризует критерий вариантной раздельнооформленности ФЕ. Проблема вариантности ФЕ в сопоставительном аспекте рассматривается в одном из разделов монографии Е.Ф.Арсентьевой [1,5], кандидатской диссертации А.О.Жолобовой [6], в одном из разделов кандидатской диссертации Л.М.Зиннатуллиной [3].

Исследователи отмечают, что варьирование фразеологизмов может носить совершенно разный характер. Анализ литературы вопроса показывает, что адвербиальные ФЕ в английском и русском языках еще не подвергались глубокому анализу в сопоставительном аспекте. Именно проведение сопоставительного анализа позволит нам выделить как общие, изоморфные черты в сфере их варьирования, так и определить комбинированное варьирование, присущее изучаемым нами фразеологизмам только в одном языке и не характерные для другого. [10,12]. Как в английском, так и в русском языке комбинированное варьирование в целом представлено у адвербиальных ФЕ. Данный тип варьирования может объединять разные типы вариантов – лексические, грамматические, морфологические и т.д.

Так, например, английские и русский фразеологизмы «at /in/ the<very>nickof time» - «как раз во время, в самый раз; в самую последнюю минуту, в самый последний момент», «beyond

/outof, past, without/ <all>peradventure» уст. - «несомненно, бесспорно», «till /when/ hellfreezes<over>» разг. - «никогда; = когда рак свистнет, после дождика в четверг», «atgun's /<the>pistol's/ point» - «под дулом пистолета, под давлением, под нажимом», «beyond<all>measure /outofallmeasure/» - «безмерно, сверх всякой меры, чрезмерно, чрезвычайно, в высшей степени», «like<hundred, thousand, tonof>bricks /like a cartload/» разг. - «изо всей силы, с огромной силой, неистово», «ни за какие блага /сокровища/ <вмире>» - «ни при каких обстоятельствах» объединяют в себе лексическое и количественное варьирование компонентов.

'I am only sorry you ever were put to it, and glad out of all measure that you came out of it without worse harm. Rest here a day or two and let your hurts be tended before you return to your homes'. (E.Peters. The holy thief.)

You'll have the critics down on you like a thousand of bricks. (W.Maugham 'Then and Now')

- Собака, знаю, ни за какие блага не отстанет от хозяина без важной причины. (И.Железнов «Уральцы»)

Лучинин знал только одно, что ни за какие блага в мире не обратится за советом к кому-нибудь из своих бывших друзей. (Мамин-Сибиряк «Человек с прошлым»)

Лексическое и морфологическое (единственное и множественное число существительного) варьирование мы находим в адвербиальных фразеологических единицах «beyond /over/ thesea<s>» - «за морем, за границей, в чужих краях»; «on /upon/ secondthought<s>» - «по зрелом размышлении, подумав хорошенько, пораскинув умом»; «onallhands /oneveryhand/» - «по общему мнению», «что есть силы /сил/ /мочи/» - 1. «очень громко (кричать, вопить, орать, плакать и т.п.); 2. «с предельным напряжением, интенсивностью (делать что-либо)»; 3. «очень быстро (бежать, ехать, мчаться и т.п.)», «к черту /чертям/ на кулички /на рога/» - «очень далеко, в отдаленные, глухие места (уезжать, отправляться и т.п.)».

On second thought, I think we'll go back to the restaurant and sit in their cellar with the other sensible people. It's quite comfortable. (J.Higgins The eagle has flown.)

He ... was declared on all hands to be one of the happiest men imaginable. (S.Buttler 'The Way of All Flesh')

Many garrisons had surrendered quickly because they knew they could rely on Saladin to keep his word to spare their lives - " the land beyond the sea " - was on the verge of extinction, less than a hundred years alter the men of the First Crusade had called it into life.(J.Gillingham Richard the Lion heart)

Она бы уехала к черту на кулички, если бы могла. (М.Трауб Замошная скважина)

Джюльба, помнишь, когда в отчаянье, Проклиная Баренбурга что есть силы, Клялся тебе хозьян . Не забыть тебя до могилы? (И.Виравов Андрей Вознесенский)

По такому случаю не то что в незнакомый пионерлагерь, а к черту на рога можно было от правиться. (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова).

В русском фразеологизме «разинув /разиня, раскрыв/ рот /рты/» прост. - «(слушать) сильно увлекшись, очень внимательно» морфологическое варьирование затрагивает как чередование единственного и множественного числа существительного, так и просторечную форму деепричастия «разиня». К тому же мы наблюдаем в данном примере и лексическое варьирование компонентов «разинув» и «раскрыв»:

— Все чисто,— равнодушно сказал он капитану, который смотрел на него чуть не разиня рот,— я решил, что в подвал его лучше не пускать,— он кивнул на человека, распластанного в грязном снегу, — мало ли что. (Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости).

Резкий холодный ветер с моря был так прекрасен, что я стал глотать его, раскрыв рот, под няв голову. (В.Аксенов. Пора, мой друг, пора).

Морфологическое (чередование единственного и множественного числа существительного) и количественное варьирование представлено у русских адвербиальных ФЕ «не в бровь, а <прямо> в глаз /в глаза/» - «метко, правильно».

Лексическое и морфолого-синтаксическое варьирование мы наблюдаем в следующих примерах: «after a /one's/ fashion – after the fashion of» - «до известной степени, немного; в своем роде, по-своему; кое-как»; «at the end of the earth /at the end of the world; at the world's end» - «на краю света; = у черта на куличках»; «without rhyme or reason /neither rhyme or reason; there is no rhyme or reason» - «бессмысленно, без всякого смысла; = ни складу ни ладу; ни к селу ни к городу». В первом и во втором примерах мы видим типичное для английского языка чередование беспредложного и предложно-именного определения, и замену постпозитивного предложно-именного определения препозитивным определением, выраженным существительным в родительном (притяжательном) падежах[11]. В третьем примере происходит изменение всей грамматической формы ФЕ со структуры словосочетания на структуру предложения.

The more the star has moved at the end of the Earth's journey of 186 million miles, the closer it must be to the solar system.

But everything is so arbitrary; every screw interprets the rules differently, and there seems to be no rhyme or reason for anything. (Virago Press Insiders: women's experience of prison).

Комбинированное варьирование, представленное двумя типами вариантов – количественного с факультативными компонентами «all» и «right», и графического со слитным и дефисным написанием сложного слова в первом случае, и полного (в устаревшей форме) и усеченного до одной заглавной буквы, во втором случае, наблюдается в следующих двух адвербиальных фразеологических единицах английского языка: «<all>ship-shape /shipshape/ and Bristol fashion» - «в полном порядке» и «<right>to a T /уст. to a tittle/» - «в совершенстве, идеально, точь-в-точь; как раз, в точности; = тютелька в тютельку».

Интересным примером сочетания лексического, морфологического и графического вариантов является английская шутивная адвербиальная ФЕ «by /on/ Shank's /Shanks', Shanks's, shank's, shanks', shanks's/ mare /pony/» разг. – «на своих двоих», в которой мы наблюдаем лексическое варьирование как знаменательных компонентов (существительных «mare» и «pony»), так и незначительных (предлогов «by» и «on»), а также различные варианты представления единственного и множественного числа притяжательного падежа и графического написания с заглавной и прописной буквы согласуемого компонента.

Сложный случай объединения лексического, морфологического (единственное и множественное число компонента «shake»), морфолого-синтаксического (чередование беспредложного и предложно-именного определения) и количественного варьирования представлен в адъективной ФЕ «in a brace /couple/ of shakes /in half a shake, in two shakes, in two shakes of a <dead>lamb's tail/» разг.-фам. - «в один миг, мигом, одним духом»,

I'd have you out of my house in two shakes (R. Bernard Posthumous paper).

Также сложный случай объединения морфологического, включая и словообразовательный «костей» - «косточки», лексического и количественного варьирования мы встречаем в русском адвербиальном фразеологизме «до <самых> костей /до последней косточки/» в значении «очень сильно, совсем, насквозь»:

Он шлепает по лужам. Снег забивается ему за воротник. Он промок до костей. (Д. Сабитова. Где нет зимы).

Таким образом, из приведенных выше примеров мы видим, что комбинированное варьирование может объединять два, три и даже четыре типа различных вариантов, что свидетельствует о достаточно развитой системе вариантных показателей раздельнооформленности адвербиальных фразеологических единиц в обоих сопоставляемых языках.

Список литературы

1. Арсентьева Е.Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте /Е.Ф.Арсентьева. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2006. – 172с.
2. Диброва Е.И. Синкретизм фразеологического знака /Е.И.Диброва // Фразеологическая номинация: Особенности семантики фразеологизмов: Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д., 1989. – С. 19-27.
3. Зиннатуллина Л.М. Функционально-стилистические особенности определения англо-русских фразеологических аналогов // Казанская наука. 2019. № 5. С. 79-81.
4. Зиннатуллина Л.М. Вариантность адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. // Litera. Издательство NotaBene, 2019. № 4. С. 17-25.
5. Зиннатуллина Л.М., Сунцова М.С. Механизм создания расширенной метафоры с адвербиальными фразеологическими единицами // Казанская наука. 2020. № 6. С. 57-59.
6. Жолобова А.О. Фразеологические единицы библейского происхождения в английском, испанском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук / А.О.Жолобова. – Казань, 2005. – 267с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка /А.В.Кунин. – М.: Высшая школа, Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. – 381с.
8. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии /В.М.Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1990. – 160с.
9. Фахретдинова Г.Н. Экспрессивно-стилистические приемы в татарской рекламе // Казанская наука. – 2018. – № 4. – С. 119-121.
10. Хафизова Л.Ю. Взрослый обучающийся как субъект развития иноязычной коммуникативной компетентности // Современные проблемы науки и образования (электронный научный журнал). – 2019. – № 3.
11. Хусаинова Г.Р., Беркутова О.В. Современные требования к компетенциям преподавателя инженерных дисциплин за рубежом. // Перспективы науки. №12 (135). - 2020. - С. 295-297
12. Царева Е.Е. Мультиязычность в контексте интернационализации профессионального образования. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (178). С. 106-109.

10.02.04

И.Н. Кабанова

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
Высшая школа лингвистики, педагогики и психологии,
кафедра английской филологии,
Нижний Новгород, kabanova@lunn.ru

БРЕКСИТ КАК СФЕРА-МАГНИТ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В БРИТАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается политический нарратив Брексит и способы его метафорической репрезентации, представленные в британском медийном дискурсе; выделяются продуктивные и частотные метафорические модели, их базовые компоненты. Особое внимание уделяется оценочному прагматическому потенциалу анализируемых метафорических употреблений.

Ключевые слова: *концептуальная метафора, метафорическая модель, медийный дискурс.*

Политические события и процессы, происходящие в крупных странах, влияющие как на общественно-политическую ситуацию внутри государства, так и на соотношение политических сил в мире, находят непосредственное отражение в средствах массовой информации и зачастую являются причиной активизации различных словообразовательных ресурсов языка и его ономазиологических потенций [3], поскольку система политических образов способна отражать социальное восприятие конкретных политических ситуаций.

В настоящем исследовании анализу подвергается политический нарратив «Брексит (выход Великобритании из Европейского Союза)» и способы его метафорической репрезентации в британском медийном дискурсе.

Эмпирическую базу исследования составили материалы аналитического характера, посвященные различным аспектам Брексита, опубликованные в англоязычных периодических печатных и электронных изданиях в период с февраля 2018 по апрель 2019 гг. Для получения объективных результатов учитывались публикации, как в качественных, так и массовых изданиях, имеющих высокий тираж: *BBC News, The Telegraph, The Guardian, The Independent, The Daily Telegraph, The Times, The Daily Mail, The Sun, The Mirror*. Всего было проанализировано около 50 публикаций, отобрано более 150 метафорических употреблений, объединенных сферой-магнитом метафорической экспансии.

Актуальность исследования обусловлена его включенностью в когнитивную парадигму лингвистических исследований, необходимостью дальнейшего изучения и развития теории концептуальной метафоры в аспекте ее манипулятивного потенциала.

В настоящей работе используется теория метафорического моделирования, разработанная российскими лингвистами (Баранов А.Н., Будаев Э.В., Караулов Ю.Н., Чудинов А.П. и др.) [1, 2, 5], опирающаяся на теорию концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [4]. Под метафорической моделью понимается «существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: “X – это Y”» [5]. В соответствии с данной формулой «система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности» [5].

Анализ метафорических моделей базируется на следующей классификации:

- метафоры природы (политическая жизнь, отражающаяся в концептах природы);
- антропоморфные метафоры (моделирование действительности по подобию человеческого организма и происходящих в нем процессов);
- социальные метафоры (политическая жизнь передается посредством терминов театра, войны, игры);
- артефактные метафоры (политические процессы репрезентуются как объекты, созданные человеческим трудом) [2].

Таким образом, основанием для классификации метафорических моделей стала сфера-источник (понятийная сфера) метафорической экспансии. При отборе метафорических моделей учитывались такие их свойства, как частота, продуктивность, а также прагматический потенциал, яркая выраженность аксиологических векторов, эмотивный характер большинства метафорических выражений. В настоящем исследовании проанализированы наиболее продуктивные и частотные метафорические модели в политическом нарративе Брексит.

Следует также подчеркнуть, что при когнитивном описании метафорических моделей учитываются не только собственно метафоры, но и метонимические конструкции, сравнения, аллюзии, метафорические образы в составе фразеологических единиц и т.д., так как их функциональная заданность в политическом дискурсе сходна. Кроме того, при когнитивном подходе в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к разным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что при метафорическом представлении Брексит наиболее частотными являются социоморфные метафоры.

Метафорическая модель *Брексит* – это война представлена в анализируемом нарративе следующими фреймами: *война и ее разновидности, военные действия и вооружение, участники военных действий, итоги военных действий*. Используя соответствующие лексемы, авторы имплицитно сходят к тому, что текущие события с войной.

Фрейм *война и ее разновидности* реализуется с помощью лексем *internal war, guerrilla war, civil war, kamikaze mission, fight*. В данном случае вовлеченные в военные действия стороны можно интерпретировать следующим образом.

С одной стороны, война разворачивается между Великобританией и Европейским Союзом за выгодные условия будущего сотрудничества:

➤ Their ***internal war*** over Europe, waged for the past 30 years, has led the country to this point (The Guardian, March 30, 2019);

➤ To us, a proper Brexit has been given up without a ***fight*** (The Sun, July 9, 2018).

С другой стороны, война идет и внутри страны, между противниками и сторонниками выхода Великобритании из ЕС.

➤ Paranoia makes them behave like ***insurgents in a guerrilla war*** against “the elite” and “the establishment” (The Guardian, April 2, 2018);

➤ The Prime minister may be claiming a ***small Brexit victory*** but ***the battle*** is far from over with Leave hardliners ready to topple her and a ***Tory civil war was raging on*** (The Daily Mirror, July 9, 2018).

Более того, многие авторы подчеркивают, что правительство ведет разрушительные действия против самого себя, поскольку члены правящей партии не могут прийти к соглашению:

➤ Their passion for a perfect Brexit has now turned into a ***kamikaze mission*** and they are in danger of killing off the whole project – and the Conservative Party with it (The Sun, March 31, 2019).

Фрейм *военные действия и вооружение (rebellion, revolt, battle, weapon, armoury, torpedo)* создает в воображении читателя образ агрессивно настроенных противников, готовых использовать любые средства, при этом имплицитно противостояние между премьер-

министром и парламентом, премьер-министром и членами Консервативной партии («свои» против «своих»):

➤ And she was already facing a serious new **rebellion** from 170 Brexit-backing Tory ministers and MPs (The Sun, March 29, 2019);

➤ We can't even count on EU bully Michael Barnie to stir up **a revolt** (The Sun, July 9, 2018);

➤ Mrs. May's **battling** to keep Brexit on the rails against daunting odds (The Daily Mail, July 9, 2018);

➤ Let's be blunt. This fudge is the result of the PM's dithering and failure to plan for "no-deal" – that essential **weapon** of any negotiator's **armoury** (The Sun, July 9, 2018);

➤ These rules will **torpedo** any trade deal outside the EU (The Sun, July 9, 2018).

Фрейм *участники военных действий* вербализуется с помощью лексем *troops*, *bomb throwers*. В данном случае подразумеваются члены правительства и парламента, которые ведут военные действия не только против оппонентов, но и против союзников:

➤ The referendum set a fuse under democratic institutions, yet it's the old Tory "establishment" who are turning into **anarchist bomb throwers** (The Guardian, April 2, 2018);

➤ With the vote looking very tight at one stage, Jeremy Corbyn made a very rare appearance in the Commons tea room and was seen schmoozing **the troops** (The Sun, March 30, 2019).

Примечательно, что премьер-министр наделяется характеристиками *crippled* (damaged so that one is no longer able to walk or move normally), *embattled* (surrounded by the enemy) [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>], что имплицитно критическое, безвыходное положение Терезы Мэй, ее уязвимость и неспособность полноценно и самостоятельно функционировать в качестве главного идеолога Брексита:

➤ **Crippled** Theresa May either sacks disloyal Brexit lie-ability Boris Johnson or the Tory **enemy** within **destroys** her sooner rather than later (The Daily Mirror, July 9, 2018);

➤ But **embattled** Mrs May faces being ripped apart by rival fractions within her own Government if her final gamble for a fourth vote on her deal next week fails (The Sun, March 29, 2019).

Фрейм *результаты военных действий* служит в анализируемом нарративе для описания разрушительных последствий в политической и экономической жизни Великобритании, которые стали следствием слабости и недальновидности политиков.

Актуализация поражения Великобритании передается с помощью лексем *surrender*, *defeat*, усиленных гиперболическими эпитетами:

➤ Britain is now offering a peace deal to Brussels which however we gloss it over, stinks of **surrender**; This is not a White Paper. It is **a white Flag**. (The Sun, July 9, 2018);

➤ More than a month after she went down to a **historic parliamentary defeat**, and after another humiliation at the hands of MPs in the past few days, Mrs. May is still trying to sell the deal the Commons rejected (The Guardian, February 17, 2019).

Победу в этой войне журналисты однозначно присуждают противникам Брексита и Европейскому Союзу:

➤ Their failure instantly handed **victory** to the Remainers and to the Brussels" (The Sun, July 9, 2018).

Война неминуемо несет с собой смятение, неразбериху, хаос. С помощью концептуальной метафоры у адресата складывается впечатление, что в лагере сторонников Брексита царит полный беспорядок, несмотря на все старания премьер-министра исправить ситуацию:

➤ They've **messed up** Brexit that has gone from **chaos** to national humiliation and are completely incapable of providing the leadership we need (The Guardian, March 30, 2019).

В вышеприведенном фрагменте примечательно использование разговорного фразового глагола *mess up* (to spoil something or do it badly) [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>],

поскольку автор имплицитно тот факт, что правительство не реализовало свою цель добиться наиболее выгодных условий для Великобритании и мирно выйти из Евросоюза.

Ситуация хаоса номинируется лексемой *collapse*, которая используется в конвергенции с гиперболическим эпитетом *calamitous* (causing great damage to people's lives, property) [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>]. Таким образом, авторами подчеркивается разрушительная сила действий правительства:

➤ Theresa May faced cross-party calls to sack her transport secretary, Chris Grayling, last night, after the **calamitous collapse** of a no-deal Brexit ferry contract handed to a company with no ships (The Guardian, February 9, 2019).

Концептуализация политической действительности в терминах поля «война» свидетельствует о доминировании агрессивного сценария для разрешения политических разногласий. Сознательное, намеренное употребление милитарных метафор подчеркивает воинственный и конфронтационный аспекты британской политики, убеждая читателя в ее несостоятельности и опасности. Метафорическая модель *Брексит – это война* однозначно указывает на то, что Брексит превратился в поле битвы «своих» против «чужих» и «своих» против «своих». Исходом этого сражения стало полное поражение всех его участников: и премьер-министра, и правительства, и населения Великобритании.

В метафорической модели *Брексит – это театр* политический процесс представлен сравнением с той или иной разновидностью зрелищного искусства. Лексемы *drama, play, tragedy, coup de theatre, spectacle, farce, tale, saga* имплицитно запрограммированный характер действий участников политического процесса, их фальшь, лицемерие и неискренность:

➤ It was an evening of high-stakes and unprecedented **drama** that will have an impact far beyond the UK (www.BBC.news.com);

➤ One of the more **delicious spectacles** of the past few days has been watching Jacob Rees-Mogg, Boris Johnson, Dominic Raab and others in their gang of ultras crack and switch behind a withdrawal agreement that they had previously decried as “vassalage” (The Guardian, March 31, 2019);

➤ Surely it is time we went back to the drawing board and asked the people who – ill-advisedly and inadvertently – **raised the curtain on this utter farce** in the first place, how they wish it to end (The Guardian, May 17, 2018);

➤ It is part of the **tragedy** of Brexit that the opportunists now pushing the country towards **disaster** have not only been better at making their case with big stories and emotional oomp, but have not been convincingly challenged on that terrain (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/01/petitions-jokes-halt-brexit-calamity-brexit-english>);

➤ Lilian Greenwood, the committee's Labour chair, said the government “should be embarrassed about how this **tale** is unfolding” (The Guardian, February 9, 2019).

➤ This appalling **saga** will confirm the view of many that this country is in a mess, he said (The Guardian, February 9, 2019).

Театральные метафоры позволяют адресанту закрепить в сознании реципиента представление о Брексите как об искусственно создающемся спектакле, где актеры действуют по заранее написанному сценарию. В качестве сценаристов попеременно выступают Европейский союз и правительство Великобритании. Складывается впечатление неискренности политиков, неправдоподобности политических событий, некой оторванности от реальности:

➤ So EU negotiator Michael Barnier and his **puppet-masters** Angela Merkel and Emmanuel Macron need to be very careful how far they push back. (The Sun, July 9, 2018)

➤ But behind this **well-choreographed coup de theatre**, the big question remains: will it genuinely deliver Brexit? (The Daily Mail, July 9, 2018);

➤ Out in the everyday world, the *ongoing Westminster drama* feels like it only scratches the surface of what is actually going on (The Guardian, April 1, 2019);

➤ Some of the explanation lies in two missing *actors* in this *drama*: the Labour leadership and, with one or two exceptions, big voices in what is left of the trade union movement. But there are also even bigger forces in *play* (<https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/apr/01/petitions-jokes-halt-brexite-calamity-brexite-english>).

Анализ эмпирической базы показал, что метафорическая модель *Брексит* – это театр сопровождается уничижительными коннотациями иронии или сарказма, при этом Великобритания представляется марионеткой в руках могущественных кукловодов / сценаристов / режиссеров. Театральные метафоры содержат импликацию искусственности, комичности, формируя в сознании читателя неизменно негативное отношение к рассматриваемым политическим событиям.

Спортивные и игровые метафоры, типичные для политического дискурса, присутствуют и в анализируемом нарративе, являясь удобным и универсальным средством номинации и образного представления Брексита и его участников в англоязычном медийном дискурсе. При этом в сознании адресата закрепляется образ премьер-министра как сильного, расчетливого, выносливого и опасного игрока:

➤ The Prime Minister has been *playing a long game*; In reality, Mrs May was playing *a patient and calculated game* (The Daily Mail, July 9, 2018);

➤ But for the time being, it is *game, set and match to the prime Minister* (Daily Mail, July 9, 2018);

➤ Mrs. May *has played a difficult hand* with considerable skill (The Daily Mail, July 9, 2018).

В следующем фрагменте автор сравнивает текущие события с игрой в покер, в которой ценится мастерство игроков скрывать свои чувства, выведение соперников на чистую воду. Покер напоминает игру на выживание, поэтому автор использует это сравнение, чтобы имплицировать попытки правительства Великобритании победить Европейский Союз, выжить в этом противостоянии:

➤ So the process of securing an orderly exit of the UK from the EU is turning into *a game of poker*, if not of chicken. *Who will blink first?* The EU or the British?(The Independent, December 13, 2018).

В настоящем исследовании были проанализированы наиболее частотные и продуктивные метафорические модели, которые дают относительно полное представление о восприятии англоязычной аудиторией событий, связанных с Брекситом, тем не менее, данные модели не охватывают всего спектра источников метафорической экспансии.

В политическом медиа-дискурсе англоязычных СМИ представлены также менее частотные метафоры.

При рассмотрении метафорической модели *Отношения между Великобританией и Европейском Союзом* – это семейные отношения неподдельный интерес вызывают следующие метафоры:

➤ If Britain were to crash out with no deal, the EU would lose our £ 39 billion *divorce payment* (The Daily Mail, July 9, 2018);

➤ “...to pay a whopping £ 39 billion *divorce bill* to leave the EU” (The Daily Mail, July 9, 2018);

Таким образом, в сознании читателя Великобритании и Евросоюз выступают в качестве разводящихся супругов, при этом инициатор разрыва – Великобритания – обязуется выплатить пострадавшей стороне внушительную компенсацию.

Метафорическая модель *Брексит* – это сделка также довольно продуктивна в британском медийном дискурсе:

➤ He (Michael Barnie) and German Chancellor Angela Merkel will probably accept Mrs. May's **deal**, with a few tweaks, because they are effectively its co-authors (The Daily Mail, July 9, 2018);

➤ However, it also shows the willingness of the British electorate to swallow some compromise in the **interests** of **reaching a tolerable deal** (The Daily Mail, July 9, 2018).

В следующем фрагменте лексема *deadlock* (a complete failure to reach agreement or settle an argument) [<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>] усиленная гиперболическим эпитетом *paralyzing*, имплицитно безвыходность ситуации, при которой правительство не может договориться о выгодных для Великобритании условиях выхода из Европейского Союза:

➤ But as the Commons will block a No Deal Brexit, the **paralysing deadlock** will instead go on, Mrs May warned (The Sun, March 30, 2019).

В целом, анализ политического нарратива обнаруживает наличие полярных оценок, от восхищения и эйфории по поводу свободы Великобритании от зависимости и гнета Европейского союза (актуализация метафорической модели Брексит – это свобода) до осознания апокалипсических катастрофических последствий результатов референдума 23 июня 2016 года (модели Брексит – это катастрофа, Брексит – это кризис, Брексит – это неопределенность, Брексит – это негативные эмоции).

Анализ эмпирической базы выявил наиболее частотные и продуктивные метафорические модели: Брексит – это война, Брексит – это театр, Брексит – это игра, которые актуализируют негативное оценочное суждение, нередко сопровождающееся уничижительными коннотациями иронии или сарказма, содержат и индуцируют преимущественно пейоративную оценку действий премьер-министра, правительства и парламента Великобритании.

Используя разнообразный спектр когнитивных метафор, обладающих ярко выраженными концептуальными векторами агрессивности, опасности, неискренности, несамостоятельности, адресант осуществляет манипулятивное воздействие на реципиента и формирует соответствующее мнение британского этносоциума.

Список литературы

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. – М.: Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе / Урал. Гос. Пед. Ин-т. – Екатеринбург, 2006. – 119-120 с.
3. Кабанова И.Н., Кохан Н.А. Брексит как объект политической риторики (на материале современного англоязычного медийного дискурса) // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Сборник материалов международной научной конференции «Скребневские чтения» 1 ноября 2018. – Н.Новгород: НГЛУ, 2018. – 91 – 98 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М., 2004. – 256 с.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П.Чудинов.– М.: Флинта: Наука, 2008. – 131 с.

10.02.04

¹А.А. Казаков, ¹Е.Г. Ножевникова, ²А.Б. Языкова

¹Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова,
кафедра английской филологии,
Нижний Новгород, eg_nozhevnikova@mail.ru,

²Приволжский исследовательский медицинский университет,
кафедра биохимии им. Г.Я. Городисской,
Нижний Новгород, poet509@yandex.ru

ФЕЛИДНЫЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Повествовательная перспектива – одна из категорий анализа художественного текста, позволяющая точнее раскрыть мировосприятие рассказчика / автора произведения, детально, однако достаточно однопланово рассматриваемая в гуманитарных исследованиях – с позиции человека-нарратора. В современной англоязычной литературе подобная позиция уже давно не является универсальной, и в последнее время все большее распространение приобретают произведения, характеризующиеся нечеловеческой природой рассказчика. В настоящей статье представлены результаты изучения языковых особенностей повествования от лица анималистического (фелидного) нарратора; раскрывается специфика соответствующего тезауруса произведения, модификации лексических единиц и некоторые особенности пересмотра «человеческих» понятий и концептов в неантропоморфном видении мира.

Ключевые слова: *анималистическая нарратология, повествовательная перспектива, тезаурус произведения, фелидный нарратор, языковая игра.*

Одной из центральных категорий лингвонарратологии (и теории интерпретации художественного текста в целом) всегда была **повествовательная перспектива** (также используются термины «точка зрения» персонажа, «фокализация»). Использование автором принципов ограниченного или всеведущего нарратива, 1-го или 3-го лица повествования, внутренней, внешней или нулевой фокализации оказывает разное воздействие на читателя, что в свое время подробно изучалось (П. Лаббок, Ж. Женетт, В. Шмид и др.). Однако практически во всех исследованиях до недавнего времени перспектива повествования рассматривалась как исключительно «человеческая» категория, в том понимании, что вселенная художественного произведения представлялась через призму видения человека, либо антропоморфного существа.

В настоящее время в англоязычной литературе все чаще появляются произведения, в которых присутствует анималистический нарратор (*animal-narrator* уже фигурирует как фильтр поиска во многих электронных каталогах). Повествование от лица животного может использоваться для достижения различных целей. В детской литературе – это может быть элемент сказочности (говорящие звери), в то время как в литературе, ориентированной на взрослую аудиторию, таким образом выдвигаются на первый план этические проблемы, проблемы взаимоотношения людей с окружающим миром. Особый фокус повествования позволяет представить в нестандартном восприятии социальные и бытовые реалии, дает автору более широкие возможности сатирической критики общества (скрываясь за маской животного-персонажа, являющегося непосредственным участником, а зачастую и жертвой происходящего).

In the beginning of quarantine my mum bought this giant ugly machine. I don't know what it is for, and neither does she. She still hasn't used it... Update. It's been a couple of weeks and I learned it is a clothes rack [2].

В приведенном фрагменте Таша (кошка – нарратор данного дневника) высказывает отрицательную оценку ненужной покупке (*this giant ugly machine / clothes rack* – подразумевается беговая дорожка, на которой (вместо использования данного спортивного инвентаря по назначению) развешивается одежда на просушку), критикуя шопогольческие тенденции своей хозяйки.

Точка зрения неантропоморфного рассказчика таким образом противопоставляется человеческой. Авторами подобных произведений предпринимается попытка воспроизвести когнитивную систему, детерминирующую поведение, нехарактерное для человека. Выведение принципов, в соответствии с которыми это может быть сделано, требует определенного пересмотра теории перспективы повествования. Животные разделяют с человеком планету Земля, и их когнитивный мир представляется более близким, чем позиция инопланетян или неодушевленных объектов, что обуславливает их более частотное использование в качестве нарраторов, и, соответственно, делает именно произведения с подобной перспективой повествования актуальным объектом анализа.

Развивая концепцию Ж. Женетта, Уильям Неллес (*William Nelles*) вводит для указания на данный стиль повествования термин *animal focalization* (перспектива животного / животная фокализация) [6]. В 2017 году начал формироваться уже целый спецвыпуск журнала *Humanities*, посвященный анималистической нарратологии (*Special Issue "Animal Narratology"*, опубликован в 2020 г. [1]), а в настоящее время исследования активно продолжаются в контексте нового направления *эко-нарратологии* [3].

Выбор в качестве фокусного типа анималистического нарратора в данном исследовании представителей семейства кошачьих (лат. *Felidae* – стало основой для используемого в исследовании термина *фелидный нарратор*) обусловлен их популярностью в среде Интернет как животных с биологической точки зрения, так и в качестве концептуального центра языковых явлений (тексты, в том числе учебного характера, с их включением как персонажей, лексические ряды для разного рода описаний, использование тематической лексики в качестве основы для неологизмов и т.д.). Целью исследования стало выявление способов и средств манифестации фелидной точки зрения в повествовании, в ее сопоставлении и противопоставлении антропоморфной перспективе повествования. Методом ручной сплошной выборки была составлена база текстовых фрагментов из 30 англоязычных произведений, характеризующихся наличием фелидного нарратора (общим объемом 9641 стр.). С опорой на методы как частно-лингвистического (семантического, компонентного, дистрибутивного и контекстного анализа), так и более общего коммуникативного-прагматического направлений (теория референции, интертекстуальности, теория механизмов построения комического) рассматривались стилистические особенности продуцируемого текста, введенные в текст креолизованные элементы.

На лексическом уровне характерной особенностью произведения с анималистическим нарратором является включение в текст большого количества терминологических и описательных общеязыковых единиц, используемых специфически для характеристики животного-нарратора – формируется развернутый тезаурус, который может рассматриваться как способ «натурализации» перспективы нарратора. «Кошачий» тезаурус создает «естественную среду» обитания для анималистического нарратора, гармонично внедряя его в нарратив, и включает подробные описания самих фелидов, их передвижений и окружающих объектов.

Базовая идентификация представителя семейства мелких кошачьих происходит, как правило, по окрасу шерсти; неудивительно, соответственно, что данный лексический ряд оказался одним из наиболее многокомпонентных (более 300 наименований). В его состав вошли как элементарные наименования цветовых разновидностей: *black, white, gray, red, ginger...*; менее общеизвестные, но привычные для любителей кошачьих термины *tabby* или

tortoiseshell; так и намного более специфичные указания на окрас, используемые как правило разводчиками: *gray cat* → *blue cat*, *orange cat* → *flame cat*, *yellow or beige cat* → *cream colored cat*, *brown cat* → *sable*, *chocolate*, *chestnut or sepia*. В текстах были обнаружены и крайне редкие даже для кошачьих генетиков наименования: *a lavender-, platinum-, or frost- colored cat*, *ebony oriental shorthair*.

На втором месте по частотности находятся наименования частей тела кошек, и следует отметить, что они фигурируют в текстах в том числе в виде иноязычных заимствований: передние лапы, например, могут быть обозначены с помощью англ. *front legs*, нем. *Vorderbeine*, франц. *les pattes avant* и т.д. Таким образом, в частности, создается указание на «гражданство» нарратора. Более того, «диалекты» кошек из разных точек мира передаются посредством модификации звукоподражательной лексемы *meow*: лондонские “*eow*”/ “*eo*”, французское “*miaou*”, “*Mééiouow*” и др.

Интересным аспектом функционирования фелидного тезауруса является использование его единиц (простых слов) как компонентов псевдо-сложного слова в процессе своего рода «животной» народной этимологизации или игры слов – замена слога в слове на омофоничный или близкий по звучанию из «кошачьего словаря». Три наиболее частотными компонентами стали:

- **fur** : *fur real* = *for real*; *fur-ever* = *forever*; *fur-miliar* = *familiar*; *fur-tunate* = *fortunate* / *un-fur-tunate* = *unfortunate*; *in-fur-delity* = *infidelity*; *in-fur-ior* = *inferior*; *won-fur-ful* = *wonderful etc.*;
- **paw** : *paws* = *pause*; *paw-fer* = *prefer*; *paw-sitive* = *positive*; *paw-some* = *awesome*; *paw-don me* = *pardon me etc.*;
- **cat / kitten / feline** : *cathletic* = *athletic*; *feline good* = *feeling good*; *kitten me* = *kidding me*, *meta-furr-kitty* = *metaphorically etc.*

Специфическим примером фелидной этимологизации можно считать не введение «кошачьего» словарного фонда в «человеческий», создавая таким образом слова гибриды, а выделение «животного» компонента в составе простого слова, превращая его таким образом в сложное.

Who was a Politics? ... Let me break the word down... Well, “Poli-” or “Poly” comes from the Greek prefix “polýs” which means “many” ... like “Polycarbonates” means Many Car Bonnets... But what about “-tics”? Was that not a tic I noticed this morning, on my white paw? Those annoying blood-sucking creatures? <...> “Poli-” and “-tics”. “Many Blood Sucking Creatures”. The Humans recruit many of these Blood Sucking Creatures to Stop them doing Bad Things. Okay... [5].

Фелидный нарратор в данном случае интерпретирует незнакомое ему слово путем сближения его со знакомыми ему морфемами. Так появляется разделение *politics* на две морфемы, *poli / poly* – греческий аффикс, означающий много (*many*), и *tic / tics* – клещ, хорошо знакомый протагонисту кровососущий паразит. Путем специальной рекомбинации морфем главный герой приходит к выводу, что *politics* означает много кровососущих паразитов, и, используя метафору, экстраполирует новообретенную этимологизацию слова на политическое мироустройство, что несомненно способствует созданию сатирического эффекта.

Переосмысление элементов действительности в перспективе фелидного нарратора может носить и шуточный характер, располагая к себе таким образом читателя, передавая неординарное восприятие происходящего, что безусловно привлекает внимание.

Adjacent to all the commotion, the Humans had erected a big triangular notice. To most Humans, this sign would say “Warning: Human at Work”. To Library Cat, the sign said, “Warning: Incompetent Human Struggling to Adjust Parasol” [5].

В приведенном примере общеизвестный человечеству знак, сигнализирующий дорожные работы, фелидный нарратор воспринимает «буквально» как «некомпетентного человека», пытающегося отрегулировать зонт. Несмотря на его неожиданность и комичность в примере также сохраняется и доля критичности.

Одной из характерных особенностей именно фелидного (среди других анималистических типов) нарратора является опирающееся на объективную независимость кошки как домашнего животного мнение, что *cats rule the Internet and the world*. Использование данного стереотипа позволяет автору поставить себя в доминирующую позицию «нравоучителя».

How much easier each day would be if you took a few lessons from us cats and tried to see things the furry way [4].

Воздействие на читателя усиливается за счет повествования от первого лица, однако особый статус нарратора снижает критический барьер восприятия. Критика от лица «милого» животного воспринимается более позитивно, что увеличивает шансы достижения перлокутивного эффекта, иными словами фелидный нарратор может являться средством имплементации определенных идей по прогрессивному развитию общества.

Список литературы

1. Animal Narratology. A printed edition of the Special Issue *Animal Narratology* that was published in *Humanities*, 2017 (open access). MDPI, 2020. 454 p. DOI: 10.3390/books978-3-03928-349-1.
2. Cat Hilariously Judges Mom's Quarantine Habits // The Dodo Cat Crazy [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NwRAxWIY1IM> (дата обращения 15.03.2021).
3. Environment and Narrative: New Directions in Econarratology // Eds. E. James and E. Morel. Columbus, OH: Ohio State University Press, 2020. 238 p.
4. Finden S. Casper the Commuting Cat: The True Story of the Cat Who Rode the Bus and Stole Our Hearts. London, New York: Simon & Schuster, 232 p.
5. Howard A. Library Cat: The Observations of a Thinking Cat. Black and White Publishing, 2016. 128 p.
6. Nelles W. Beyond the Bird's Eye: Animal Focalization // Contemporary Narratology. Vol. 9, No. 2. May, 2001. Pp. 188–194.

*10.02.04***В.Ю. Кузнецова канд. филол. наук**

Военный университет Министерства обороны РФ,
факультет иностранных языков,
кафедра № 33,
Москва, vega087@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена анализу роли социокультурной компетенции в процессе перевода. На основе анализа выбранного материала автор приходит к заключению, что незнание или непонимание лексических единиц с выраженной социокультурной окраской может привести к неточностям в переводе.

Все проблемные моменты сопровождаются комментариями.

Представленные наблюдения будут полезны начинающим переводчикам и студентам переводческих факультетов.

Ключевые слова: *перевод, фоновые знания, лингвострановедческий аспект, социокультурная компетенция.*

Не секрет, что подготовка высококвалифицированных и грамотных переводчиков является одной из важнейших задач, как на уровне ВУЗов, так и на уровне государства. На сегодняшний день переводчик должен обладать обширными знаниями в разных профессиональных сферах, рядом компетенций, иметь практический опыт, постоянно совершенствовать свои навыки. Особенно это важно для переводчиков, работающих с публицистическими текстами.

К сожалению, очень часто изучение социокультурного аспекта в переводе остается за пределами рассмотрения многих учебных курсов, что влечет за собой ряд вопросов и сложностей, с которыми могут столкнуться выпускники переводческих факультетов высших учебных заведений. Действительно, без понимания особенностей другой культуры, знания культурного и исторического наследия, культуры современного общества, общественных правил и наличия достаточно глубоких фоновых знаний начинающим переводчикам будет сложно правильно уловить основную идею оригинала и передать ее на другой язык. Данной точки зрения придерживаются многие российские ученые [1, 2, 3].

Цель данной статьи раскрыть роль социокультурной компетенции в процессе перевода публицистических текстов.

Актуальность представленной темы обусловлена тем, что в настоящий момент социокультурная компетенция рассматривается как один из важнейших аспектов переводческого процесса.

Научная новизна исследования состоит в анализе лексических единиц, с ярко выраженной социокультурной окраской.

В качестве материала исследования были выбраны статьи из американской прессы.

Как отмечалось выше, главной особенностью современного переводчика является высокое владение профессиональным языком, достаточно глубокие знания о языке и культуре других стран, а также умение адекватно воспринимать информацию и передавать эту информацию на другой язык с учетом лингвострановедческих и социокультурных особенностей разных языков.

Очень часто начинающие переводчики забывают о том, что в каждом языке есть свои уникальные и специфические черты и это ведет к ряду ошибок и неточностей в процессе передачи информации. Особенно это важно, если речь идет о переводе публицистических текстов, где любая неточность может очень сильно повлиять на восприятие информации и формирование мнения и суждения.

Таким образом, формирование социокультурной компетенции является одной из приоритетных задач в подготовке высококвалифицированных переводчиков. Именно наличие социокультурной компетенции отличает высокопрофессиональных переводчиков от обычных. На первый взгляд может показаться, что роль социокультурной компетенции преувеличена, тем не менее, во многих ситуациях, знания о стране, ее культуре и национальных особенностях в значительной степени помогают правильно понять и перевести текст.

Сегодня существует целый ряд подходов к понятию «социокультурная компетенция». Это вызвано, прежде всего, тем, что социокультурная компетенция – это сложное и многокомпонентное понятие, которое изучается в рамках таких дисциплин как филология, переводоведение, культурология, методика преподавания иностранных языков.

Анализ определений данного понятия позволил заключить, что социокультурная компетенция – это фундаментальная составляющая переводческого процесса, влияющая на уровень и качество перевода.

Проиллюстрируем вышесказанное. Представим, что переводчик работает с текстами, посвященными политическим лидерам. Рассмотрим фрагменты из статей, посвященных 45-му президенту США Дональду Трампу.

*«Is he like a **Batman villain**? Is he **Penguin**? Is he **Bane**? In many ways he is. But our guy often reminded me of a **Bond villain**» [5] // «Он как злодей из Бэтмена? Он Пингвин? Он Бейн? Во многом да. Но наш парень часто напоминал мне злодея из Бонда»*

Работая с данным предложением у начинающего переводчика может возникнуть вопрос, что автор текста имел ввиду под «**Batman villain**», «**Penguin**», «**Bane**», «**Bond villain**» и как правильно перевести данные лексические единицы. Для правильного перевода переводчик должен иметь определенные знания об американских комиксах и супергероях.

«**Batman villains**» (враги семьи Бэтмена) - это коллекция вымышленных суперзлодеев, появляющихся в американских комиксах, издаваемых DC Comics. Эти персонажи изображены как противники Бэтмена и его союзников.

«**Penguin**» (Пингвин - Освальд Честерфилд Кобблпот) – вымышленный суперзлодей, появляющийся в комиксах о Бэтмене. Пингвин - один из самых стойких врагов Бэтмена и принадлежит к коллективу его противников.

«**Bane**» (Бэйн) - суперзлодей, враг Бэтмена. Бэйн обычно изображается как опасный противник Бэтмена, который обладает сочетанием грубой силы и исключительного интеллекта. Бэйну часто приписывают роль единственного злодея, который смог сломить Бэтмена, победив его как физически, так и морально.

«**Bond villains**» - это враги Джеймса Бонда («агент 007»), персонажа романов британского писателя Яна Флеминга о вымышленном агенте МІ6.

Только зная представленную выше информацию переводчику удастся правильно передать тон, который заложил автор данной статьи. Дональд Трамп сравнивается с одними из самых коварных и могущественных злодеев, основная цель которого уничтожить мир. Тем самым, автор показывает свое негативное отношение к 45-му президенту США.

Рассмотрим еще один пример.

*«As somebody said to me yesterday, Donald Trump is like a **Navy SEAL**; he never backs down when he's in a fight» [4] // «Кто-то вчера сказал мне, что Дональд Трамп подобен «морскому котуку»; он никогда не отступает в бою».*

Сложности могут возникнуть при переводе фразы «**Navy SEAL**».

«**Navy SEAL**» (**United States Navy SEALs**). Интересно, что SEAL это акроним: *Sea* - море, *Air* - воздух, *Land* - земля; буквально: *Seals* — морские котыки). Это основное тактическое подразделение Сил специальных операций (ССО) ВМС США. «Морские котыки» занимаются разведкой, диверсионными операциями и спасением заложников. Помимо разведывательно-диверсионных и штурмовых операций они призваны решать и ряд других специфических задач: прикрытие основных сил, наведение артиллерийского огня, разминирование и минирование, обеспечение коммуникаций в районах, где ведутся боевые

действия, борьба с морским терроризмом и незаконным пересечением морских государственных границ страны.

Важно отметить, что понимание данного акронима раскрывает основную мысль автора, а именно – представить Дональда Трампа как человека, который готов пойти до конца для выполнения своей задачи.

Не менее интересен и следующий пример.

«He's like Godzilla. Everything they throw at the monster makes him stronger» [4] // Он как Годзилла. Все, что они бросают в монстра, делает его сильнее.

В представленном предложении сложность может вызвать слово **«Godzilla»**. Годзилла - это огромный монстр-мутант, который проснулся после испытаний водородной бомбы и вследствие этого мутировавший. Известный персонаж комиксов, мультфильмов и кинофильмов. Автор статьи сравнивает 45-го президента США с гигантским древним существом, которое было разбужено, что повлекло за собой ужасающие последствия. Вряд ли переводчику удастся донести эту мысль без знания о том, каким представлен Годзилла в американских фильмах.

Подводя итоги можно с уверенностью сказать, что, социокультурные знания в значительной степени влияют на процесс и качество перевода. Ведь для правильного понимания и, далее, перевода переводчику необходимо понимать смысл не только всего текста, но и конкретных лексических единиц. Только тогда ему удастся достичь максимальной адекватности и эквивалентности. А для этого переводчикам необходимо постоянно работать не только с языком, но и изучать социокультурные и лингвострановедческие особенности употребления разных лексических единиц.

Список литературы

1. *Гавриленко Н.Н.* Обучение переводу в сфере профессиональной коммуникации; Монография, - М.: РУДН, 2008. – 175 с.
2. *Кретьева Л.Н.* Социокультурная компетенция и способы ее формирования в процессе работы с поэтическим текстом на английском языке. Сибирский педагогический журнал, №1, 2018 – С.45-55
3. *Тележко И.В.* Интегративная модель формирования социокультурной компетенции переводчика профессионально ориентированных текстов: дис ... кандидата филол. наук: 13.00.02 / Тележко Ирина Владиленовна – М., 2016 - 255 с.
4. *Blake A.* The many metaphors for Donald Trump // The Washington Post, 07/05/2017 [Электронный ресурс] URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2017/05/07/the-many-metaphors-that-describe-donald-trump/> (режим доступа 05.09.2021)
5. *Osnos E.* The Fearful and the Frustrated Donald Trump's nationalist coalition takes shape - for now. The New Yorker, 31/04/ 2015 [Электронный ресурс] URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2015/08/31/the-fearful-and-the-frustrated> (режим доступа 05.09.2021)

10.02.04

О.А. Первезенцева, Е.Л. Фрейдина

Московский педагогический государственный университет,
институт иностранных языков,
кафедра фонетики и лексики английского языка,
Москва, el.frejdina@mpgu.su, oa.pervezentseva@mpgu.su

ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОСОДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМАТЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦИИ

В статье рассматриваются некоторые особенности просодического оформления англоязычного академического дискурса в условия дистанционного обучения. Авторы анализируют влияние специфического экстралингвистического контекста на выбор просодических средств участниками речевого взаимодействия в формате видеоконференции. Представленные данные являются результатом наблюдений авторов, полученных в ходе изучения фрагментов англоязычного академического дискурса в формате онлайн, реализованного преподавателями Института иностранных языков МПГУ, а также вебинаров, проведенных носителями английского языка.

Ключевые слова: *просодия, академический дискурс, экстралингвистическая ситуация, формат видеоконференции.*

В последнее время традиционное для фоностилистических и прагмафонетических исследований направление, связанное с изучением контекстуальной обусловленности просодического оформления речи, приобрело особую актуальность в связи с беспрецедентным распространением различных видов и форматов устной коммуникации в дистанционном формате. Драматичный количественный рост онлайн взаимодействий в сфере образования естественным образом повлек за собой стремление представителей профессионального сообщества изучить и осмыслить специфику устной коммуникации в данном формате в риторическом, лингвистическом и педагогическом аспектах.

Обращаясь к рассмотрению особенностей просодической реализации академического дискурса в формате видеоконференции, необходимо прежде всего определить специфические параметры экстралингвистического контекста, которые определяют выбор просодических средств в процессе речевого взаимодействия участников академического общения. Как известно, интонация осуществляет контекстуализацию звучащего сообщения, иными словами, включает его в реальный контекст социального взаимодействия участников дискурса. Изучение процесса контекстуализации состоит в детальном анализе процесса выбора определенных просодических средств для реализации смысла сообщения (social meaning) в процессе социального взаимодействия. Отметим, что такой ракурс анализа вариативности просодических средств характерен для исследований фоностилистической, прагмафонетической, социофонетической направленности. Это объясняется стремлением исследователей не ограничиваться лишь фиксацией определенных особенностей функционирования просодии в тех или иных жанрах устного дискурса, а дать на основе глубинного анализа корреляционных связей между просодией и контекстом интерпретацию тех или иных закономерностей в просодическом оформлении звучащей речи.

Переходя к анализу компонентов экстралингвистической ситуации, оказывающих влияние на просодическое оформление академического онлайн дискурса, необходимо ранжировать их по значимости. При этом следует учитывать, что все контекстные факторы выступают в сложном взаимодействии. Остановимся на тех факторах, которые, на наш взгляд, определяют специфику онлайн дискурса в формате видеоконференции.

Отметим, что, как правило, преподаватели стремятся максимально приблизить устный академический дискурс, реализуемый онлайн, к традиционному взаимодействию в аудитории на практических и семинарских занятиях. При этом основное отличие от традиционных форматов академического дискурса обусловлено своеобразием такого экстралингвистического параметра, как непосредственная ситуация общения (*setting, scene*). Действительно, два других компонента (цель и участники коммуникации) остаются неизменными в рамках онлайн взаимодействия. Целями являются обучение, передача информации, обмен идеями, обсуждение проблем. Участники дискурса (преподаватель и студенты) могут различаться по целому ряду количественных и качественных параметров, этот фактор, безусловно, значим, однако его влияние распространяется на все жанры академического общения и не имеет прямой корреляции со спецификой онлайн формата. Принципиальное значение, на наш взгляд, имеет не столько сам факт «дистанцирования» участников академического дискурса, сколько их взаиморасположение, которое в свою очередь зависит от количества участников.

Так, например, видеоконференцию на платформе Zoom можно описать как речевое общение между людьми, заключенными в «рамки». При этом размер «рамок» зависит от количества участников. Таким образом, комфортность/некомфортность интеракции, выбор коммуникативных стратегий и фонетических средств определяется в том числе количеством и размером прямоугольников, внутри которых находятся участники, вовлеченные в академическое общение. Если участников не больше восьми (а рамки достаточно большие), возникает меньше коммуникативных барьеров. В тех случаях, когда на занятии присутствует 20 или более студентов, преподаватель по существу обращается к коллажу, состоящему из маленьких изображений голов студентов, что, безусловно, оказывает влияние на протекание и эффективность дискурса.

Влияние данного фактора сказывается в первую очередь на характере речевого взаимодействия преподавателя и студентов. По существу его можно охарактеризовать как квази речевое общение. Основные отличия такого типа общения связаны со спецификой функционирования обратной связи, что в свою очередь определяется своеобразным характером мены ролей, а также минимизацией невербального компонента интеракции.

Действительно, использование кинесических средств крайне ограничено. В связи с тем, что в поле зрения находятся только головы участников (в редких случаях верхняя часть тела), такие невербальные средства, как поза и жесты, не оказывают существенного влияния на коммуникацию. Мы наблюдаем взаимодействие между «говорящими головами», при котором невербальный компонент ограничен мимикой и направлением движения взгляда. Ограничению невербального компонента также способствует факт нахождения перед неподвижной камерой, т.е. участники вынуждены ограничивать свои движения, чтобы оставаться в центре «рамок». При этом зрительный контакт (*eye contact*) также приобретает весьма своеобразный характер: необходимо сначала выделить из общего коллажа «портрет» того участника, к которому обращено устное сообщение, затем перевести на него взгляд, что может создавать эффект «бегающего взгляда». Более того, чтобы сохранить зрительный контакт с адресантом, необходимо смотреть в значок камеры, а не непосредственно на «портрет», что нарушает саму концепцию зрительного контакта и создает определенные неудобства для говорящего, которому приходится обращать свою речь к некой безликой точке.

Между тем, наличие невербального компонента коммуникации представляется чрезвычайно важным, особенно при изучении иностранного языка. По данным многочисленных экспериментов существует различие между процессами восприятия речи только на слух и при наличии визуально воспринимаемого говорящего. В последнем случае слушающий, как правило, старается еще быть и «смотрящим». Он «считывает» дополнительную информацию с лица и жестов говорящего. Известно также, что женщины и дети в целом хуже мужчин понимают речь, если не видят лица говорящего. Учет невербальной информации играет вспомогательную роль и корректирует усвоение содержания [3].

Продолжая тему восприятия речи в условиях видеоконференции, также важно упомянуть роль технических средств и/или помех. При передаче речевого сигнала технические средства осуществляют компрессию звука, что негативно сказывается на качестве голоса, особенно женского. В частности, снижается степень убедительности, доверия и привлекательности в целом [5].

В этих условиях значительно трансформируется собственно педагогическая направленность академического дискурса. Очевидно, что для реализации профессиональных задач преподавателю необходимо поддерживать коммуникативный контакт со студентами, причем в ситуации драматичного снижения уровня концентрации внимания студенческой аудитории. В связи со спецификой онлайн коммуникации многие преподаватели отдают предпочтение использованию разнообразных визуальных и аудиовизуальных средств и минимизируют устно-речевое взаимодействие. Тем не менее в практическом или семинарском занятии в формате видеоконференции неизбежно присутствует и звучащая речь.

Представляется, что описанные выше экстралингвистические параметры в совокупности с установкой преподавателя на поддержание коммуникативного контакта и реализацию образовательных задач приводит в конечном итоге к весьма своеобразному использованию просодических средств. Отметим, что представленные в статье данные являются результатом наблюдений авторов, полученных в ходе изучения фрагментов англоязычного академического дискурса в формате онлайн, реализованного преподавателями Института иностранных языков МПГУ, а также вебинаров, проведенных носителями английского языка.

Общая тенденция состоит в том, что на перцептивном уровне просодическое оформление речи преподавателя воспринимается как утрированное, не совсем естественное. Такое впечатление складывается за счет следующих параметров: форсированная громкость, отсутствие темпоральной вариативности и преобладание медленного темпа, использование длительных и сверхдлительных пауз, маркированная просодическая выделенность смысловых центров, частотное использование эмфатических интонационных конструкций.

Еще одно отличие в просодической реализации данного формата академического дискурса состоит в отсутствии просодических контрастов, характерных для традиционных форматов. Известно, что в современном академическом дискурсе широко используются элементы «разговорности» [1], выступающие как один из способов поддержания контакта. Для таких фрагментов дискурса характерно просодическое оформление, создающее впечатление «сглаженности». Однако подобное просодическое оформление значительно реже присутствует в онлайн коммуникации, которая, как правило протекает в более формальной тональности и априори не располагает к неформальному взаимодействию участников. Отмеченная выше тенденция к использованию преувеличенно экспрессивной просодии при отсутствии просодических контрастов зачастую создает эффект «ударного монотона».

Такой выбор просодических средств, не вполне уместный в ситуации традиционного академического общения, связан, на наш взгляд, с необходимостью преодоления коммуникативных барьеров, возникающих в процессе онлайн взаимодействия. Помимо чисто технических параметров (стабильность интернет сигнала, параметры платформы, количества участников, наличие у студентов видеокамер) источником возникновения коммуникативных барьеров может быть сложность, а иногда и невозможность осуществлять мониторинг обратной связи с аудиторией в отсутствие естественного зрительного контакта и невербального сопровождения речи.

Особенности просодической реализации академического дискурса в формате видеоконференции отражают, помимо прочего, и специфику интеракции между участниками дискурса. В процессе смены ролей в ходе диалогического общения или групповой дискуссии возникает эффект отсроченной реакции, обусловленный техническими факторами. За репликой или вопросом, обращенными к одному из участников, неизбежно следует пауза, необходимая для включения микрофона. В результате длительность пауз между вербальными вкладами разных участников значительно больше, чем в обычном диалогическом обмене. В рамках полилога наряду с этим могут возникать наложения реплик в случаях

одновременного говорения. Характерно, что при онлайн взаимодействии отмечается лишь незначительное количество индикаторов обратной связи в виде дискурсивных маркеров, междометий, речевых наполнителей, пауз хезитации. Процесс обратной связи (back channeling), таким образом, приобретает более формальный, а иногда и напряженный характер.

Обобщая полученные нами наблюдения, необходимо отметить, что в фоностилистическом аспекте просодия онлайн дискурса представляется менее вариативной, чем в традиционном академическом дискурсе. При этом можно выделить две тенденции. Первая состоит в том, что преподаватель минимизирует устный компонент за счет преимущественной опоры на визуальный канал: использование презентации и других визуальных средств. Как правило, просодическое оформление речи в таких случаях не отличается экспрессивностью и соотносится скорее с информационным фонетическим стилем. Вторая тенденция, описанная выше, заключается в стремлении преподавателя максимально приблизить академический дискурс к привычному аудиторному формату и обеспечить вовлеченность студентов (student engagement). Однако данная установка может приводить к выбору просодических средств, не вполне уместных в дистанционном формате. Иными словами, под влиянием особых контекстных факторов достижение баланса между выразительностью и естественностью речи, который, по мнению Д. Кристала, является основой профессионального красноречия [2], представляет особую проблему.

Описанные нами тенденции просодического оформления академического дискурса в формате видеоконференции отнюдь не предполагают негативного отношения к данному формату. Мы рассмотрели лишь один из компонентов этого жанра дискурса в сфере образования. Очевидно, что его педагогическая ценность определяется не только характером устного взаимодействия участников. Поскольку в данном случае задействованы различные каналы коммуникации, академический дискурс в формате видеоконференции можно отнести к мультимодальным жанрам. С позиций мультимодального дискурса анализа вокально-аудитивный компонент рассматривается как одна из составляющих общего комплекса средств, реализующих смысл сообщения: «Language is part of the ensemble of modes, each of which has equal potential to contribute to meaning. Images, gaze and posture thus do not just support meaning, they each contribute to meaning» [4]. Представляется, что перспективы изучения особенностей функционирования просодических средств в академическом онлайн дискурсе связаны с их рассмотрением с позиций мультимодального анализа.

Список литературы

1. *Фрейдина Е.Л.* Роль встроенных жанров и регистров в обеспечении контакта в англоязычной лекции. Преподаватель XXI век. 2019, №3, часть 1, С. 94-103.
2. *Crystal, D.* The Gift of the Gab. How Eloquence Works. New-Haven and London: Yale University Press, 2016. – 243 p.
3. *Lawrence D. Rosenblum.* See what I'm Saying: The Extraordinary Powers of Our Five Senses. – W. W. Norton, 2010. – 350 p.
4. *Paltridge, B.* Discourse Analysis. An Introduction. – London: Bloomsbury Academic, 2012. – 282 p.
5. *Siebert, I. and Niebuhr, O.* Case Report: Women, Be Aware that Your Vocal Charisma Can Dwindle in Remote Meetings // *Frontiers in Communication*, volume 5, January 2021.

10.02.04

¹А.С. Рыбакова канд. филол. наук, Т.С. Нестерова

ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»,
факультет иностранных языков,

¹кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, annrybakova@gmail.com, she5454@ya.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГАСТРОНОМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Эпоха всеобщей глобализации затрагивает язык, который отражает изменения в жизни современного общества. В данной статье предпринята попытка рассмотреть структурные особенности передачи фразеологизмов на примере лексических единиц с гастрономическим компонентом.

Ключевые слова: *фразеологизмы, фразеология, идиомы, структурные особенности фразеологизмов, лексика с гастрономическим компонентом.*

В настоящее время, лингвистическая наука рассматривает язык не только с точки зрения сопоставления лексико-семантических и грамматических соответствий знаковых систем различных языковых групп, но, и с точки зрения когнитивного аспекта их восприятия на общенациональном и индивидуальном уровнях. Другими словами, сегодня значение слов и словосочетаний изучается в контексте историко-культурного развития носителей языка, который отображает языковую картину мира народа, и более точно передает экспрессию его лексического запаса.

Актуальность изучения фразеологических единиц заключается в том, анализ соотношения лексического и семантико-экспрессивного значений фразеологических единиц позволяет раскрыть глубину национальной специфики, а также, подобрать наиболее эффективные способы их перевода.

Стоит отметить, что в современном мире все большую популярность получают онлайн технологии. В связи с этим реже используются классические бумажные словари и переводчики. Предпочтение отдается доступным и быстрым в использовании аналогам в сети Интернет.

Нами был проведен анализ ресурсов онлайн платформ в аспекте «фразеологических единиц», в ходе которого были сделаны следующие выводы:

- использование онлайн словарей и переводчиков идиом в современном мире достаточно редко используется;
- общедоступность и развитость фразеологических словарей представлена в сети Интернет на достаточно высоком уровне;
- основой классификации идиом в онлайн словарях является алфавитный способ (расположение идиом в алфавитном порядке), что значительно усложняет выбор фразеологизма при желании и необходимости найти что-либо определенное. На наш взгляд, намного проще было бы расположение и классификация, по отдельным словам, или общим понятиям;
- около 4 онлайн словарей позволяют сделать поиск по значению.

Таким образом, можно сделать вывод, что онлайн словари и переводчики идиом еще не имеют идеального содержания. Для перевода того или иного понятия или фразы будет необходимо использовать различные средства для достижения максимально понятного и рационального значения.

Для анализа особенностей передачи англоязычных фразеологических единиц с гастрономическим компонентом на русский язык нами был выбран онлайн словарь идиом и фразеологических выражений The Idioms - <https://www.theidioms.com>.

Данный онлайн переводчик не является лидирующим: он не оказывается на первой странице доступа по поисковому запросу. Однако, он привлек наше внимание именно благодаря хорошему содержанию и структуре представленной информации.

В данном словаре фразеологических единиц мы можем воспользоваться поиском по сайту, который позволяет сократить время на нахождение той или иной идиомы. Так, мы можем сразу найти все фразеологизмы, в которых встречается слово *egg*: *goose egg*; *Easter egg*; *kill the goose that lays the golden egg*; *walk on eggshell* и т.д.

Кроме поиска по вашему запросу, на главной странице данного сайта представлен список наиболее востребованных лексических единиц таких, как *body*, *ability*, *children*, *cheese*, *cake*, *dog*, *eyes* и т.д.

В данном онлайн словаре есть специальная кнопка «меню», при нажатии на которую читатель получает возможность выбрать, каким именно способом ему удобнее и легче найти нужную ему информацию.

Нам кажется, что это наиболее полезная функция данного ресурса, потому что для выполнения различных видов перевода требуется различные направления и области действия: переводчику необходимо получать информацию различными способами.

Для решения задачи перевода с английского языка на русский язык, переводчику необходимо найти данный фразеологизм и подобрать наиболее точный на родном языке. В данном случае рациональнее воспользоваться поисковой строкой для быстрого нахождения данного фразеологизма.

Если же речь идет о переводе с русского языка на английский язык, то переводчику необходимо подобрать выражение, которое наиболее точно будет передавать эмоциональную и стилистическую окраску того или иного выражения. В данном случае, следует выбрать поиск по темам или алфавитный поиск (если вы точно знаете, на какую буквы начинается необходимая фраза).

Нами был произведен анализ фразеологических единиц с гастрономическим аспектом. В ходе анализа были выявлены следующие аспекты.

Большинство фразеологических единиц переводятся на русский язык с помощью **комплексного осмысления**.

Так, *apple pie order* – не может быть представлен в языке перевода, как «заказ яблочного пирога». Необходимо перефразировать идиому таким образом, чтобы передать её лексическое и стилистическое значение в русском языке, представить речевые ситуации, в ходе которых она может быть употреблена. Следовательно, мы получаем перевод «образцовый, идеальный порядок», который на первый взгляд никак не связан с первоначальным дословным значением.

Некоторые из фразеологизмов с гастрономическим аспектом связаны с характеристикой человека: *apple polisher* - подлиза, шестёрка; *as different as chalk and cheese* - внешне похожи, но разные по характеру (о человеке); *couch potato* - хронический телезритель, ленивый человек; *a happy bunny* - счастливый человек, довольный сложившейся ситуацией; *a good egg* - хороший человек, молодец; *No spring chicken* - немолодой, пожилой человек; *To be as cool as a cucumber* - спокойный как удав, уравновешенный, хладнокровный.

Часть фразеологизмов с гастрономическим аспектом характеризуют действия: *upset the applecart* - расстроить планы; спутать карты; *wine and dine* - угощать, потчевать; *butter up* - польстить кому-то, чтобы получить от него что-то взамен; *when life gives you lemons* - сделать все возможное из сложной ситуации; *hear on the grapevine* - слышать слухи о чем-то.

Только некоторые из фразеологических единиц включают в себя упоминание о напитках: *wine and dine* - угощать, потчевать; *troubled waters* - трудный этап жизни; *not my cup of tea* - не то, что нравится, не быть по вкусу; *cup of tea* - (что-либо или кто-либо) приходящееся по вкусу, любившееся; то, что нравится; *not for all the tea in China* - ни в коем случае, ни за что на свете.

Наиболее употребительными словами в перечне фразеологизмов с гастрономическим аспектом можно назвать идиомы, в составе которых встречается слово «apple» и «egg»: *apple*

pie order - образцовый, идеальный порядок; *apples to oranges* – две большие разницы; *apples to apples* – сравнение; *apple polisher* - подлиза, шестёрка; *upset the applecart* - расстроить планы; спутать карты; *apple of eye* - зеница ока; *apple of discord* - яблоко раздора; *a chicken and egg situation* – что было раньше, яйцо или курица?

Так говорят, когда не могут определить, какое из двух событий произошло раньше, что послужило причиной, а что – следствием.

— *a good egg* -хороший человек, молодец; *to egg someone on* - побуждать, подстрекать; *to put all your eggs in one basket* - рисковать, вложив все средства в один проект или человека; *to walk or tread on egg shells* - проявлять максимальную осторожность и тактичность; *you cannot make an omelette without breaking eggs* - не разбив яиц, омлет не приготовишь. Так говорят, когда нужно приложить усилия, чтобы получить результат; *to have egg on face* - опозориться, оказаться в глупом положении; *to lay an egg* - провалиться, проиграть, сесть в калошу.

Некоторые фразеологические единицы, которые являются известными и употребительными в русском языке, приобретают в английском языке интересные интерпретации: *carrot and stick* – (дословно: морковь и палка) кнут и пряник; *pie in the sky* – (дословно: пирог в небе) журавль в небе.

В то время, когда некоторые фразеологизмы имеют одинаковый перевод на двух языков (*rub salt into the wound* - сыпать соль на рану). Однако, в следствии культурных и исторических особенностей развития языков их количество очень мало.

Таким образом, онлайн словарь представляет собой инновационную технологию, которая позволяет иметь мгновенный доступ к определенному кругу информации. Анализ данного источника позволил сделать выводы об удобности использования ресурса сети Интернет для переводческой деятельности. Кроме того, анализ позволил выявить закономерности в распространении и употреблении слов с гастрономическим аспектом в переносном значении, т.е. в составе фразеологической единицы.

Благодаря выполненному анализу, видим, что именно слова *apple* и *egg* используются наиболее часто. Следует также обратить внимание, что классификации идиом, представленных на сайте, являются «алфавитный порядок», «по теме» фразеологизма. На наш взгляд, необходимо вводить дополнительные аспекты перевода английских фразеологических единиц на русский язык: дословный перевод, комплексное переосмысление, копирование значение. Данные классификации позволяют расширить и совершенствовать переводческую деятельность в данном направлении.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке М.: Наука, 1986. – 182 с.
2. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 2018
3. EXPLORE IDIOMS BY TOPICS [Электронный ресурс] Режим доступа [URL: <https://www.theidioms.com/topics/#title>]

10.02.04

Е.Б. Рябых, В.В. Шишкина

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
факультет филологии и журналистики,
кафедра зарубежной филологии и прикладной лингвистики,
Тамбов, ekaterina_gyabykh@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПОИСКА И РАСПОЗНАВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В РАМКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ДИСКУРСА

*В статье рассматриваются проблемы автоматического поиска и распознавания индивидуально-авторской метафоры в рамках художественного, публицистического и научного дискурса. Анализируются результаты автоматического поиска индивидуально-авторских метафор без учета ограничений к количественным и качественным показателям в выборке. Отмечаются особенности осуществления выборки, которая проходила в три этапа: 1) первичная выборка с опорой на область-мишень метафорического моделирования; 2) вторичная выборка с опорой на конкретную область-источник метафорического моделирования, соотносимую с областью-мишенью; 3) ручная сортировка выявленных примеров и соотнесение их с определенным типом дискурса (художественный / публицистический / научный), с целью установления особенностей процесса индивидуально-авторской метафорической интерпретации мира в зависимости от ограничительных рамок типа дискурса. На примере немецкого языка определяются области-мишени, которые чаще подвергаются метафорической интерпретации. Для области-мишени *Worte* (pl.) выделяются области-источники, наиболее часто привлекаемые в рамках художественного, публицистического и научного дискурса. Отмечается, что в рамках художественного дискурса палитра вариантов метафорической интерпретации мира может в большей мере усложняться за счет расширения и детализации метафорически создаваемых образов.*

Ключевые слова: *индивидуально-авторская метафора, дискурс, метафорическое моделирование мира, автоматический поиск.*

В процессе метафорической интерпретации мира доминантными являются личностно-физиологический контекст, исторический, социокультурный контекст автора, ситуативный контекст, а также контекст дискурса. Важно разграничение между локальным и глобальным контекстом. Локальный контекст предполагает индивидуально-авторские знания об окружающей реальности. Глобальный контекст состоит из коллективных знаний в отношении подвергаемого интерпретации мира и роли человека в нем. Он включает в себя знания, которые являются общими. В ряде случаев представляется сложным проведение четких границ между локальным и глобальным контекстом. Значимым является также аспект авторского моно- или мультикультурализма, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на процесс порождения метафоры в связи с большей степенью вариативности принимаемых авторских решений в процессе метафорического моделирования мира.

В отношении процесса метафорического моделирования интересным является то, насколько он обусловлен интуицией, и насколько – когницией. С большей вероятностью речь идет об интуитивно-когнитивных соединениях, то есть о контролируемых и непосредственно неконтролируемых процессах. Однако не стоит отрицать наличие интуитивных и спонтанных ассоциаций в процессе индивидуально-авторского метафорического моделирования, так как интуиция – это выражение авторской индивидуальности. Задача интуиции заключается в ассоциировании области-мишени метафорического моделирования с областью-источником с учетом ситуации и фрагмента действительности, то есть с учетом обозначенных выше контекстов.

О контролируемом и неконтролируемом рабочем пространстве, стратегии, определяющей координаты и регулирующей ментальные процессы, протекающие в этих пространствах, в своей работе говорил, в частности Г. Хёниг [1]. Применяя его теорию к процессу порождения метафоры, можно предполагать наличие четырех возможных вариантов: 1 – как вербальный рефлекс от первого контакта проецируемого образа с неконтролируемым рабочим пространством на уровне интуиции; 2 – как автоматические ассоциации из неконтролируемого рабочего пространства; 3 – как сознательно акцептированный продукт стратегии из контролируемого рабочего пространства; 4 – как продуманный продукт взаимодействия неконтролируемого и контролируемого рабочего пространства, причем «последней инстанцией» могут выступать либо контролируемые (осознанно протекающие в поиске подходящей области-источника метафорического моделирования), либо неконтролируемые (интуитивные) процессы в зависимости от оптимального с точки зрения авторского замысла варианта (интуитивное озарение или целенаправленный мыслительный поиск).

Следовательно, индивидуально-авторская метафора – это реализованная в языке авторская ассоциация, полученная чаще всего интуитивно и/или осознанно как результат когниции путем торможения частотных, а также привычных для индивида связей, и актуализации вторично значимых и случайных связей путем передвижения фокуса внимания и нахождения оптимального решения за счет привлечения лингвокогнитивного феномена «салиентности» [термин «салиентность» по: 7].

Учитывая то, что существует плюрализм метафорической интерпретации мира, в частности в рамках художественного, публицистического и научного дискурса, возникает вопрос о возможности автоматического поиска и распознавания, для чего используются различные методики, в частности корпусные и экспериментальные. Первые применяются для совершенствования методики идентификации метафоры в целом, исследования вариантов метафорической интерпретации мира в рамках различных типов дискурса, анализа индивидуально-авторских метафор, в том числе, основываясь на методе сплошной выборки. В данном случае происходит детальное изучение всего объема практического материала, подвергаемого обработке, и выделения всех распознанных примеров метафор с опорой на область-источник или область-мишень. Достаточно подробно корпусные подходы описаны в работе А. Стефановича [2] и активная работа в этом направлении продолжается и дальше. К примеру, основные методы и принципы создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры с описанием опыта разметки с применением инструмента BRAT изложены в работе Ю.Г. Бадрызловой, Р.Д. Керимова, Н.Г. Шехтман [4].

Экспериментальный анализ проводится, к примеру, с целью установления факта увеличения или уменьшения времени восприятия высказываний, содержащих проявления метафорического мышления, а также факта увеличения или уменьшения когнитивных усилий, нацеленных на восприятие метафорически поданной информации. Для таких исследований в большей степени используется процедура окулографического анализа или айтрекинга. В этом направлении интерес представляет, к примеру, работа на материале немецкого языка Л. фон Штокгаузен и У. Кристман о возможности переработки конвенциональных и неконвенциональных метафор [3]. Заслуживает внимания разрабатываемый М.И. Киосе интерпретационный подход к определению фигуративности в тексте с опорой на инструментальный корпусной и экспериментальной лингвистики [5, 6].

Несомненно, индивидуально-авторская метафора представляет собой значительную проблему для стремительно развивающихся технологий автоматической обработки, что связано с современными автоматическими анализаторами, неспособными эффективно находить и интерпретировать метафорические употребления, что существенно снижает качество обработки в целом. Для разработки автоматических систем, которые направлены на поиск и распознавание метафоры, в том числе индивидуально-авторской, необходимы созданные электронные ресурсы, которые содержат примеры метафорических употреблений и информацию об их соотношенности с концептуальными метафорами.

В рамках проводимого исследования была предпринята попытка автоматического поиска и распознавания индивидуально-авторской метафоры в художественном, публицистическом и научном дискурсе. Автоматический поиск осуществлялся изначально без учета ограничений к количественным (объём осуществляемой выборки) и качественным (способы построения выборки) параметрам выборки, что связано с проблематичностью распознавания множества индивидуально-авторских вариантов метафорического моделирования мира, и с опорой на инвариант (концептуальную метафору). Предполагаем, что для осуществления четко очерченного параметрического автоматического поиска и распознавания индивидуально-авторской метафоры должен быть создан и постоянно обновляться электронный ресурс, включающий корпус примеров для увеличения сетей связи и выявления потенциальной сочетаемости между областями-источниками и областями-мишенями метафорического моделирования мира. Подход к автоматическому поиску без учета строгих ограничений выборки полезен в связи с высказыванием гипотезы о необходимости создания постоянно пополняемого метафорического корпуса, поскольку он не зависит от конкретных исследовательских потребностей, а также от конкретных типов дискурса, и способен давать широкий спектр примеров в процессе идентификации метафор. Подобный пополняемый корпус может являться инструментом, который помогает аналитикам метафор проводить крупномасштабные исследования, например, путем сужения поиска в соответствии с целевой областью и обеспечения межъязыкового изучения и сопоставления метафор. Однако данный подход может рассматриваться как не удовлетворяющий исследовательским потребностям, когда возникают конкретные вопросы, к примеру, о функциях метафоры в определенном контексте или когнитивной области, или с учетом изучения конкретного типа дискурса.

На материале английского языка примером подобного рода корпуса является большое структурированное хранилище концептуальных метафор, основанное на многолетних исследованиях в области теории их изучения. Оно включает в себя множество хорошо изученных и систематизированных метафор, связанных с различными социальными и политическими проблемами (например, бедность – болезнь, налогообложение – бремя, государственное регулирование – физическое ограничение). Это хранилище было создано в рамках проекта MetaNet, постоянной целью которого является систематизация анализа метафор автоматическим способом. В рамках проекта MetaNet разработано формальное представление метафор в виде отображений из одной области (исходной) в другую (область-мишень), что представляет собой схематизацию различных видов опыта интерпретации окружающего мира. В настоящее время это хранилище содержит более 685 страниц метафор, где отдельная страница представляет собой концептуальную метафору, которая потенциально может быть выражена с помощью множества различных сочетаний лексических единиц (например, бедность заражает нашу страну). Отдельные концептуальные метафоры также поддерживают внутрисистемные сетевые связи, которые определяют отношения к другим метафорам. Например, метафора бедность – болезнь является составной частью более общей метафоры социальные проблемы – болезни. Кроме того, области, которые служат источником и мишенью этой метафоры, связаны с другими областями: бедность определяется как составляющая социальных проблем, а болезнь – составляющая более общей области физических страданий. В рамках проекта MetaNet, выбрав отдельную концептуальную метафору из списка, можно просмотреть ее структуру, а также определенные отношения с другими концептуальными метафорами в сети.

Изначально нами была установлена высокая продуктивность таких целевых областей на материале немецкого языка, как *Denken, Frau, Freiheit, Gedanken, Geist, Geld, Glück, Gott, Gut, Güte, Herz, Kunst, Leben, Liebe, Macht, Mann, Mensch, Natur, Recht, Seele, Wahrheit, Welt, Wissen, Wort (Worte), Würde, Zeit* для их метафорической интерпретации.

Полученные при первичном автоматическом поиске примеры индивидуально-авторского метафорического моделирования логичным образом не дают исчерпывающей метафорической картины мира, в том числе, и индивидуально-авторской, отраженной в

подвергнутом обработке практическом материале, поскольку выбранная методика проводимого автоматического анализа не может обнаружить все возможные метафоры, но она достаточно репрезентативна, чтобы позволить исследователю выдвигать конкретные гипотезы или сосредоточиться, к примеру, на конкретных областях метафорического моделирования в рамках дальнейшего исследования.

Каждый автоматический запуск идентификации начинается с конкретно поставленной цели, заданной исследователем, чаще всего с опорой на область-мишень метафорического моделирования. В нашем случае в качестве наглядного примера для автоматического поиска областей-источников метафорического моделирования мира была выбрана область-мишень *Worte (f)*. Однако, поскольку система может распознавать метафоры только в ограниченном наборе в том числе грамматических шаблонов, некоторые метафоры могут быть не обнаружены. Повторные автоматические операции извлечения метафор с помощью расширенной сети, к примеру, областей-источников метафорического моделирования применительно к определенной области-мишени помогают расширить спектр вариантов реализации концептуальных метафор. Подобного рода повторный поиск с опорой на конкретно обозначенные области-источники применительно к константной области-мишени были применены в рамках проводимого нами исследования.

На третьем этапе проводилась сортировка вручную выявленных примеров и соотнесение их с определенным типом дискурса (художественный / публицистический / научный), с целью установления особенностей процесса индивидуально-авторской метафорической интерпретации мира в зависимости от ограничительных рамок типа дискурса.

В проекте MetaNet наличествует только одна концептуальная метафора с областью-мишенью *слова – слова – контейнеры (или некие вместилища)*. Как известно, среди концептуальных метафор можно выделить первичные метафоры, которые могут быть универсальными. По большей части они формируются на ранних стадиях когнитивного развития и являются результатом предсказуемого, а также одновременного совместного опыта и получаемого знания о мире. По нашему мнению, данная метафора как раз относится к разряду подобного рода метафор. Среди свыше 1500 рассмотренных и проанализированных примеров, выявленных с помощью метода сплошной выборки, а также 352 отсортированных в дальнейшем примеров, отвечающих целям проводимого исследования, данной метафоры нами, казалось бы, выявлено не было. Однако при более глубинном анализе наше внимание было обращено на пример из творческого наследия Хильды Домин, для которой *слова – это спелые гранаты, а их семена – новые тайны (Worte sind reife Granatäpfel, / sie fallen zur Erde / und öffnen sich. / Es wird alles Innre nach außen gekehrt, / die Frucht stellt ihr Geheimnis bloß / und zeigt ihren Samen, ein neues Geheimnis)*. Из этого примера складывается представление о словах-гранатах как о некоем вместилище для тайн-семян. Еще одной первичной метафорой является концептуальная метафора *слова – оболочка*. Примером ее реализации являются концептуальные метафоры *Worte sind Kleider (die Kleider, welche die Gedanken tragen; die Kleider der Gedanken)* или *Worte sind Laub (wo sie im Übermaß sind, findet man selten Früchte darunter)*. Еще одной первичной метафорой может выступать метафора *слова – onopa (Worte – Wünschelruten des Geistes. Die Worte sind des Geistes Krücken.)*

Словами, как известно, можно убить и спасти человека (*слова, в частности, спасательный круг / Rettungsring*). Но, в первую очередь, в немецком языке, независимо от типа дискурса *слова – это оружие*, которое может оставлять плохо заживаемые раны или кузнец, который это оружие кует (*Böse Worte hinterlassen eine tiefe Wunde, die nicht immer heilt; Worte – Waffen, mit denen Wunden geschlagen werden können, die niemals vernarben; Worte – die Waffe des modernen Krieges; Worte sind des Dichters Waffen; Worte schmieden die Waffen für den Krieg*).

В художественном дискурсе встречаются более непредсказуемые варианты развития концептуальной метафоры *слова – оружие* (например, *яд* как средство, помогающее справиться с человеком и покончить с ним). Слова могут быть похожи на крошечные дозы

мышьяка. Они проглатываются незаметно, и, похоже, не оказывают никакого эффекта, а через некоторое время действие яда все же появляется. Или это шприц с ядом (*Worte können sein wie winzige Arsendosen; sie werden unbemerkt verschluckt, sie scheinen keine Wirkung zu haben, und nach einiger Zeit ist die Giftwirkung doch da. Worte – eine Giftspritze*). Слова в художественном дискурсе – это осколки или занозы в теле, слова – это развалины храма, слова – это тень (*Splitter ins Fleisch; Trümmer von einem Tempelbau; ein Schatten vom wahren Gefühl; der Seele Bild – Nicht ein Bild! Ein Schatten!*).

В публицистическом дискурсе реализуются менее креативные и более простые по своей структуре индивидуально-авторские вариации метафор с областью-источником *Worte*, что может быть связано с необходимостью быстрого и однозначного их декодирования, но в этих метафорах может прослеживаться связь с похожими вариантами из других типов дискурса более раннего периода, что еще раз свидетельствует о том, что читатель в рамках публицистического дискурса должен быть подготовлен к восприятию метафоры. Слова в ряде проанализированных примеров связываются с поступками и приравниваются к воздуху: *Worte ohne Taten sind wie Luft ohne Sauerstoff* (ср. пример из художественного дискурса *Worte sind Luft. Aber die Luft wird zum Wind und Wind macht die Schiffe segeln*); *Worte sind Taten des Geistes; Die Worte des Dichters sind Taten; Worte ohne Taten sind die Mörder des Idealismus*. Слова – это дороги, слова – это окно, через которое сквозь тьму пробивается свет, слова – это мосты (*Worte sind Wege und stehen im Weg; Worte sind Fenster, durch die Licht ins Dunkel kommt; Worte sind Brücken.*).

В научном типе дискурса предпринимается попытка с точки зрения различных исследовательских направлений дать определение того, что собой представляют слова. Так в соотношении с примерами – великанами слова – гномы (*Diese Devise sei uns gepriesen: Worte sind Zwerge, Beispiele Riesen*). Вспоминая пословицу о том, что слово – не птица, если выпустишь, не поймашь, обращают на себя внимание следующие примеры, которые являются попыткой объяснить, что такое слова, написанные и высказанные вслух (*Geschriebene Worte sind wie Vögel, die nicht mehr fliegen können. Ausgesprochene Worte sind frei fliegende, niemals wiederkehrende Vögel? Dann müssen Schriftstücke Gefiederte im Käfig sein: anschaulich fixiert*). Слова, зафиксированные в письменной форме – птицы, которые уже никогда не смогут летать; слова произнесенные слух – свободно летающие птицы, которые никогда не вернутся.

На втором этапе проводился автоматизированный поиск не только с опорой на выявленные и систематизированные области-источники метафорического моделирования, но также с учетом ряда выявленных глаголов помимо глагола-связки *sein*, а именно *fließen, heilen, kitzeln, schmieden, sparen, töten, trösten* и др.

В заключении необходимо отметить, что индивидуально-авторские варианты метафорического моделирования мира на сегодняшний день настолько многообразны, что это затрудняет и ставит под вопрос амбициозную, однако очень значимую проблему автоматического поиска, который может приоткрыть завесу к тайнам протекания наших контролируемых и неконтролируемых мыслительных процессов. Результаты, основанные на автоматических вычислениях, могут пролить свет на возможные экспериментальные направления для исследования того, как используемый язык может влиять на концептуализацию окружающего мира и принятие решений. Было выявлено, что индивидуально-авторские метафоры достаточно часто являются вариантами реализации концептуальной метафоры за счет контекстного расширения или детализации и повторно реализуются в дальнейшем с незначительными индивидуально-авторскими преломлениями. Однако следует отметить, что проблема автоматического поиска и распознавания метафор тесно связана с вопросами порождения и восприятия метафоры, с доминантной ролью автора как интерпретатора знаний о мире, его системой знаний, особенностью его выбора объекта и характеристик интерпретации. Важным аспектом является также изучение влияния специфики дискурса на взаимосвязь коллективного (первичного) и индивидуального (вторичного) контекстов знаний в формировании индивидуально-авторской метафоры.

В рамках исследования было установлено, что для художественного дискурса в большей мере, чем для научного и публицистического, характерен не только набор типичных метафорических моделей и креативных вариантов их реализации, но и то, что метафора является важным средством построения данного типа дискурса, так как она обладает функцией текстовой сплоченности и согласованности. В этой связи метафорическая насыщенность и плотность в художественном, и особенно поэтическом дискурсе значительно выше, чем, к примеру, в научном и публицистическом типе дискурса.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект № 20-18-00372).*

Список литературы

1. Hoenig H.G. Vom Selbst Bewusstsein des Übersetzers. Festschrift für Katharina Reiss. Tampere, 1993.
2. Stefanowitsch St.Th. Gries (eds.). Corpus-based approaches to metaphor and metonymy. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006.
3. Stockhausen L. von, Christmann U. Die Verarbeitung konventioneller und unkonventioneller Metaphern: eine Blickbewegungsstudie // Empirische Linguistik. 2015. B. 1. S. 355-371.
4. Бадрызлова Ю.Г., Керимов Р.Д., Шехтман Н.Г. Основные методы и принципы создания русскоязычного корпуса концептуальной метафоры: опыт разметки с применением инструмента BRAT // Вестник пермского университета. 2013. Вып. 3(23). С. 82-92.
5. Куосе М.И. Когнитивно-функциональная методология разграничения прямой и непрямой номинаций в тексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 63-70.
6. Куосе М.И. Корпусные и экспериментальные возможности исследования фигуративного мышления // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2017. № 4 (20). 39-43.
7. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012.

10.02.04

Ю.А. Хуснуллина

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
факультет информационных систем и технологий,
кафедра иностранных языков,
Самара, y.husnullina@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИРМЕННЫХ НЕОЛОГИЗМОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье затрагивается проблема определения функционального потенциала новых лексических единиц современного английского языка. Целью исследования является выявление функционально-прагматических особенности фирменных неологизмов компьютерных технологий. В результате доказано, что фирменные неологизмы отличаются метафорической мотивированностью и имеют идиоматическую направленность.

Ключевые слова: *неологизм, идиоматичность, метафоризация, метафорическая мотивированность, компьютерные технологии.*

На каждом этапе языкового развития существует особый пласт новой лексики. Е.В. Розен называет неологизмы символами времени. «Новые слова – наименования новых артефактов, т.е. продуктов материальной деятельности человека, способны в своей совокупности представить уровень культуры общества» [1, с. 94-95]. Лингвист полагает, что информационная революция выступает отличительной чертой современной культуры. «Естественно, представляя центральные для культуры сегодняшнего дня слова, указать на новые обозначения, связанные с информатикой – названия аппаратуры, её частей, принципов действия, её использования, языков программирования, систем обработки данных и т.п.» [1, с. 91]. Развитие технологических инноваций порождает необходимость обозначения новых процессов и явлений, что в свою очередь ведёт к возникновению новых лексических единиц. Фирменные неологизмы являются лингвистическими номинациями технологических инноваций. Источниками фактического материала послужили американский социально-новостной сайт Reddit.com [3] и веб-сайт о компьютерной технике Theverge.com [4].

Наименование ведущей компании по производству аппаратного обеспечения *Lenovo* состоит из двух компонентов: *Le-+novo*, что в переводе с китайского языка означает «ассоциации» или «связанное мышление», иными словами «креативность» [2, с. 198]. Производные фирменные неологизмы отличаются метафорической мотивированностью и имеют идиоматическую направленность. Метафоричность прослеживается в неологизме *Lenovo Yoga* – модель ноутбука с инновационной конструкцией «2-в-1», которая обеспечивает максимально плавный поворот вращающейся звуковой панели на 360° при переключении между режимами ноутбука и планшета. Компонент *yoga* передаёт значение гибкости и пластичности применительно к форм-фактору компьютерного устройства. Метафоризация на основе сходства по форме и функциональным характеристикам находит своё отражение в фирменном неологизме.

Сокращённая форма наименования торговой марки *Asus* является усечением от слова *Pegasus* [2, с. 198]. Фирменные идиоматичные неологизмы являются семантически мотивированными. Напр., *Asus ZenBook Flip* – ноутбук премиум-класса, с функцией поворота экрана на 360°. Метафорический перенос значения образован компонентами *flip* – букв. «акробатическое упражнение сальто» и *zen* – букв. «дзен – направление религиозной философии». *Asus VivoBook* – ноутбук для повседневных задач, преимуществами которого

являются высококачественное изображение и яркие цветовые варианты уникального дизайна. В структуре значения фирменного неологизма метафоричность содержится в семантическом компоненте (букв. «vivo» – яркий, живой). *Asus ProArt StudioBook* – ноутбук специально предназначенный для работы с мультимедийной графикой и проектированием. Метафорический перенос значения компонентов *ArtStudio* акцентируют внимание потребителей на отличительных характеристиках устройства.

Следующим примером идиоматичности неолексик компьютерных технологий выступит лексическая единица *Intel Project Athena*. Фирменный неологизм включает в себе совокупность понятий: новый стандарт для производительных ноутбуков, стандартизированный набор спецификаций, сеть лабораторий, консорциум компаний. В данном проекте участвует более 100 участников, объединившихся для создания гибких и удобных в использовании интеллектуальных устройств: Microsoft, HP, Dell, Google, Lenovo, Samsung, Xiaomi и т.д. Комплексный характер проекта объясняет выбор ключевого компонента нового словосочетания, метафорический образ отражает структурно-функциональные свойства объекта. Совокупный образ одной из главных богинь в древнегреческой мифологии Афины является воплощением справедливой войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремёсел.

Крупнейшая американская IT-компания *HP* < *Hewlett-Packard* выпускает инфраструктуру для персональных вычислительных систем под одноименным брендом HP [2, с. 198]. Мощный игровой ноутбук *HP Pavilion* сочетает в себе максимальную производительность и высококачественную графику, необходимые для работы и игр. В составе фирменного неологизма присутствует ключевой компонент *pavilon*, что по-французски означает небольшую изолированную закрытую постройку, предназначенную для отдыха и развлечений. Парадигматическая корреляция значений зафиксирована семантически. Идиоматичный неологизм передаёт содержательные признаки обозначаемого объекта – максимальную частоту кадров и поддержку платформ виртуальной реальности для полного погружения в игровую деятельность

Швейцарская компания *Logitech* < *Logic technologies* известна производством аппаратного оборудования и периферийных устройств. Фирменный неологизм *Logitech Scribe* обозначает вайтборд-камеру для конференц-залов. Особенность технологии заключается в том, что встроенный интеллектуальный функционал и специальный объектив камеры распознает текст и графические элементы лекционной доски (от лат. *scribo* – писать, чертить), преобразовывает содержимое в электронный вид и моментально в онлайн-режиме транслирует на экран видеоконференции. Наряду с номинативной, фирменный неологизм реализует когнитивную функцию. Ещё одной разработкой компании *Logitech* является линейка *Logitech Silent* (в переводе с англ. *silent* – «тихий бесшумный») – практически бесшумная беспроводная компьютерная мышь для управления курсором графического интерфейса и ввода команд. Идиоматичность неологизма моделирует отличительное свойство объекта номинации – высокий уровень шумоподавления щелчков кнопок.

Неологизмы, обозначающие аппаратные компьютерные средства американской корпорации *AMD* < *Advanced Micro Devices*, отличаются идиоматической направленностью. При помощи фирменного неологизма *AMD Athlon* компания демонстрирует свою претензию на лидерство нового процессора. Морфема *Athlon* в переводе с др.-греч. означает «соревнование; награда в соревновании; место боя, арена». В 2016 г. на специальном саммите *AMD New Horizon* было анонсировано новое поколение процессоров *Ryzen* одновременно с обновлённой микроархитектурой *Zen*. Лингвистический интерес представляют морфологический и семантический признаки деривационной структуры фирменного неологизма *AMD Ryzen*. Новая лексическая единица образована несколькими морфологическими способами: словосложением с чередованием гласных и усечением слов *horizon* и *zen*.

В сентябре 2020 г. компания LG официально анонсировала новый смартфон *LG Wing* (букв. «крыло»), оснащённый двумя дисплеями. Благодаря оригинальному поворотному форм-фактору, при переключении в режим *Swivel Mode* («шарнирное соединение») положение основного экрана напоминает крылья, а весь корпус смартфона принимает типичное изображение самолёта. Визуальный образ электронного устройства выступает мотивирующей основой для образования метафорического неологизма. В ноябре этого же года компания LG зарегистрировала торговую марку *Rollable* (to roll – сворачивать, свёртывать, скатывать) для обозначения первого в мире смартфона со сворачивающимся экраном. Ранее рассматривались синонимичные варианты фирменных неологизмов – *LG The Roll*, *LG Double Roll*, *LG Dual Roll*, *LG Bi-Roll*, *LG Roll Canvas*. Однако именно лексическая единица *Rollable* представляется наиболее релевантной. Отглагольное прилагательное, образованное суффиксальным способом, в точности передаёт ключевую особенность конструкции технологической инновации. На данный момент такие технические характеристики как гибкий, сгибаемый, растягиваемый, раздвижной и сворачиваемый являются революционными в электронных цифровых устройствах, способных к трансформированию. Фирменный неологизм *LG OLED R* является инициальным сокращением, обозначающим новую технологию раздвижного телевизора. Существует две версии декодирования аббревиатуры *LG*: 1) в создании нового имени бренда использованы первые буквы предшествующих компаний *Lucky Chemicals* и *Goldstar*; 2) инициальная аббревиатура официального слогана компании – *Life is Good*. Вторым компонентом *OLED* (*Organic Light-Emitting Diode*) означает разновидность технологии по изготовлению крупноформатных жидкокристаллических панелей. Третий компонент *R* имеет два варианта декодирования: 1) *rollable*, что означает отличительную техническую характеристику; 2) *revolutionary*, что указывает на революционный формат уникального телевизора.

Результаты проведённого компонентного и семантического анализа фирменных неологизмов компьютерных технологий позволяют констатировать, что метафоры фирменных неологизмов стилистически нейтральны и созданы с целью объективного отражения структурных и функциональных свойств обозначаемого объекта действительности. Фирменные неологизмы создаются намеренно, ассоциируются с позитивными эмоциями и содержат скрытый смысл. Отличительными характеристиками фирменных неологизмов компьютерных технологий являются структурный символизм, лаконичность, компактность, уникальность, идиоматичность, благозвучность и чёткость звучания, которые способствуют визуальному и аудиальному восприятию.

Список литературы

1. Розен Е.В. Немецкая лексика: история и современность / Е.В. Розен – М.: Высш.шк., 1991. – 96 с.
2. Хуснуллина Ю.А. Аббревиатуры современных торговых брендов компьютерных технологий / Ю.А. Хуснуллина // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014, №1(31). Ч. I. – С. 197-200.
3. Reddit [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reddit.com/> (дата обращения 26.08.2021)
4. The Verge [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theverge.com/> (дата обращения 26.08.2021)

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

Е.В. Белова, Э.И. Котелевская

Московский государственный технический университет им. Н.Э.Баумана
(Калужский филиал),
кафедра «Иностранные и русский языки»,
Belova.ev74@gmail.com,
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
кафедра Литературы,
Linochka01@yahoo.com

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА
(НА ПРИМЕРЕ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА)**

В статье рассматривается феномен языковой личности. Раскрывается понятие языковой личности автора в любовном дискурсе. Опираясь на представленные определения, производится анализ языковой личности автора. Выделяются индивидуальные и характерные черты.

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, любовный дискурс, текст.

Текст представляет собой единую систему и отражает художественную реальность. Невозможно понять текст, почувствовать его глубину, не обратившись к фигуре писателя, как языковой личности. Погружение в языковую личность автора позволит прочувствовать всю эмоциональную составляющую текста. На языковую личность оказывает влияние множество социальных факторов, формирующих картину мира говорящего (окружение; культура; образование; семья), а также исторический период или эпоха, в которую творил писатель и географические особенности местности проживания.

Художественное произведение — это часть культурного наследия народа. Культура создается человеком и создается она для человека. Как пишет В.В. Катермина: «Именно в личности на передний план выходит социальная природа человека, а сам человек выступает как субъект социокультурной жизни. Поэтому личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа, этноса, так как для рождения человека в человеке необходим культурно-антропологический прототип, который формируется в рамках культуры» [5, с.205].

Определяя личность говорящего важным фактором, является рассмотрение данного феномена с позиции единства моральных и материальных характеристик коммуниканта. В лингвистике представлено множество подходов к определению термина языковая личность, предлагаем рассмотреть несколько концептов.

Г.И. Богин характеризует языковую личность, как человека — носителя речи, обладающего способностью к использованию языковой системы в целом в своей деятельности [2, с.3].

Языковая личность может пониматься, как закреплённый преимущественно в лексической системе языка базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка, составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре [3, с.116].

Рассматривая языковую личность Н.Ф. Алефиренко отмечает следующее: «Дискурс является своеобразным фокусом пересечения языковых личностей (субъектов речи). Поэтому дискурс – это синергетическое образование, в котором языковая личность – и порождающий дискурс феномен, и продукт дискурсивной деятельности этнокультурного

сообщества. Смысловое поле дискурса формируется личностными знаниями субъектов дискурсивной деятельности. Художественная ценность дискурса определяется диалоговым типом языковой личности, открытой и креативной, от которой зависит достижение устойчивой интерсубъективной гармонии в структуре дискурса вообще и текста как его продукта в частности» [1, с.6].

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что языковая личность создает и принимает речевое высказывание, которое в свою очередь может характеризоваться как результат речемыслительной деятельности коммуниканта.

Согласно исследованию В.В. Катерминой «Языковая личность характеризуется не только степенью владения языком, но и выбором — социальным, личностным — языковых средств различных уровней, а также видением мира, определяемым языковой картиной, сложившейся в данном языке. Кроме того, говорящий создает свою собственную языковую картину мира, которая становится основой разнообразных авторских приращений значений языковых единиц — «значений говорящего» [5, с.208].

Следовательно, языковая личность — это творец высказывания, которое является микроуровнем такой макро-единицы как текст. Можно предположить, что языковая личность осознанно или неосознанно является автором текста, создающим образы и описывающим происходящее используя знания, приобретенные в своей культурной среде и языковую картину мира.

Что касается художественного произведения, то здесь автор как индивид, интериоризировавший определенную партитуру национального языка, на котором написано художественное произведение, представляет собой определенную языковую личность [5, с.210].

Считается, что художественный дискурс проявлен в принципах не прямой или косвенной коммуникации. Языковая личность, выступающая в роли писателя или читателя через текст, реализует способности речемыслительной деятельности. Текст в свою очередь выступает результатом этой деятельности. Следовательно, языковая личность и текст находятся во взаимосвязи и объединены предметами и образами отражаемой действительности.

Любовный дискурс в свою очередь — весьма широкое и неоднородное понятие, которое может включать в себя ряд различных языковых явлений. Основываясь на определении романтического общения у Т.Г. Ренц [6, с.8] мы можем определить «любовное общение» как интимно-личностное общение, в основе которого лежит чувство любви между индивидами. Как понимать слово интимный? Значение данного термина мы также заимствовали у Т.Г. Ренц (от лат. *intimus* — близкий, душевный, сердечный, искренний) в работе данный термин использует в значении относящийся к области глубоко личного, сокровенного [4, с.7].

Н.Ф. Алефиренко считает, что «смысловое содержание дискурса воспринимается через смысловую структуру текста, рассматриваемую через призму когнитивной и прагматической деятельности языковой личности, производящей текст, и через призму интерпретирующего его восприятия читателем» [1, с.7]

Исходя из данного утверждения мы можем предположить, что восприятие смыслового содержания текста возможно благодаря исследованию когнитивной и прагматической деятельности языковой личности писателя, а индивидуальная интерпретация текста зависит от языковой личности читателя.

Определить языковую личность писателя можно посредством изучения художественного текста творца. Художественному тексту присущи индивидуальные особенности стиля написания автора, в тексте реализуются эмоциональные составляющие и оценочные категории языковой личности. Все это представлено в виде неповторимого словоупотребления для передачи предметно-чувственного образа, оригинального составления текста с неповторимым образным наполнением художественного произведения. Можно говорить о том, что художественный текст не только умственно воспринимается индивидом, но и проживается языковой личностью читателя.

Ниже предлагаем рассмотреть и проанализировать отрывки художественного произведения «Анна Каренина» и «Одиночество в сети». Оба текста относятся к разным временным эпохам.

«Она была испуганная, робкая, пристыженная и оттого еще более прелестная. Она увидела его в то же мгновение, как он вошел в комнату. Она ждала его. Она покраснела, побледнела, опять покраснела и замерла, чуть вздрагивая губами, ожидая его».

«Анна Каренина» - роман принадлежит перу гениального русского писателя-классика Льву Николаевичу Толстому. Роман относится к временной эпохе 19 века. Куртуазная эпоха, период главенства женщины в мире, в культуре. В искусстве отношение к женщине было, как к прекрасной даме или музе. Ей приписывали чистоту ангела. В художественном тексте облику и темпераменту женщины были характерны черты внешней и внутренней чистоты и невинности, сдержанности, всепрощения и жертвенности.

Прибегая к данному описанию, автор позволяет нам прочувствовать напряжение в комнате при встрече возлюбленных. Напряжение это объясняется той чистотой эмоций и чувств, которые переживает героиня. Сила, захватившая ее в свои объятия сравнима со стихией, она старается совладать с ситуацией, но это чувственный отклик ее души. Писатель характеризует ее как чувственную натуру. Полностью соответствует принципам того времени.

«Дорогой J. L.! Знаешь ли ты, что письмо это я писала минимум тысячу раз? Писала мысленно, писала на песке пляжа, писала на самой лучшей бумаге, какую только можно купить в Соединенном Королевстве, писала авторучкой у себя на бедре. Писала на конвертах пластинок с музыкой Шопена. Эдмонт таким и был. Как самое лучшее и самое дорогое шампанское в баре. Он ошеломил меня».

«Одиночество в сети» - роман польского писателя Януша Леона Вишневого. Я.Л. Вишневский относится к числу писателей, предпочитающих жанр современной прозы. Следовательно, временная эпоха произведения – это реалии нынешнего общества. Общество, где женщине необходимо быть независимой и сильной, прагматичной и хорошо образованной, самостоятельной и готовой нести ответственность за поступки и слова. Из текста нам становится очевидно, что героиня хорошо образована и разбирается в искусстве. Она готова говорить и открыто обнажать свои слабости, идти на конфликт и отстаивать свои взгляды.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, о том, что на работу автора влияют такие важные критерии, как временной период жизни автора, территориальное происхождение писателя, отношение общества и самого творца к главному тезису произведения. Важную значение имеет социальная природа автора, а также единство моральных и материальных характеристик.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности / Н. Ф. Алефиренко // Языковая личность — текст — дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч. — Ч. 1. — Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2006. — С. 6-10
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. С. 3-15
3. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремииологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 116-120
4. Васильев Л.Г., Котелевская Э.И. Любовный дискурс и топология//Удмуртский вестник. - Ижевск: Удмур. гос. ун-т. 2015. — С. 7-15
5. Катермина В.В. Языковая личность автора в художественном тексте // Южно-российский журнал социальных наук. 2016. №19. С. 205-214
6. Ренц Т.Г. Романтическое общение в коммуникативно-семиотическом аспекте: Дис. ... доктора филол. наук. — Волгоград: Волгоградский гос. социально-педагогический ун-т, 2011. — с. 376

10.02.19

С.В. Богдашкина, О.И. Налдеева, М.И. Савостькина

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева»,
филологический факультет,
кафедра родного языка и литератур,
savostkina_mi@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОРДОВСКОГО (МОКШАНСКОГО) ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

В работе рассмотрены вопросы поликультурного образования в Республике Мордовия. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту изучения языка в основной школе. Рассмотрены вопросы и проблемы обучения, приемы и пути их решения, разработаны новые подходы.

Ключевые слова: *лингвокультурологический аспект, речевой этикет, межкультурная коммуникация, языковая личность, обучение, диалога культур, мордовский (мокшанский) язык, лексика с национально-культурным компонентом значения.*

В Республике Мордовия проживает более ста двадцати национальностей, в школах обучение ведется на русском языке, где особое внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту. Обучение национальным языкам Республики – мордовскому-мокша и мордовскому-эрзя, требует разработки и рассмотрения новых подходов, новых горизонтов. Это дает повод для внедрения новых методов, приемов и принципов обучения. В этом и заключается актуальность данного исследования.

Целью настоящей работы является выявление содержательно-процессуальной основы лингвокультурологического аспекта изучения мордовского (мокшанского) языка в общеобразовательных организациях.

Для достижения цели исследования использовался комплекс взаимодополняющих методов: теоретические; эмпирические.

Материалом исследования послужила методическая база, учебно-методическая документация, обобщение педагогического опыта профессиональной подготовки.

Сегодня система обучения мордовскому (мокшанскому) языку в образовательных организациях Республики Мордовия должна соответствовать всем пунктам требований федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС): обеспечить повышенный уровень знаний в предметной области, повышенный уровень овладения культурой общения, формирование коммуникативной, лингвистической и языковой компетенций. На уроках мордовского (мокшанского) языка особое внимание уделяется понятиям «язык» и «культура», эффективным методам их внедрения в учебный процесс [1; 2; 3; 4; 5].

В учебнике «Мокшанский язык» (7 класс) для русскоязычных школ (В. Ф. Рогожина, В. П. Гришунина) представлены тексты для перевода «Афкуксонь ялга» (Настоящий друг) (стр. 32), «С. Ф. Коротков» (стр. 66), «Н. В. Кошелева» (стр. 73), «И. М. Яушев» (стр. 74), «Г. И. Сураев-Королев» (стр. 74), «Л. П. Кирюков» (стр. 76); сказки «Киля-богатырь» (Киля-богатырь) (стр. 38), «Сельведь-богатырь» (Слезь богатыря) (стр. 43); легенды (стр. 40, 43, 48), пословицы и поговорки, загадки (стр. 52, 58, 59, 60) и так далее.

В учебнике для 5 класса большое внимание авторы уделяют культурным традициям, обычаям, истории своего родного народа. Здесь представлен языковой материал для работы с национальным словом: *сифтемса ведь каннемс* (носить воду решетом), (букв.: делать что-

либо впустую, без результата); *келепнемс курга* (зазеваться), (букв.: разевать рот), *аф лихнем нярь* (не высунуть носу), *кенже пря аф тиёмс* (ничего из себя не представлять), (букв.: кончика ногтя не стоять), лингвокультурологическим анализом текста: «Мокшень свадьбась» (Мордовская свадьба) (стр. 23), «Лемоц тяштѣ историяв» (Его имя в истории) (стр. 26) и так далее.

В национальной школе для формирования языковой личности значительную роль играет родное слово, его значение, многогранность и анализ. Обратим свое внимание на значение слова «река», которое в жизни мордовского (мокшанского, эрзянского) народа занимает огромное место. При рассмотрении данного концепта обучающимся предлагается нетрадиционный урок-путешествие в мир рек Республики Мордовия. При рассмотрении темы «Реки Республики Мордовия» обучающиеся составляют словарь по данной теме: *ведь* (вода), *ляй* (река), *търва* (берег), *ляйтъ тървац* (берег реки), *пойма* (пойма), *лихтибря* (родник), *шудерькс* (ручей), *шаркс* (поворот), *оцю ведь* (большая вода), *кърхка ляй* (глубокая река), *кельме ведь* (холодная вода), *ляй кевня* (галька), *ляй прама васта* (устье реки), *ляй рашка* (развилка реки). Дается задание: выяснить, используются ли эти слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, определить лексическое значение.

Знакомство с отрывками произведений мордовских писателей Т. Кирдяшкина «Кели Мокша» (Широкая Мокша), И. Кишнякова «Иссась шуди Волгав» (Исса течет в Волгу) и народной песней «Шуди Мокшесь» (Течет река Мокша), «Сура лангсо» (На реке Сура) на уроках мордовского (мокшанского) языка можно начать с определения стиля текста, темы, микротемы. Поговорить о чувствах, культуре, традициях и обычаях родного народа. Художественный текст дает возможность развивать навыки устного выступления, выразительной речи, воспитать нравственно-патриотические качества.

*Тя питни казнецень люпитафста
Шуварсот кирдить няк куватьс,
Но састь од унокне и штафтозь
И касфтозь славацень синь лац*

Этот дорогой сердцу подарок
Ты долго хранил в песке,
Но пришли внуки и раскрыли
И слава твоя разнеслась далеко

Формированию лингвокультурологической компетенции учащихся способствует правильно организованная работа над художественным текстом. Рассмотрим технологию работы с текстом в 5 классе по теме «Шачем мастор». Обучающиеся работают со стихотворением мордовского поэта Н. Балашова.

*Мокша-эрзянь шачем крайняй,
Седи вакстонь уженья,
Колгат мороне катк гайняйхть
Эрь илядня, эрь шиня.
Мокша-эрзянь кельгома крайняй,
Кели Мокшеса сиясь,
Тядянь кудсь и панжи лаймось
Веле песа лихтибрясь...*

Мордовский край!
Сердечный уголок,
Про тебя пусть песни звенят
Каждый вечер, каждый день.
Мордовский край!
В Широкой Мокше серебро,
Родной дом и цветущие поля Родник на
краю села...

Учитель предлагает комплексный анализ текста, работу со словарями, сопоставляется семантическое поле слова «шачема крайняй», круг его микрополей: национальность, тропа жизни, счастье, толерантность. Выявляются ключевые слова и словосочетания, предложения в тексте, необходимые для раскрытия темы: *Мордовиясь* (Республика Мордовия), *шачем мастор* (Родина), *тядянь* (материнский), *тядянь кудсь* (родной дом), *Мокшесь* (река Мокша), *перѣфняль* (природа), *мокша-эрзянь крайняй* (мордовский край), *кельгома* (любовь), *лихтибрясь* (родник).

В учебнике широко представлена работа с пословицами и поговорками, даётся краткая информация о происхождении паремий и интересные упражнения:

1. Прочитайте паремии. Выпишите все слова, в которых звуков больше, чем букв.

Кие аф тюри, ся аф сяськи (Кто не борется, тот не победит); *Лама валса кържа видешида* (Много слов – мало правды); *Мазышиц оцю, а енец куцю* (Хороша крошка, да ума ложка); *Упрямишсь ёньфтомашиць эзда лисенди* (Упрямство исходит всегда от глупости).

2. Из данных примеров выпишите паремии с отрицательной характеристикой человека.

Скупойти мезе повсь, ся юмась (Что скупому попало, то пропало); *Кичкордаень сельме видеста аф ванови* (Глаза лжеца прямо не смотрят; *Кяжи ломаньда пинеське пели* (Злого человека и собака не любит); *Эрь народть сонцень коенза* (У каждого народа свои обычаи).

3. Составьте пословицы и поговорки о Родине, о соседях, о дружбе

Применение паремий на уроках способствуют более яркой характеристике национальной особенности мордовского (мокшанского) народа: *Кие яла тюри видешинокса, ся яла афкукс ломань* (Кто берется за правду – настоящий человек); *Честнай ломанць – павазу ломань* (Честный человек – счастливый человек) [1; 2].

В заключении можно отметить, что лингвокультурологический аспект в обучении мордовскому (мокшанскому) языку занимает особое место и требует эффективных методов, а также создание учебников и учебных пособий нового поколения.

Работа выполнена в рамках сетевого гранта вузов-партнеров ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева» по теме «Формирование и развитие языковой компетенции на уроках родного языка через систему работы по развитию речи».

Список литературы

1. Богдашкина С.В., Савостькина М.И. Паремии как одно из средств формирования коммуникативной компетенции студентов в рамках дисциплины «Язык и культура мордовского народа» // Вестник Томского государственного педагогического университета: научный журнал, 2017. 3(180).
2. Богдашкина С.В., Налдеева О.И., Савостькина М.И. Отражение национального менталитета во фразеологической системе мокшанского языка // Казанская наука, № 12. 2020. С. 135-138
3. Налдеева О.И., Водясова Л.П. Формирование ценностного отношения к национальным языкам и литературе в полиэтническом регионе // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 4 (28). С. 67-72.
4. Прокаева Е.П. Формирование мотивационно-ценностного отношения к национальным языкам в этнокультурном образовательном пространстве // Вестник Челябинского государственного педагогического университета, 2016. № 8. С. 88-93.
5. Савостькина М.И., Маскаева С.Н., Швечкова Н.И. Вводные конструкции в произведениях мордовских писателей: структурно-семантический и функциональный аспекты // Казанская наука : научное издание. 2019. № 11. С. 138-141.

10.02.19

¹Н.В. Габдреева д-р филол. наук, ²Т.В. Маршева канд. филол. наук¹Казанский национальный исследовательский технический университет -
КАИ им. А.Н. Туполева,

кафедра иностранных языков, русского и русского как иностранного,

²Казанский (Приволжский) федеральный университет,

Институт международных отношений,

кафедра иностранных языков,

Казань, n.gabdreeva@mail.ru, tatyana0509@mail.ru

СПОСОБЫ ЭЛИМИНАЦИИ ЛАКУН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В работе рассматривается проблема лакунарности, т.е. алломорфизма разноструктурных языков, а также способы элиминации лакун на различных исторических этапах развития лексической системы разных языков и несовпадение признаков номинации.

Ключевые слова: лакуна, элиминация, перевод, алломорфизм, язык.

Со времен дешифровки санскрита, положившего начало сравнительно-историческому методу в языкознании, цели сопоставительных исследований практически не изменились: на материале разноструктурных и родственных языков на конкретных литературных памятниках или лексикографических источниках на различных уровнях определяются общие и специфические свойства сравниваемых языковых систем. Имея в качестве объекта изучения окружающую действительность, ее признаки и характеристики, каждый этнос членит ее по-своему, вычленив в качестве релевантных те или иные свойства, определяемые функциональной значимостью. Обозначенная проблема непосредственно связана с проблемой лакунарности, которая самым непосредственным образом коррелирует еще и с переводоведением, вот почему нам представляется вполне логичным привлечение к анализу переводов.

Языковое своеобразие проявляется в самых разных формах: идентификации предметов и явлений окружающей реальности, способах их номинации, выборе того или иного дифференциального признака как маркера внутренней формы слова, наборе морфологических категорий, их наполнении (субкатегорий) и способов выражения грамматического значения. Одним из проявлений языковой специфики является существование лакун. В последние десятилетия тема лакунарности привлекает внимание зарубежных и отечественных лингвистов в русле межъязыкового анализа лексико-семантических систем разноструктурных и родственных языков.

В компаративистике активно развивается направление, связанное с выявлением конвергентно-дивергентных признаков сравниваемых языковых систем. В процессе взаимодействия генеалогически различных языков, сформировавшихся под влиянием эволюции двух разнородных культурных систем, нередко случаи непонимания, продиктованные мировоззренческой и социальной разницей носителей «лингвокультурных общностей» [6: 133]. Подобные расхождения национального-культурного характера обнаруживаются на различных уровнях лексических систем языков и описываются в зарубежном и отечественном языкознании посредством терминов *gap* 'пробел', лакуна, безэквивалентная лексика, нулевая лексема и пр. Предпочтительным в отечественной лингвистике считается общеродовой термин лакуна (от лат. *lacuna* 'пустота, брешь').

Как мы отмечали ранее, существование лакун, или белых пятен, детерминировано двумя причинами: либо когнитивным состоянием лексической системы конкретного языка, либо сопоставлением двух языков на предмет сходств и различий. Иными словами, лакун в абсолютном понимании, в чистом виде не существует, составить их список без учета первого

или второго фактора не представляется возможным. Рассмотрим подробнее эту обусловленность. Когнитивный подход связан с такими факторами, как глубина познания действительности в рамках одного языка, выделение релевантных признаков, явлений и т.д. Так, с течением времени познание действительности становится глубже и тоньше, и в языке появляются обозначения предметов и явлений, которые ранее не вычленились и не номинировались в общественном сознании. В данном случае лакуны выявляются сопоставлением языковых единиц одного языка на различных временных срезах. Яркими примерами являются словари иностранных слов предшествующих периодов. Так, слова *омлет* и *комета* были заимствованы русским языком в середине XVIII в., глоссовые соответствия в переводах того времени и словарях представляют собой парафразы – *волосатая звезда* и *яшница с молоком*.

Второй подход. Общеизвестным постулатом теории познания является то, что всякий когнитивный опыт может быть выражен в любом языке. “Язык устроен таким образом, что, какую бы мысль говорящий ни желал сообщить, ... язык вполне готов выполнить любую его задачу” [10: 145]. Однако способы выражения этого опыта в разных системах не всегда совпадают, что и предполагает изучение отбора элементов действительности при описании ситуации, то, чем занимается ономастика с ее подходами (Языки как образ мира). Основные теоретики лакунарности и пограничных с ней явлений (В.М. Муравьев, В.Г. Гак) отмечали, что номинации в разных культурах подвергаются далеко не все объекты, поскольку они могут обладать значительным, если не бесконечным, числом признаков и характеристик. Между тем при сопоставлении одних и тех же явлений действительности обнаруживается, что внутренняя форма или определяющие признаки могут не совпадать, другими словами, для номинации не обязательно языки выбирают в качестве референтов одни и те же субстраты объективной реальности. Например, для обозначения женской обуви на плоской подошве в русском языке появляется слово *балетки* (внутренняя форма связана с балетной обувью), в итальянском они называются *ballerine* (то есть внутренняя форма связана с номинацией по лицу). Это и обуславливает специфику, или алломорфизм, сравниваемых языков. В качестве примера Э. Сепир, анализируя лексико-грамматические формы, описывающие процесс падения камня в немецком, французском, китайском английском языках и языке нутка, отмечает сходства и различия в системах: так, в последнем отсутствует глагол, непосредственно соответствующий понятию “падать”, тем не менее носители языка нутка не испытывают никаких затруднений при описании падения камня ... [10: 154–155]. Именно со спецификой каждого конкретного языка сталкивается переводчик, когда ему необходимо перевести с языка А на язык Б формально и функционально неравнозначные понятия.

Чаще всего термин лакуна использовался исследователями применительно к понятийному отсутствию. В качестве примера приведем специфические понятия, отсутствующие в русском языке: португальское слово *fadu* (фаду) передает национальный музыкальный жанр, в котором обязательно присутствует ностальгия, поэзия страдания, тоска (порт. *saudade*). Исполнительница этой музыки *фадишита* может быть переведена на другие языки либо гиперонимом, либо описательным выражением.

С проблемой передачи неизвестной реалии, или понятийной лакуны, переводчики сталкивались с самых ранних времен. Например, мы изучали данную проблему на материале русских переводов английской литературы XVIII – XIX вв., в результате чего пришли к выводу, что существовало несколько способов:

1) перенесение неизвестного иностранного слова в русский перевод, т.е. лексическое заимствование (*бифитекс*, *Сити*, *кэб*, *констэбль*, *коттэдж*, *портер*, *сквайр*, *виски*, *йомен*, *ярд*, *кларет*) (здесь и далее по списку примеры из переводов произведения Д.К. Джерома «Трое в лодке ...» 1901, 1911. Полное описание переводов содержится в диссертации Маршевой Т.В. [7:24-27]);

2) пропуск неизвестной лексемы (*memorial window*);

3) замена на родовое или семантически близкое слово из той же функциональной сферы (*beef-steak pie* – *нашмет*; *lady* – дама, *барышня*; *banjo* – балалайка; *stone* – пуд; *jam* – пастила; *collie* – овчарка);

4) замена на близко звучащее (характерно на ранних этапах перевода);

5) многословный перевод, парафраз (*lunch* – *поздний завтрак*; *Mackintosh* – непромокаемое пальто; *cab* – извозчичья карета).

В качестве пропуска реалии можно привести примеры П.Р. Заборова, который отмечает, что “Все переводчики ... опустили неизвестное им слово “платан”, передав это место по-разному, но во всех случаях неточно [4: 61]. Нами отмечены аналогичные пропуски в переводе “Политического завещания Вольтера”, когда переводчик И. Рахманинов знакомые реалии оставил (*сертук и камзол*), а лакунарные единицы опустил (*redingote de ratin d’ Anglettere*) [1: 182].

Без сомнения, высокочастотными являются субституции, передача неизвестного прототипа семантически близкими эквивалентами русского языка. Были возможны два типа поиска аналогов: с расширением и сужением значения. Так, отмечается семантически неравноценная замена прототипа *ragout* *галлицизмом* *соус*, *еси* – *талером*, *parc* – *зверинцем*.

Разновидностью этого способа элиминации является так называемое склонение на русские нравы, о котором упоминают Ю.Д. Левин (История русской переводной художественной литературы), описали мы на примере французских переводов (История французской лексики в русских разновременных переводах), П.Р. Заборов (Вольтер....) и другие исследователи переводов. Это явление предполагало так называемую русификацию и свидетельствовало о довольно вольном обращении переводчика с оригиналом: например, *ragu* заменяли *щами*, а действие из Парижа переносилось в Москву.

По данным монографии “История лексики русского литературного языка конца XVII-начала XIX вв.”, в этот период русское обществознакомилось с новыми предметами быта, новыми понятиями и реалиями [9: 179]. Так, в русский язык приходят новые названия тканей, карточных игр, построек, одежды и ее частей ... (Бахтина) [9: 179–190]. При этом основным способом заполнения лакунарности является заимствование.

В качестве описательного перевода А.О. Иванов приводит слова, которые отличаются в русском и английском языках в связи с тем, что, “говоря об одном и том же, мы видим его все же не совсем одинаково” [5: 96-97]: *bouncer* – человек или вещь крупных размеров, *glimps* – быстрый взгляд, брошенный мельком, *barber* – пар над водой в морозный день.

Предложенная В.С. Виноградовым классификация способов достижения эквивалентности перевода указывает следующие модели заполнения лакун в языке-рецепторе: корреляция, т.е. заимствование готового формально-семантического комплекса и его регулярное использование в качестве соответствия единице ИЯ; гипо-гиперонимический перевод, заключающийся в подборе единицы с более узкой / широкой семантикой; аналогия или уподобление; перифраз или экспликация (также его называют описательным или дескриптивным переводом); калька. Все они используются на разных этапах развития языков, однако тесным образом связаны с развитием когнитивного потенциала языка, принципов перевода и аттитюдами самого переводчика.

Список литературы

1. *Габдреева Н.В.* История французской лексики в русских разновременных переводах / Н.В. Габдреева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: URSS, 2015. – 304 с.
2. *Джером К. Джером.* Собрание сочинений Джерома К. Джерома. Т. 1. Втроем по Темзе / пер. с англ. Н. Жаринцовой. – СПб., 1901. – 158 с. [Первая премия ж-ла «Стрекоза» на 1901 г.].
3. *Джером К. Джером.* Трое в одной лодке (кроме собаки) / Джером К. Джером. – М.: Польза, 1911. – 202 с.
4. *Заборов П.Р.* Русская литература и Вольтер: XVIII – первая треть XIX века / П.Р. Заборов. – Л.: Наука, 1978. – 245 с.
5. *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика / А.О. Иванов. – СПб.: СПбГУ, 2006. – 192 с.
6. *Марковина И.Ю.* Лакуны как инструмент исследования понимания инокультурного текста: постановка проблемы / И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин // Текст как явление культуры. – Новосибирск, 1989. – С. 71–162.
7. *Маршева Т.В.* Лакунарность в русском языке на фоне английских прототипов (на материале разновременных переводов повести Д.К. Джерома “Three men in a boat (to say nothing of the dog)” XIX – середины XX вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Маршева Татьяна Владимировна. – Казань, 2020. – 178с.
8. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 16 т. / гл. ред. В.И. Чернышев. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.
9. *Черкасова Е.Т.* История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Е.Т. Черкасова, К.П. Смолина, Е.С. Копорская; отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981 – 375 с.
10. Языки как образ мира: антология / М. Мюллер, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, Л. Витгейнштейн [и др.]. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 576 с.

10.02.19

М.Л. Гельфонд, О.Н. Мищук

Тульский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова,
кафедра гуманитарных дисциплин,
mlgelfond@gmail.com, oksana_mishchuk@yahoo.com

«ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В ТЕОРИИ ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ

В работе представлены результаты изучения прагмалингвистической интерпретации феномена общения как синергии смысла и отношения в отечественной и зарубежной теории языка. Авторы демонстрируют междисциплинарный подход к анализируемой пограничной проблеме современного лингвокультурологического дискурса.

Ключевые слова: *теория языка, прагматика, речевой акт, дискурс.*

Мощным импульсом к развитию исследований в области прагматики стал факт изменения общего подхода к языку. Интеллектуальным трендом постклассической эпохи, символом ее принципиального самодисташирования от классических канонов мышления о мире и месте человека в нем становится манифестирование приоритетной роли языка в качестве единственно достойного предмета как подлинной философской рефлексии, так и продуктивной гуманитарной эвристики. Одним из ярких проявлений этой знаковой интенции самосознания современной европейской культуры стал так называемый «прагматический поворот» в сфере лингвистических компетенций.

Драматический накал и идейная глубина этой прагматической тематизации как сугубо гносеологического, так и широкого аксиологического дискурса первой половины прошлого столетия получили свое концептуальное оформление в рамках аналитической философии, а именно, в становлении прагматической теории значения в трудах Л. Витгенштейна. Если в своем знаменитом «Логико-философском трактате» (1921) Витгенштейн склонен был к отождествлению значения слова с тем фактом, который оно обозначает [1], то уже к концу 20-х гг. его когнитивные предпочтения заметно сместились от семантики, строящейся на знаковой для нее парадигме соответствия, к прагматике, ставящей во главу угла смысл практических действий и эксплицирующий значение слова в акте его употребления, т.е. в редукции значения слова к употреблению знака. Данная идея была выдвинута Витгенштейном на страницах его «Философских исследований» (§ 43), где он и дает свое эталонное определение значения: «Значение слова – это его использование в языке» [2].

С витгенштейновским дрейфом в сторону соединения речи и действия («языковых игр»), т.е. инструментально-прагматической трактовки языка, внутренне коррелирует концепция речевых актов Дж. Остина, полагавшего, что по-настоящему значимым аналитическим объектом служат не предложения как универсальные конструкты сами по себе, а поведение человека в конкретных речевых ситуациях, в стихии непредсказуемости речевой практики. Любые утверждения есть не идеальные формы, а своеобразные действия, т.е. речевые акты, ибо слова и предложения необходимы нам исключительно для того, чтобы совершать вполне определенные опредмеченные действия.

Тем самым понимание значения слова как его употребления и концепция речевых актов как реализации ценностно-целевой детерминации в языковой сфере, предложенные в работах «теоретиков коммуникации» Витгенштейна и Остина [3; 159], наметили прагматическую перспективу в развитии философии и теории языка. Идеи этих мыслителей получили свое воплощение не только в традиционном для англосаксонской традиции дискурсе, но и в континентальной мысли. Так тенденция к отождествлению предложений с речевыми актами обнаруживает себя в рассуждениях представителей немецкой

герменевтики (прежде всего, М. Хайдеггера) и французского постструктурализма (Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, Ж. Деррида и др.), общим с витгенштейновской теорией «языковых игр» постулатом которых выступает «тезис о фактичности значения» [4; 40]. Однако наиболее органичным прагматический подход оказался для североамериканской культуры (Ч. Пирс, У. Джеймс и Д. Дьюи). В проблемном поле американского прагматизма практике последовательно придавался статус достаточного критерия истины, смысловой значимости и справедливости [5], продукта временного консенсуса между экспертами в области определенной социальной практики и условия достижения жизненного успеха. Иначе говоря, «прагматический поворот» можно квалифицировать в качестве типологической характеристики не только философии XX века, но и современной теории языка.

Формирование лингвистической прагматики базировалось, главным образом, на философских идеях и первоначально на исследованиях позднего Л. Витгенштейна. Его работы способствовали трансформированию прагматики, как части семиотической науки, в самостоятельную отрасль научного знания и стали отправной точкой в появлении большого количества современных работ в области прагматики. В сферу интересов лингвистической прагматики попадает широкий спектр проблем, который не ограничивается исследованием взаимоотношений между языковым знаком и его интерпретаторами, а затрагивает анализ влияния контекста и экстралингвистических знаний на участников общения, изучение вопросов выбора языковых средств для наиболее успешного воздействия на коммуникантов, а также реализации намерений говорящего в речевом акте. Прагмалингвистические задачи включают в себя описание и объяснение действий говорящего и слушающего, обеспечивающих максимально эффективную и успешную коммуникацию в конкретных условиях речевого общения.

Проблема речевого влияния коммуникативных сторон друг на друга в процессе общения представляет особую сферу интереса для прагмалингвистики. Собеседники, реализуя свои коммуникативные намерения в речевом акте, воздействуют друг на друга, тем самым достигая поставленных целей, которые могут быть прямыми (непосредственными), непрямыми (косвенными) и скрытыми [6; 10].

В том случае, когда отправитель текста осознанно выбирает языковые средства для активного решения своих коммуникативных интенций, то речь идет о прямом, открытом воздействии на получателя сообщения. Если выбор языковых средств осуществляется автоматический и происходит интуитивно на уровне, неосознаваемом ни отправителем, ни получателем информации, то можно говорить о скрытом воздействии на адресата. Таким образом, подобного рода дифференциация речевого поведения, выраженная в прямом или скрытом воздействии на участника коммуникации, обуславливает разделение прагмалингвистики на функциональную и скрытую.

Одним из направлений прагмалингвистики является изучение принципов общения, то есть правил коммуникации. Дж. Гордон и Дж. Лакофф формулируют принципы речевого общения в виде постулатов, называемых коммуникативными постулатами (*conversational postulates*). Среди предложенной учеными классификации постулатов речевого общения, первое место отведено постулату искренности, суть которого состоит в том, что если адресант говорит искренне, то он не сомневается в истинности своего высказывания. Далее следует постулат мотивированности, а именно то, что говорящий должен иметь основание для соблюдения условия искренности.

Таким образом, межличностное общение регулируется с помощью ряда прагматических принципов, нарушение которых делает общение невозможным либо приводит к разногласию и взаимному непониманию. Но в некоторых случаях коммуникативные постулаты нарушаются намеренно, что в свою очередь преследует особые цели воздействия на собеседника по коммуникации, или несет дополнительную нагрузку, которая связана с социальным аспектом, а именно со статусным положением участников речевой коммуникации.

Речевое общение, как и любой другой вид деятельности, состоит из отдельных операций, то есть речевых актов. Теория речевых актов является существенным направлением лингвистической прагматики, требующим, однако, отдельного теоретического анализа за пределами настоящего исследования. Поэтому в данной работе авторы считают целесообразным ограничиться рассмотрением таксономии иллокутивных актов, наиболее существенными лингвистическими параметрами которых являются иллокутивная цель, психологическое состояние, статус говорящего и слушающего, перформативное или неперформативное употребление глагола в данном типе речевого акта. Речевые акты, таким образом, разбиваются на классы, пересекающиеся в работах лингвистов.

Прагматика общения в значительной степени определяется спецификой жанра: существуют жанровые законы, допускающие ту или иную меру вариативности, но выход за рамки таких законов приводит к коммуникативным неудачам. «Некоторые люди, великолепно владеющие языком, чувствуют себя беспомощными в некоторых сферах общения именно потому, что не владеют практически жанровыми формами данных сфер» [7; 273]. Владение речевым жанром есть одна из статусных характеристик личности, поскольку речевой жанр представляет собой (с точки зрения социолингвистики) ситуативный стандарт. Попадая в стандартные условия общения, люди вырабатывают оптимальные для этих условий способы общения. В данном смысле жанр зависит от коммуникантов, вовлеченных в процесс общения. Но вместе с тем участники общения непременно включаются в выработанные обществом правила общения применительно к определенным ситуациям, и в этом случае люди становятся зависимыми от жанра.

Итак, речевые акты как основная форма общения непосредственно связаны со способами воздействия (прежде всего иллокуции). Категории принципов, участников и сфер общения относятся к числу факторов общения, категории речевых актов и речевых жанров – к числу типов общения, категории способов воздействия, значений языковых единиц – к числу средств общения. Следовательно, социальный статус человека является специфической факторной категорией прагмалингвистики, а понятие общения – ее концептуальным ядром.

Список литературы

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Людвиг Витгенштейн; [пер. с нем. Л. Добросельского]. – М.: Издательство АСТ, 2018. – 160 с. – (Эксклюзивная классика).
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. I. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
3. *Логинов Е.В.* Прагматизм, истина и проблема значения // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 151-167.
4. *Борисов Е.В.* Прагматическая теория значения у Витгенштейна и Хайдеггера // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 320 (март). – С. 38-44.
5. *Гельфонд М.Л.* Парадоксы справедливости // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 151-161.
6. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
7. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

10.02.19

А.Н. Гуров

Московский государственный лингвистический университет,
переводческий факультет,
кафедра испанского языка и перевода,
Москва, gurovan@inbox.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИИ “**PARA+ИНФИНИТИВ**” В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется испанская конструкция para+инфинитив, которая используется в ряде стран Латинской Америки в качестве замены придаточного дополнительного предложения со сказуемым в Subjuntivo. Основное внимание уделено семантико-синтаксическим и географическим особенностям использования данной конструкции.

Ключевые слова: *para+инфинитив, каузация, волеизъявление, придаточное дополнительное, проспективность действия, инфинитивная конструкция*

Введение

В ряде стран Латинской Америки (Перу, Уругвай, Венесуэла, Парагвай) в разговорном языке получила довольно широкое распространение конструкция “para+инфинитив”, которая используется с каузативными глаголами и выполняет те же функции, что и “que+Subjuntivo”:

*Su papá le dijo **para regresar temprano**. Su papá le dijo **que regresara temprano**.*

Несмотря на то, что Королевская академия испанского языка не рекомендует использование **para+инфинитив** для замены придаточного дополнительного предложения, ряд ученых делали попытки определить происхождение и функционал данной конструкции. В своих исследованиях Абадия де Куант [1] и Паласиос Алкайне [6] отмечают, что данное явление встречается чаще в тех регионах, где испанский вступает в непосредственный контакт с языком кечуа (северо-восток Аргентины) и языком гуарани (Парагвай), в то время как А. Авейяна, рассматривая значение этой конструкции в предложениях типа *Me dijo para venir*, отмечает, что она придает некую проспективность действию [2, с. 27]:

*Pereira le dijo **para escapar** porque se estaban hundiendo peligrosamente* (Luis Hernáez, *El destino, el barro y la coneja*, 1990, Paraguay).

*El Comisario me llamó y me dijo **para salir** de comisión con él. Me preguntó que si estaba armado, le conteste que sí.* (“Asunto: RP11-P-2007-000114”, Tribunal Penal Cuarto de Control del Edo. Sucre, Venezuela).

Данные нашего корпуса позволяют утверждать, что отличительной особенностью конструкции **para+инфинитив** является тот факт, что она передает последующее действие по отношению к главному предложению, сказуемое которого в большинстве случаев стоит либо в настоящем времени (Presente), либо в простом прошедшем (Indefinido); придаточное предложение, заменяемое конструкцией **para+инфинитив**, выполняет функцию прямого дополнения:

*Bueno, alguien del departamento me llamó, y me dijo **para reunirme** contigo aquí, que trajera los expedientes.*

*Matty me dijo **para venir** esta noche y pensé en hacerlo especial.*

Как видно, из приведенных выше примеров, наиболее распространенным глаголом, вводящим данную конструкцию, является **decir**, однако возможно использовать и другие каузативные глаголы (**pedir, encargar, mandar y rogar**):

*Él me rogó **para regresar** pero luego se fue con esa mujer. Le encargué **para traer** mis documentos. Le pedí **para ser** mi novia. Le mandé **para juntarnos**.*

Семантические особенности предлога “para”

Известно, что значения предлога **para** определяются синтаксическим контекстом, в котором он используется: **назначение** (*Este helicóptero es para usar en cualesquiera condiciones meteorológicas*), **цель** (*Estudia para encontrar un empleo*), **направление движения** (*El avión sale para México*), **время** (*Lo dejamos para mañana*), **готовность** (*Está listo para empezar*). В отличие от других предлогов, способных выражать сходные значения, предлог **para** обладает более конкретным и определенным содержанием: *Va para su casa* (направление, и конечную цель движения) и *Va hacia su casa* (только направление).

С другой стороны, в испанском языке имеются глаголы с фиксированными предложными управлениями (*aspirar a, decidirse a, confiar en, esforzarse por, luchar por, tratar de, negarse a, oponerse a, autorizar a, empeñarse en, conformarse con*), которые могли бы образовывать аналогичные инфинитивные конструкции. Однако, грамматикализации подобных конструкций не произошло: в предложении *Aspiramos a que todos los niños del país tener/tengan un futuro mejor* использование инфинитива не получило распространение и является ошибочным. По мнению Моралеса [5] таким функционалом располагает только предлог **para** в контексте целеполагания.

Взаимодействие с португальским языком и гуарани

Большинство исследователей, рассматривая конструкцию **para+инфинитив** (*Me dijo para regresar temprano*), акцентируют внимание на географической ограниченности ареала ее использования. Де Гранда [4], Абадиа де Куант [1, с. 145] и А. Авейяна [2, с. 60] отмечают, что **para+инфинитив** встречается исключительно в парагвайском варианте испанского языка, а Паласиос Алкайне [6, с. 293] даже называет эту конструкцию «синтаксической копией» единицы языка гуарани, в котором союз **haguã** имеет функционально-семантическое сходство с предлогом **para**:

He'i ndesy voí jaju haguã. = Tu madre dijo **para venir** (que vengamos) temprano.

В свою очередь, авторы Академической грамматики испанского языка [7], изучая причины возникновения и распространения данной конструкции в Латинской Америке, указывают на возможное влияние бразильского варианта португальского языка. Кардозо де Менезес [3], исследуя испанскую конструкцию **para+инфинитив**, отмечает, что португальские глаголы **falar** (говорить) и **dezir** (сказать) с предлогом **para** тоже могут образовывать инфинитивную конструкцию, выражающую прямую каузацию:

Ele falou para você já começar. (Te dijo que empuzasas.)

Ontem quando cheguei em casa, meu pai me disse para dar um abraço bem forte na minha mãe. (Ayer cuando llegué a casa, mi padre me dijo que le diera a mi madre un abrazo muy fuerte.)

Нам представляется, что речь идет, в первую очередь, не об ограниченном ареале использования **para+инфинитив**, а о том, что частотность применения этой конструкции в испаноговорящих странах не одинакова. Более того, в эпоху Золотого века Испании исследуемая синтаксическая единица нередко встречалась и в работах испанских авторов:

Cuando fuera el mejor medio que estos amores me digan para venirme a casar, ¿es bueno que un caballero en Sevilla forastero me venga, hermana, a engañar? (Lope de Vega, *Servir a señor discreto*, 1598).

Y por estar la ciudad de México arruinada de la guerra pasada y ocupada con los españoles, se fueron a Tezcuco, donde uno de los principales indios los acogió, y les dio algunos niños hijos y parientes suyos que le pidieron para enseñarlos (Jerónimo de Mendieta, *Historia eclesiástica indiana*, 1564).

Выводы

1. Можно с уверенностью утверждать, что в исследуемой конструкции **инфинитив** выражает последующее действие по отношению к моменту речи; лишь предлог **para** в данном синтаксическом контексте смог стать связующим элементом для замены придаточного дополнительного предложения со сказуемым в **Subjuntivo**.

2. Согласно данным нашего корпуса, основное распространение **para+инфинитив** получила в Перу, Парагвае, Уругвае и Венесуэле, что возможно объяснить влиянием языка

гуарани и португальского. Однако, встречается использование конструкции и в Мексике, Эквадоре и Аргентине.

3. Конструкция **para+инфинитив** применяется только после каузативных глаголов и в подавляющем большинстве случаев используется с глаголом **decir**. На наш взгляд это объясняется тем, что семантика большинства каузативных глаголов (*ordenar, mandar, pedir, recomendar, aconsejar* и др.) позволяет использовать после них непосредственно инфинитив, заменяя, таким образом, придаточное дополнительное предложение с Subjuntivo: *Ella me ordena (pide, recomienda, aconseja) llegar a tiempo* вместо *Ella me ordena que llegue a tiempo*. Однако, глагол **decir** не всегда выражает волеизъявление говорящего, зачастую лишь информируя реципиента о действиях самого говорящего: *Ella me dice llegar a tiempo, Ella me dijo estar ocupada*. На наш взгляд, именно для передачи каузации после глагола **decir** в ряде стран стали использовать конструкцию **para+инфинитив**. Предлог цели **para** является здесь своеобразным индикатором того, что некоторое действие должен выполнить именно реципиент.

4. Что же вынуждает/мотивирует говорящего использовать эту конструкцию вместо придаточного дополнительного предложения с глаголом в Subjuntivo? Нам представляется, что в разговорном варианте современного испанского языка существует тенденция синтаксического упрощения, связанная с желанием быстрее и проще передать сообщение. Испанский язык обладает значительным инструментарием для подобной экономии речевых средств: инфинитивные, причастные и герундиальные конструкции являются эффективным способом подобного синтаксического упрощения.

Список литературы

1. *Abadía de Quant I.* El español del nordeste, en Fontanella de Weinberg, M. B. (coord.), El español en la Argentina y sus variedades regionales. Bahía Blanca: Asociación Bernardino Rivadavia, 2000, pp. 121-159.
2. *Avellana A.* El español en contacto con el guaraní: valores aspectuales en el dominio nominal y clausal, *Revista Española de Lingüística*, 43(2), 2013, pp. 7-35.
3. *Cardozo de Menezes V.M.* A conceptualização manipulativa da construção [falar para infinitivo], en da Hora, D. et al. (eds.), *Estudos lingüísticos (Teorias e Aplicações)*. São Paulo: Terracota, 2019, pp. 115-126.
4. *Granda G. de.* De nuevo sobre quechua y español en el noroeste argentino. Reexamen de algunos temas, *Lexis*, 22(1), 1998, pp. 1-10.
5. *Morales A.* Algunas consideraciones sobre la alternancia subjuntivo-infinitivo en las construcciones con para, *Nueva Revista de Filología Hispánica*, 37(1), 1989, pp. 27-42.
6. *Palacios Alcaine A.* Paraguay, en Palacios, A. (coord.), *El español en América. Contactos lingüísticos en Hispanoamérica*. Barcelona: Ariel, 2008, pp. 279-300.
7. Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española. *Nueva gramática de la lengua española*. Madrid: Espasa, 2009.

10.02.19

Р.Ф. Мирхаев канд. филол. наук

Академия наук Республики Татарстан,
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова,
Казань, mirhaev77@mail.ru

ЯЗЫК ТАТАРСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПРОЗЫ: ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ АНТРОПОНИМОВ

В статье рассматриваются вопросы изучения социально обусловленных функциональных разновидностей татарского языка, бытовавших в различные исторические периоды его развития, в частности их лексических особенностей. Цель исследования – выявление художественно-стилистического потенциала имен собственных, в частности антропонимов, а также определение степени их социальной маркированности.

Ключевые слова: язык просветительской прозы, функциональные разновидности языка, стилистика художественного текста, социально маркированная лексика, имена собственные, антропонимы.

В языкознании лексика выделяется как основное средство репрезентации стилистически обусловленных образных и модальных коннотаций, которыми семантика лексических единиц осложняется в процессе их употребления в художественном дискурсе. В зависимости от этого границы стилистических ресурсов языка, которым традиционно относят многозначные и синонимичные, а также эмоционально-экспрессивные слова [7, с. 93], могут быть расширены и за счет ономастических единиц, в нашем случае антропонимов.

Особенности употребления имен собственных в произведениях писателей и поэтов в поле зрения ученых находятся уже давно. При этом основное внимание уделяется изучению роли, которые они играют в процессе построения художественного текста, их места в его структуре, а также лингвистических, поэтико-стилистических и социально-исторических условий их включения в его языковую ткань [4, с. 4].

В татарском языкознании начало научным изысканиям в области поэтической ономастики было положено Г. Ф. Саттаровым в его научной статье, посвященной изучению роли и места антропонимов и топонимов в произведениях известного татарского писателя Г. Ибрагимова [10]. В дальнейшем наработки ученого в этой сфере были продолжены и развиты в работах А. Р. Биктимеровой [3], В. М. Гариповой-Хасаншиной [4], Р. Х. Гарраповой [5], Г. Х. Зиннатуллиной [6], в которых исследуется поэтическая ономастика классиков современной татарской литературы.

Имена собственные, в том числе и антропонимы, зарегистрированные в произведениях татарских писателей-просветителей, язык которых рассматривается нами как социально обусловленная функциональная разновидность татарского языка конца XIX – начала XX вв. [8; 9], в плане выполняемых им стилистических функций, отличаются своей многогранностью. Они представляют собой один из основных компонентов, которые определяют характер индивидуальных стилей рассматриваемых нами авторов. Однако при этом поэтическая ономастика татарской просветительской прозы еще не становилась предметом научных изысканий. Именно данными моментами определяется актуальность и новизна настоящего исследования.

Основную часть антропонимикона произведений татарских писателей-просветителей традиционно составляют антропонимические единицы арабско-персидского происхождения. Среди них определенную долю занимают имена известных восточных поэтов, философов и правителей. Авторами они употребляются в публицистических отступлениях, в результате тесного переплетения которых с художественными составляющими создаются

рассматриваемые нами тексты. При этом они помогают достичь определенных стилистических эффектов. Так, например, Р. Фахретдином имена классиков восточной литературы и философской мысли для усиления передаваемой им мысли употребляются в составе сложных градационных оборотов: *Сәгъди, Фирдәүси, Фозули, Камали, Киләми, Касими, Фахири кеби пароходларга исемләрене нәкъш идарлек затлар бездә һәм вардыр. 'Такие личности как Саади, Фирдоуси, Физули, Кямали, Киями, Касими, Фахири, имена которых могли бы украсить пароходы, есть и у нас.'* [11, б. 48].

Далее в произведениях указанного автора при интерпретации исторических предпосылок тех или иных явлений для достижения определенной степени научности в рассуждениях используются имена восточных правителей, путешественников и ученых прошлого: ... *сәяхәтләренең тәфсилене Ибн Фазлан бер рисалә сурәтендә язмышдыр. '... подробности своих путешествий Ибн Фадлан изложил в форме рисаля.'* [11, б. 28]; ... *Багдад хәлифәсе Моктадир тарафындан Болгар дәүләтенә күндәрелмеш улан илче һәйәтенәң ... '... посольской миссии, отправленной халифом Багдада Муктадиром в Булгарское государство, ...'* [11, б. 2].

В аналогичных целях антропонимы включаются писателем и в состав таких сравнений как *хөрмәтле анамыз хәзрәти Хәдичә кеби 'как наша уважаемая матушка святая Хадича'* [11, б. 34], *ибн Фазлан кеби 'как Ибн Фадлан'* [11, б. 3], *Наполеон гаскәрәндән зийадә 'больше чем войско Наполеона'* [11, б. 91] и метафоры *Дарвин мәймүнләре 'обезьяны Дарвина'* [11, б. 120]. В этих случаях семантика имен указанных лиц осложняются художественно-образными и социальными коннотациями.

Другой особенностью индивидуальных стилей татарских писателей-просветителей является включение ими в языковую ткань своих произведений, в частности их публицистических составляющих, имен европейских и российских писателей, поэтов, государственных деятелей, промышленников и банкиров: *Мәсәлә, тариха мәрәҗҗәгать идеб, рус падишаһы Олуг Петро надир милләтпәрвәр адәм идегене күрәмез. Бу падишаһымыз Петроның милләтпәрвәрлеге сайәсендә ... 'Например, обратившись в историю, мы увидим, что русский царь Великий Петр был редкостным патриотом своего народа. В результате национального патриотизма этого нашего царя Петра ...'* [1, б. 30]; *Наполеоны пәришан идеб, Россиядән сәрделәр. 'Разгромив Наполеона, изгнали его из России.'* [1, б. 31]; *Алафузовка мең сигез йөз данә ат диресе вә дүрт йөз сиксән данә сыгыр диресе вирдек. 'Алафузову дали тысяча восемьсот штук лошадиных шкур и четыреста восемьдесят штук коровьих шкур.'* [2, б. 13]; *Иштә бу кеби вакытларда, француз әдибе Габорионың сыңиғы Лекок кеби ... кемсәләренәң кыйммәт вә кадерләре мәгълүм ула. 'Вот в такие моменты осознается ценность и польза таких лиц как сыңиқ Лекок французского писателя Габорио ...'* [2, б. 35]; ... *Сәлимә туташга пароходның исемене вә белдегем кадәр Пушкиннең тәрҗемәи хәлене сүзләдем. 'Я рассказал о названии парохода и все, что знал о Пушкине'* [11, б. 48]; ... *туйларында улган масруфатларына казанлыларның үз байлыклары дәгел, Рочильдләр байлыгы мокавәмәт идә алмаз. '... с их свадебными расходами не смогут сравниться не то что богатства самих казанцев, а даже финансы Ротшильдов.'* [11, б. 61].

Употребление татарскими писателями-просветителями в своих произведениях антропонимических единиц европейского и русского происхождения во многом было обусловлено социальными факторами, оказавшими определенное влияние и на развитие татарского литературного языка в рассматриваемый период. До этого в сфере художественной литературы традиционно преобладали восточные имена. Другим социально маркированным стилистическим приемом является оформление данными авторами фамилий своих персонажей окончаниями русского языка -ов,-ев и -ин: *Гәйсә Зурколаков, Әбүзәр Дәүләтгилдиев, Сибгатулла Жаватов, Габдуллин, Муса Салихов, Нигъмәтулла Салихов, Әхмәди Хәмидев, Жиһангир Агиев, Ибраһим Галиев, Маһруй Агиева.*

Таким образом, подводя итог к нашему исследованию можно сказать следующее:

1) поэтическая ономастика татарской просветительской прозы в плане употребления антропонимических единиц сложилась в результате переплетения двух социально

обусловленных тенденций как следование сложившимся письменным традициям и включение в сферу художественного словоупотребления новых нетрадиционных элементов;

2) в рассмотренных нами текстах как традиционные для старотатарской литературы имена восточного происхождения, так и европейские и русские антропонимы служат для передачи различных художественных и общественно-социальных смыслов, что говорит об их богатых функционально-стилистических возможностях.

Список источников

1. *Акъегет М.* Хисаметдин менла. Милли роман яки хикәя. – Казан: Казан университеты табгыханәсе, 1886. – 70 б.
2. *Бигиев З.* Гәнаһе кәбаир. Роман. – Казан: типогр. Г. М. Вечеслава, 1890. – 72 б.
3. *Биктимерова А.Р.* Лингвистическая и ономастическая поэтика татарских народных песен: дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 2003. – 194 с.
4. *Гарипова-Хасанишина В. М.* Поэтическая ономастика прозы Гумара Баширова: дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 241 с.
5. *Гаррапова Р.Х.* Поэтическая ономастика прозы Мухаммата Магдеева: дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 2000. – 265 с.
6. *Зиннатуллина Г. Х.* Поэтическая ономастика прозы Амирхана Еники: дис. ...канд. филол. наук. – Казань, 2005. – 214 с.
7. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
8. *Мирхаев Р.Ф.* Языковая ситуация в татарском обществе конца XIX – начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. – № 12. – Ч. 3. – С. 141–143.
9. *Мирхаев Р.Ф.* Старотатарский литературный язык и социальная структура татарского общества в конце XIX – начале XX вв. // Гуманитарные науки и образование. – 2017. – № 1 (29). – С. 127–130.
10. *Саттаров Г.Ф.* Г. Ибраһимов әсәрләрендә исем-атамалар // Казан утлары. – 1993. – № 6. – Б. 180–184.
11. *Фәхретдинов Р.* Сәлимә яки гыйффәт. Гафил бән Габдулла әсәре уларак бер хикәятдер. – Казан: типогр. Б. Л. Домбровского, 1899. – 80 б.

*10.02.19***Л.М. Мусина**

Набережночелнинский институт (филиал) федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

**«НОВЫЕ ОПЦИИ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ
В КАЧЕСТВЕ ПОМОЩНИКОВ ПО МЕЖКУЛЬТУРНЫМ КОММУНИКАЦИЯМ
НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»**

В период технических прорывов современные технологии неуклонно помогают нам преодолевать трудности. Ранее компьютерные программы были в основном связаны с техническими сферами, а сейчас, современные аналитические базы данных способны оказать поддержку в психологии, педагогике, филологии. В данной статье мы предлагаем задействовать сервис Google Maps в качестве помощника при осуществлении межкультурных коммуникаций. Китай, на сегодняшний день, является важнейшим экономическим партнёром Российской Федерации, а также популярным туристическим направлением и страной со специфическими культурными обычаями и традициями. Для заключения важных контрактов знания исключительно предмета договора недостаточно. Китайцы, в первую очередь, обращают внимание на человека, как на личность, на его манеры, отношение к окружающим. Неправильный взгляд шаг или поступок могут привести к провалу запланированного сотрудничества или другого типа общения. Туристам также необходимо ознакомиться с основными правилами поведения в Китае, с тем чтобы избежать коммуникативных, финансовых и других проблем и стрессовых ситуаций.

Ключевые слова: *Google карты, кросс-культурная коммуникация, глобализация, приложения, Индустрия 4.0.*

Введение

Сегодня, говоря и межличностных контактах в контексте глобализации, мы в первую очередь подразумеваем межкультурные связи. Межкультурная коммуникация подразумевает взаимодействие между представителями различных культур, в ходе которого очень важно избежать конфликтов, возникающих ввиду незнания культурных ценностей, стереотипов, традиций представителя иной культуры. Межкультурные связи имеют особое значение в ходе деловых встреч, поездок, переговоров, в туризме. Когда представители разных культур вступают в коммуникацию, мы наблюдаем столкновение различных взглядов на мир. Поэтому изучение коммуникативных и культурных особенностей является особенно важным в условиях современного мира. При поездке в различные страны, важно не только знать пункты назначения и кратчайшие маршруты, а также быть готовым к погружению в чужую культуру. [10], [5].

Методы

В эпоху цифровых технологий мы входим в период Индустрии 4.0, где цифровые технологии и искусственный интеллект помогают нам справиться с гигантским потоком информации. Большинство современных приложений сегодня оснащены автоматическими самообучаемыми системами. Данные программы распространяются и внедряются во все сферы жизни человека. Четвертая промышленная революция – одна из самых актуальных тем на сегодняшний день, этот тип производства подразумевает всевозможную роботизацию, анализ и прогнозирование на основании технологии “big data”, хранение данных, дополненную реальность [11].

Говоря о приложениях, помогающих в ходе бизнес и туристических поездок за границу, где необходимо взаимодействовать с иностранной культурой, основными являются Aviasales (подбор билетов), Booking (подбор жилья), uber (сервис по заказу такси), Google maps (подбор лучшего маршрута до пункта назначения), Skype (возможность бесплатно звонить по всему миру), TripAdvisor (приложение для поиска достопримечательностей), Google Translator (переводчик), Первая помощь (пошаговая инструкция в оказании первой помощи) и др.

Китай является одним из самых малознакомых регионов с точки зрения языка и культуры. Это обусловлено историческими и социокультурными особенностями развития региона. Однако, несмотря на отдаленность и своеобразие традиций, Китай выходит на передовую мировой экономики, став одним из наиболее важных партнеров России и достаточно популярным туристическим направлением. [12], [13].

Таблица 1 - Внешняя торговля РФ со странами дальнего зарубежья - экспорт (млн. долларов США)

№	Страна	2015	2016	2017	2018
1	Китай	28 601	28 012	38 919	56 019
2	Нидерланды	40 848	29 215	35 607	43 440
3	Германия	25 351	21 256	25 737	34 184
4	Турция	19 287	13 536	18 698	21 313
5	Республика Корея	13 482	9 998	12 311	17 825

Таблица 2 - Внешняя торговля РФ со странами дальнего зарубежья. Импорт (млн. долларов США)

№	Страна	2015	2016	2017	2018
1	Китай	34 948	38 022	48 056	52 225
2	Германия	20 441	19 455	24 228	25 513
3	США	11 454	10 688	12 584	12 525
4	Италия	8 320	7 840	10 102	10 581
5	Франция	5 919	8 490	9 630	9 558

Таблица 3 - Рейтинг ведущих направлений для граждан России на 2019 год

№	Страна	Количество туристов (тысяч)	Прирост в % на 2019 г.
1	Турция	5 675	15,7
2	Абхазия	3 855	6,5
3	Финляндия	2 695	7,9
4	Казахстан	2 471	7,0
5	Украина	1 857	3,5
6	Китай	1 712	18,0

Китай известен своей самобытной культурой, которую важно знать при посещении этой страны, как в качестве туриста, так и партнера по бизнесу. Доверительные отношения возникают при гуан-си – человеческие отношения, основанные на доверии и взаимопомощи. Это обширное понятие, которое подразумевает, целую систему норм и обязательств перед партнерами по бизнесу, коллегами, окружающими. Любой китаец, прежде чем начинать деловые отношения, будет пытаться оценить партнера с точки зрения его личностных качеств, его отношения к окружающим. [10].

Обсуждения и результаты

Сегодня Google, предлагает пользователю карты для поиска и достижения геолокаций по всему миру. Google использует искусственный интеллект (AI) для работы с большим объёмом данных, используемым приложением Google Maps (карты геолокаций). Искусственный интеллект помогает автоматически добавлять новые здания и маршруты на карту, собирая информацию с тысяч источников, включая мировые геологические службы. Мы предлагаем добавить всплывающие подсказки по межкультурному поведению, в зависимости от того, где находится человек, и какой пункт назначения он выбрал на карте.

Данный сервис предполагается осуществить при помощи новой функции Google Maps Local Context.

Наряду с Google Maps для решения этой проблемы также могут использоваться различные приложения для вызова такси. Клиент при указании адреса направления будет иметь возможность ознакомиться с краткими советами по поведению в данном месте, прочитав всплывающую подсказку. Мы представляем краткий обзор, как может выглядеть данный сервис:

Отель: нет запрета курению; не приняты большие чаевые горничным; четное количество цветов – символ симметрии, гармонии.

Фитнес клуб: обязательно торгуйтесь о цене на абонемент, китайцы обязательно снизят цену, так как в прайсе она заведомо завышена.

Супермаркет: условная цена на товары, просите о скидке.

Аптека: если при выборе лекарств помогает консультант, препарат станет на 20 % дороже; возникают проблемы на китайской таможне при вывозе китайских лекарственных средств.

Парк: можно увидеть спящих китайцев в самых неожиданных местах - известная привычка китайцев “Sleeping Chinese”; нежелательно пристально рассматривать женщин, это приравнивается к административному нарушению.

Станция метро: не принято уступать место женщинам.

Цветочный рынок: белый цвет в Китае - цвет траура.

Ресторан китайской кухни: не оставляйте палочки вертикально в еде — это знак траура; еду брать палочками следует бесшумно; издание звуков во время еды – признак, что еда нравится. [6],[8], [9].

Заключение и рекомендации.

Поскольку современный темп жизни очень высок, мы нуждаемся в мгновенной информации об окружающем нас мире. Новости мы получаем прежде всего с интернет порталов, общение происходит по онлайн чатам и электронным письмам, различного рода приложения помогают нам совершать многообразие действий в кратчайшее время. Поскольку правила межкультурного общения с той или иной нацией актуальны для большого числа туристов и бизнес партнеров, вопрос создания вспомогательных приложений с краткой информацией по правилам поведения в той или иной стране также является актуальным. Согласно проведенному обзору, на сегодняшний день ни одно приложение не имеет подобной опции. Таким образом, мы считаем, что интеграция краткой информации по основным правилам поведения на территории различных пунктов в сервис Google Maps является важным вопросом на сегодняшний день.

Список литературы

1. Дубовицкая М.А. Конфликт как форма межкультурной коммуникации: социолингвистический аспект, Саратов, Вестник СГГЭУ. 2019. №3, стр.200-202.
2. Журавлова Е.А., Шалин В. Толерантность и культура международного общения, Краснодар, Просвещение-Юг, 2009, 305 с.
3. Кузнецов И.Н., Деловой этикет, Москва, Юнити, 2005, 431 с.
4. Маслов А.А. «Наблюдение за китайцами. Скрытые правила поведения», Москва, РИПОЛ классик, 2010, 288с.
5. Платонова И.Н. Международные экономические отношения в глобальной экономике, Москва, Юрайт, 2019, 528с.
6. Сборник авторов. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура, Москва, ежегодник / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока, 2007, 480 с.
7. Симонова Л.М, Стровский Л.Е. «Межкультурные взаимодействия в международном предпринимательстве. Кросс-культурные коммуникации» Москва, ЮНИТич 2003, 189 с.
8. Ульяновко В.В. Китайская цивилизация как она есть. Путеводитель по современному Китаю, Москва, АСТ Восток-Запад, 2005, с.200-280.
9. Флауер К. Китай : путеводитель по обычаям и этикету, (пер. с англ. А. Голосовской), Москва, АСТ : Астрель, 2005, 160 с.
10. Jackson J. «Routledge Handbook», Нью-Йорк, Routledge. стр. 87-95. 2012
11. Tan S.Y., Jumeily D. Al-, Mustafina J., Hussain A., Broderick A., Forsyth H. (2018) Rethinking our education to face the new industry era, Edulearn18 Proceedings, pp. 6562-6571
12. <https://trendeconomy.ru/trade>
13. <http://turstat.com/outboundtravelrussia9month2019>

*10.02.19***Д.А. Прусакова, С.А. Резцова канд. педагог. наук**

Государственный социально-гуманитарный университет,
факультет иностранных языков,
кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации,
Коломна, prusakovadasha@mail.ru, svetareztsova@rambler.ru

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Особенностью туристической Интернет-рекламы является неосязаемый характер предлагаемого продукта, поэтому для нее характерно широкое использование прагматических и стилистических средств. С одной стороны, вся реклама имеет определенную структуру текстов и использует похожие коммуникативные стратегии. С другой, рекламные объявления в разных странах имеют свои характерные черты, поскольку для создания понятного и привлекательного контента учитывается менталитет реципиента.

Ключевые слова: *реклама, Интернет-реклама, особенности туристической рекламы, межкультурная коммуникация.*

Сложно представить современную жизнь без рекламы, которая способствует развитию современной экономики, бизнеса и средств массовой информации.

Реклама регулирует спрос и предложение на рынке (экономическая функция), продвигает товары и услуги (маркетинговая функция), формирует определенные стандарты поведения и стимулирует рост производительности труда (социальная функция), информирует потребителей о появлении новых товаров и услуг через СМИ (коммуникативная функция), демонстрирует потребителям способы сделать жизнь комфортнее (образовательная функция).

В нашем исследовании будет рассмотрена туристическая Интернет-реклама, в частности ее виды, структура и особенности.

Интернет-реклама начала формироваться в середине 1990-х, но только в 2000-х Интернет стал рассматриваться как основная рекламная площадка. Для нее характерны *двухуровневый подход к продвижению рекламы, интерактивность, отсутствие привязки к определенному местоположению, таргетинг, простой контроль эффективности рекламной кампании* [8].

Существует несколько классификаций рекламы. Туристическая Интернет-реклама может быть охарактеризована следующим образом:

- **по степени использования образа рекламируемого объекта** – *прямая*, поскольку направлена на увеличение объема продаж;
- **по цели** – *коммерческая* – направлена на извлечение прибыли;
- **по частоте повторения** – *одноразовая, серийная или постоянная*;
- **по масштабам распространения** – *локальная, региональная, общенациональная и международная* [7];
- **по степени психологического воздействия** – *информативная, увещательная, напоминающая и подкрепляющая* [3];
- **по характеру целевой аудитории** – *потребительская и деловая*;
- **по типу рекламоносителя** – *баннерная реклама (фрейм-реклама, всплывающие (pop-up) и трюк (trick) баннеры), видеореклама, аудиореклама, текстовый блок, промо-сайт, электронные рассылки, интерстильные объявления, расширяющиеся объявления и продакт-плейсмент*;
- **по жанру** – *товарная, имиджевая, тизинговая и нативная*;
- **по методу показа** – *медийная, контекстная, профильная и поведенческая*.

Как и любой другой вид текста, рекламный текст имеет определенную структурную организацию: заголовок, подзаголовок, основной рекламный текст и кода. Некоторые авторы, например, О.А. Феофанов, добавляют пятый элемент – слоган, который служит связующим звеном между отдельными сообщениями. Каждый структурный элемент встроен в модель потребительского поведения AIDA (от англ. Attention, Interest, Desire, Action) и выполняет функции, которые в совокупности передают информацию и влияют на реализацию товаров и услуг [4] [6].

Выделяют несколько моделей рекламного текста. Самой распространенной является «рекламный текст – перевернутая пирамида», где информация располагается от самой важной к менее значительной. Если в рекламном тексте присутствует конфликт, то он является драматизированным или нарративным. В нарративном еще есть экспозиция, где можно узнать о месте и времени действия. Их противоположностью является не драматизированный рекламный текст. Также реклама может быть представлена с помощью аналогий, в форме инструкции и диалога. Интересной моделью является рекламный текст-загадка, для которого характерно начинать рекламу с риторического вопроса или настоящей загадки, на которые впоследствии некий герой дает ответ [2].

Одной из главных характеристик туристической рекламы является неосязаемый характер предлагаемого продукта, поэтому туристические тексты отличаются пестрым составом лексики.

Познакомить с другой культурой помогают реалии, а для географической, политической, исторической характеристики используются термины.

Чтобы повысить прагматический эффект в рекламном тексте используются стилистические приемы. С помощью эпитетов создается экспрессивность: *breathhtaking border crossing, jaw-dropping landscapes, stark beauty*. Метафоры обладают мощным эмоционально-экспрессивным потенциалом создания наглядно-чувственных представлений об окружающей действительности: *gem-coloured lagoons, hidden gems, Patagonia's crown jewels, the city of endless sunshine*. Сравнения помогают передать образ места или услуги через что-то другое: *This lake is as blue as lap is when seen from the boat tours*. Гипербола подчеркивает превосходство: *an idyllic town of Bariloche*. Олицетворения дают возможность перенести характеристики человека на предметы и явления: *watch the sun paint the canyon every color, pulsating life on the streets of Seville*.

Прагматические установки ярко проявляются на синтаксическом уровне. Часто могут использоваться риторические вопросы и восклицания, которые заставляют помечтать о путешествии: *Why not take a walk down Circular Quay and visit the iconic Sydney Opera House?* Также реклама может быть оформлена в виде диалога, благодаря чему создается эффект живого общения: *Are you the urban type? Traveling by train and combining a few Eastern European cities could be your ideal vacation!*

Призыв отправиться в путешествие часто выражается в употреблении глаголов в повелительном наклонении: *Explore the historic Victoria Falls village and its wild, unspoiled surroundings of Zimbabwe, and experience the most classic, awesome views of this world-renowned natural phenomenon, the thundering Victoria Falls*.

Кроме вербальных средств, большую прагматическую нагрузку несут и невербальные средства: фон, изображения, шрифт. Гармоничное использование этих средств оказывает влияние на зрительное восприятие.

Таким образом, туристическая Интернет-реклама использует стратегию уникального торгового предложения; стратегию убеждения; стратегию, ориентированную на ценности; аффективную стратегию.

Однако язык рекламы функционирует только в определенном обществе и является социальным явлением, поэтому он впитывает исторические, социальные и географические особенности. Следовательно, для рекламы разных народов характерно особое построение рекламных текстов.

В рекламных обращениях обществ с высококонтекстуальной культурой преобладают образы, обращение к традициям, показана сложность взаимодействия между людьми.

Например, в испанской рекламе присутствует сильная эмоциональная составляющая, характерна яркая визуализация. Яркость испанской рекламы с ее неоднозначностью и камерностью выражается в использовании нескольких сильных образов, что придает ей волнующую простоту. Например, в ролике *Galicia, tienes que vivirla* реклама путешествия представлена как фильм, режиссерами и актерами которого становятся туристы. В рекламе также отображена важность семьи для испанского общества и показана любовь к вкусной еде.

Японцы являются созерцающим народом, поэтому в рекламе используются красивые пейзажи, места и предметы. Вставки со съемками природы используются, чтобы оттенить впечатление чрезмерной технологичности (*современный поезд на фоне гор*). Некоторые рекламные обращения поражают оригинальностью. Например, префектура Оита продвигает знаменитые онсэны (горячие источники) с помощью необычной рекламы: начинается она спокойно и безмятежно с красивых кадров природы, но внезапно в ролике появляются японские синхронистки, которые выступают в онсэнах среди обычных отдыхающих [1].

В обществах с низкоконтекстуальной культурой рекламное обращение прямое, нет частого использования образов и символов.

Для США характерны прямолинейность, логичность, четкость, акцент на ценностях. В ней выражается характерный для американцев индивидуализм, т.е. желание полагаться только на собственные силы (*'Seasonal escapes: travel your way'*); стремление к новым достижениям и преодоление трудностей (*'Hike up the famous Table Mountain.'*); сотрудничество для достижения целей (*'No matter what you choose to do, Liberty Travel can customize a trip you'll never forget'*) [5].

Для немецкой рекламы характерно широкое использование фактов, цифр, аргументов. Реклама здесь максимально правдива и минимально эмоциональна. Однако сейчас некоторые рекламные агентства создают необычные рекламные обращения. Интересна рекламная кампания **Deutsche Bahn**, в рекламных обращениях которой сначала показываются пейзажи, похожие на известные места в мире (например, горы Патагонии), но потом в кадре появляется что-то неожиданное (корова в Альпах) и сообщается, что это место находится в Германии (Бавария), куда можно добраться, купив билеты у железнодорожного оператора [1].

Таким образом, учитывая особенности реципиента, его менталитет и используя разные виды рекламы, элементы рекламного текста, а также вербальные и невербальные средства, рекламист создает яркую туристическую Интернет-рекламу и воздействует на те желания и потребности, которыми руководствуются потребители при принятии решения о приобретении товара или услуги.

Список литературы

1. Дрю Жан-Мари. Ломая стереотипы. Разрыв: реклама, разрушающая общепринятое / Жан-Мари Дрю; перевод с англ. Д. Раевской. – СПб: Питер, 2002. – 272 с.
2. Кафтанджиев Х. Тексты печатной рекламы / Х. Кафтанджиев. – М.: ОГИ, 2002. — 134 с.
3. Котлер Ф. Основы маркетинга. Крайний курс / Ф. Котлер. – М.: Вильямс, 2019. – 496 с.
4. Огилви Д. О рекламе / Д. Огилви. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 304 с.
5. Трайковская Н.П. Рекламный текст как индикатор культуры и отражение национального характера // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №15. – С. 95-98
6. Феофанов О. Реклама. Новые технологии в России / О. Феофанов. – СПб.: Питер, 2015. – 324 с.
7. Феофанов О. США: реклама и общество / О. Феофанов. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 262 с.
8. Интернет-реклама. Теория и практика рекламной деятельности. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://adindustry.ru/internet-advertising> (дата обращения: 10.04.2021).

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

С.Ю. Баранов

ДРАКА ИВАНА АФРИКАНОВИЧА:
БЫТОВОЙ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*Ключевые слова:* драка, крестьянский тип, кураж, поведенческий стереотип, праздничное гуляние, эпизод-ситуация.

В статье предлагается интерпретация одного из эпизодов повести В.И. Белова «Привычное дело» в связи с традицией массовых деревенских драк в дни праздничных гуляний. Ярко характеризуя персонажа и нравы среды, в которой разворачивается действие произведения, рассматриваемый эпизод в то же время демонстрирует признаки упадка данной традиции.

С.В. Бурдина, Ян Хао

КОНЦЕПТ ЧАЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА КАК
НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ*Ключевые слова:* русская литература XIX века, концепт чая, чайная церемония, нравственно-этическая категория, национальная традиция, образ.

В статье раскрываются особенности концепта чая в художественных произведениях русской литературы XIX века. Образ чая рассматривается как важный показатель духовных, социальных, семейных и культурных ценностей, значимый для характеристики героев произведений. Показывается, что анализ образа чая, чайной церемонии имеет большое значение для понимания художественной концепции произведения, а также для выявления этнокультурных и нравственно-этических традиций народа. Чай, «чаепитие», процесс приготовления и употребления напитка, атрибуты чайной церемонии рассматриваются как уникальные маркеры в определении национальной идентификации русского этноса.

S.Y. Baranov

IVAN AFRIKANOVICH'S FIGHTING:

HOUSEHOLD AND CULTURAL-HISTORICAL ASPECTS

Keywords: fighting, peasant type, swagger, behavioral stereotype, festive festivities, episode-situation.

The article offers an interpretation of one of the episodes of V. I. Belov's novel «Business as usual» in connection with the tradition of mass village fights during festive festivities. Vividly characterizing the character and the mores of the environment in which the action of the work unfolds, the episode under consideration at the same time shows signs of the decline of this tradition.

S.V. Burdina, Yang Hao

CONCEPT "TEA" IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX
CENTURY AS A MORAL-ETHICAL CATEGORY*Keywords:* Russian literature of the XIX century, concept "tea", tea ceremony, moral-ethical category, national tradition, image. The article is devoted to features of the concept "tea" in Russian literature of the XIX century. The image of tea is studied as an important indicator of moral, social, traditional and family values, significant for characteristics of a hero. We demonstrate that the analysis of the image of tea, tea ceremony are a great importance for understanding the conception of a work and also ethno-cultural and moral-ethical traditions of the nation. In the article tea, "tea-party", process of cooking and consuming of the drink, attributes of tea ceremony is studied as unique markers in defining of national identity of the Russian ethnos.

Т.Н. Воронина

РОЛЬ ЧАСТУШЕК В ПОВЕСТИ В.И. БЕЛОВА
«ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО»*Ключевые слова:* В.И. Белов, региональный текст, деревенская проза, частушка.

В статье анализируется роль частушек в повести В.И. Белова «Привычное дело». Дан разбор всех цитируемых в тексте частушек в контексте их жанрового своеобразие и в проекции на сюжет и персонажей. Делается вывод, что писатель задействует все многообразие возможностей жанра: компактность, содержательную емкость и способность к разворачиванию смысла в зависимости от контекста; возможность выразить любую эмоцию; диалогическую природу в сочетании с непрямым говорением, намеком.

T.N. Voronina

THE ROLE OF CHASTUSHKAS IN BELOV'S STORY
"BUSINESS AS USUAL"*Keywords:* V.I. Belov, regional text, village prose, chastushka. The article examines the role of chastushkas in the story "Business as Usual" by Vasily Belov. All the chastushkas which are quoted in the text are analyzed in the context of their genre peculiarities and projection onto the plot and characters. It is concluded that the author uses all the variety of possibilities of the genre: compactness, content capacity, and the ability to develop an idea depending on the context; the ability to express any emotion; dialogical nature combined with indirect speech, a hint.

О.В. Дедюхина, О.И. Иванова

КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И В.Г. КОРОЛЕНКО*Ключевые слова:* Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко, концепция детства, тема страдания, бинарные оппозиции.

В статье предпринимается попытка сравнительно-сопоставительного анализа концепции детства в произведениях Ф.М. Достоевского и В.Г. Короленко. Выявляется, что философия детства у обоих классиков имеет как схожие черты, так и различия. Общим оказывается изображение страданий детей, виной которых оказывается необустроенность и нравственная деградация общества. Кроме того, оба писателя затрагивают проблему воспитания, говорят об ответственности взрослого за судьбу ребенка. У Ф.М. Достоевского философия детства разработана более детально, является частью концепции мира, соотносится с идеями возможности его преображения.

O.V. Dediukhina, O.I. Ivanova

THE CONCEPT OF CHILDHOOD IN WORKS
BY F.M. DOSTOEVSKY AND V.G. KOROLENKO*Keywords:* F.M. Dostoevsky, V.G. Korolenko, childhood concept, suffering theme, binary oppositions.

The article attempts to make a comparative analysis of the concept of childhood in works by F.M. Dostoevsky and V.G. Korolenko. It is revealed that the philosophy of childhood for both classics has both similar features and differences. The common image is the image of the suffering of children, the fault of which is the disorder and moral degradation of society. In addition, both writers touch upon the problem of education, talk about the responsibility of adults for the fate of children. F.M. Dostoevsky's philosophy of childhood was developed in more detail, is part of the concept of the world, correlates with the idea of the possibility of its transfiguration.

Ли Гэнь

КИТАЙСКИЙ ПОДТЕКСТ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА
«СВЯЩЕННАЯ КНИГА ОБОРОТНЯ»

Ключевые слова: китайская культура, лиса, оборотень, анимизм, даосизм, кэцзюй.

Статья посвящена изучению образа лисы в романе В. Пелевина «Священная книга оборотня». В китайской литературе образ лисы обладает безусловным архетипическим содержанием и прочно ассоциируется со способностями перевоплощения (оборотности). В облике женщины лиса фигурирует в целом ряде классических текстов. Для раскрытия китайского подтекста в романе автор обращается к изучению историко-культурного материала, связанного с концептом лисы. Параметры образа (кокетливость, красота, страх даосских ритуалов, упоминание системы «кэцзюй» и проч.) находят отражение в Цинском сборнике Пу Сунлина «Странные истории из Кабинета Неудачника», которому уделяется отдельное внимание. Автор приходит к выводу, что восточные элементы образуют китайскую генеалогию образа героини и отражают пелевинское понимание древневосточной культуры.

Г.Х. Самирханова, Г.Ш. Байгузина
СИМВОЛИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА АНТРОПОНИМОВ
ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
МУСТАЯ КАРИМА

Ключевые слова: антропонимы, Мустай Карим, драматургия, символы.

В работе представлены результаты исследования антропонимической системы драматургических произведений Мустая Карима. Являясь единицами языка и культуры, антропонимы представляют собой богатейший материал для познания не только личности, но и идейно-нравственного, глубокого познания самого произведения. В статье авторы, обращаясь к антропонимам, выявляют разновидности данной системы и выделяют их функционально-семантические особенности. Научная новизна данного исследования определяется рассмотрением символического содержания антропонимов как языковых символов национальной культуры.

Н.С. Гегелова, А.М. Куприянов
ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ

Ключевые слова: телевидение, молодежная аудитория, программа, контент.

Современные российские телеканалы, создающие молодежный контент, нуждаются в кардинальном пересмотре программной политики с позиции расширения спектра познавательных, образовательных программ, обогащающих молодежь новыми знаниями.

Ф.Х. Миннуллина, Г.Н. Зайнеева, Л.Ш. Гарипова
НОВЫЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ
ПРИНЦИПЫ В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ 20-Х ГОДОВ
XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПЬЕС Ш. УСМАНОВА
«КРОВАВЫЕ ДНИ» И Г. ИБРАГИМОВА «НОВЫЕ ЛЮДИ»)

Ключевые слова: драматургия, драма, герой, жанр, пьеса, конфликт.

В статье выявляются историко-культурные и общественные предпосылки, оказавшие существенное влияние на формирование татарской драматургии 20-х годов XX века. Раскрываются нравственные и философские поиски писателей. Особое внимание в статье уделено пьесам Ш. Усманова «Кровавые дни» и Г. Ибрагимова «Новые люди», приведены рецензии на них из периодической печати того времени. Освещаются ранее опубликованные работы на данную тему.

О.А. Астафьева, Т.А. Колоскова,
И.А. Башкирова, С.А. Прямухина
СПОСОБЫ ИНТЕГРАЦИИ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ
В ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ключевые слова: интеграция, арт-технологии, арт-терапия,

Li Gen

CHINESE SUBTEXT IN THE NOVEL "THE SACRED BOOK
OF THE WEREWOLF" BY V. PELEVIN

Keywords: Chinese culture, fox, werewolf, animism, Taoism, Imperial examination.

The article is devoted to studying the image of the fox in the novel "The Sacred Book of the Werewolf" by V. Pelevin. In Chinese literature, the fox has an undoubted archetypal content and is strongly associated with the abilities of transformation (shapeshifting). In the guise of a woman, the fox appears in many classical texts. To explore the Chinese subtext in the novel, the author refers to the historical and cultural materials related to the concept of the fox. The parameters of the image (flirtatiousness, beauty, fear of Taoist rituals, mention of the "keju" system, etc.) are reflected in Qing Dynasty writer Pu Songling's collection "Strange Stories from a Chinese Studio", to which is given special attention. The author concludes that the oriental elements form the Chinese genealogy of the heroine's image and show the Pelevin's understanding of the ancient oriental culture.

G.Kh. Samirkhanova, G.Sh. Bayguzhina
SYMBOLIC INTERPRETATION OF ANTHROPONYMS
DRAMATURGICAL WORKS OF MUSTAY KARIM

Keywords: anthroponyms, Mustay Karim, drama, symbols.

The paper presents the results of the study of the anthroponymic system of the dramaturgical works of Mustay Karim. Being units of language and culture, anthroponyms represent the richest material for the knowledge of not only the individual, but also the ideological and moral, deep knowledge of the work itself. In the article, the authors, referring to anthroponyms, identify the varieties of this system and highlight their functional and semantic features. The scientific novelty of this study is determined by the consideration of the symbolic content of anthroponyms as linguistic symbols of national culture.

N.S. Gegelova, A.M. Kupriyov
PROBLEMS OF YOUTH TELEVISION IN RUSSIA

Keywords: television, youth audience, program, content.

Modern Russian TV channels that create youth content need a radical revision of the program policy from the standpoint of expanding the range of cognitive and educational programs that enrich young people with new knowledge.

F.H. Minnullina, G.N. Zayneeva, L.Sh. Garipova
NEW IDEOLOGICAL AND AESTHETIC
PRINCIPLES IN THE TATAR DRAMA OF THE 20S
OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE PLAYS
OF SH. USMANOVA "BLOODY DAYS"
AND G. IBRAGIMOV "NEW PEOPLE")

Keywords: drama, hero, genre, play, conflict.

The article reveals the historical, cultural and social prerequisites that had a significant impact on the formation of the Tatar drama of the 20s of the XX century. The moral and philosophical searches of writers are revealed. Special attention is paid to the plays of Sh. Usmanov's "Bloody Days" and G. Ibragimov's "New People", reviews of them from the periodical press of that time are given. Previously published works on this topic are highlighted.

O.A. Astafieva, T.A. Koloskova,
I.A. Bashkirova, S.A. Pryamukhina
WAYS TO INTEGRATE ART TECHNOLOGIES
IN THE PEDAGOGICAL PROCESS

Keywords: integration, art technologies, art therapy, training,

обучение, уроки русского языка, уроки литературы, артпедагогика.

Данная статья посвящена исследованию проблемы использования инновационных образовательных арт – технологий в педагогическом процессе. В работе рассматриваются понятия «арт – технология», «арт-терапия», «арт-педагогика», характеризуются способы интеграции арт – технологий в обучение и воспитание на уроках литературы и русского языка. Авторами делается вывод о том, что образовательные арт-технологии обладают огромными возможностями в педагогическом процессе и обеспечивают условия для творческого, коммуникативного и личностного развития обучающихся.

Л.Р. Бакирова

ПОСТАНОВКА И КОРРЕКЦИЯ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ [O] И [Y] НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Ключевые слова: русский язык как иностранный, гласные звуки, постановка произношения, артикуляционная характеристика, тренировочные упражнения, языковой материал.

Статья посвящена проблеме совершенствования русского произношения инофонами. В ней представлены артикуляционная характеристика и приемы отработки гласных звуков [o] и [y] на занятиях по русскому языку как иностранному. Приведены тренировочные упражнения и задания, а также стихотворения, скороговорки, пословицы, поговорки, идиоматические выражения, работа над которыми способствует коррекции и закреплению произношения звуков.

Л.В. Бронник

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «КОВИД-19» В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: концепт «ковид-19», русскоязычный дискурс, функционирование концепта «ковид-19», аттракторная модель.

Данная работа посвящена анализу особенностей функционирования концепта «ковид-19» в русскоязычном дискурсе на основе когнитивно-синергетической методологии. Установлено, что варьирование динамики в русскоязычном дискурсе обусловлено необходимостью адаптации к новым быстро меняющимся условиям коммуникации. Выявлены три типа целей – аттракторов, которые определяют три режима функционирования концепта «ковид-19» в дискурсе.

В.А. Гапутина, Е.А. Будник

ПРИЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВНИМАНИЯ В ЗАГОЛОВКАХ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ

Ключевые слова: массмедиа, гляцевые журналы, заголовок, приемы привлечения внимания.

Настоящая статья посвящена рассмотрению приемов привлечения внимания читателя на примере заголовков русскоязычных гляцевых журналов «Cosmopolitan», «Glamour», «Marie Claire» и «Tatler». Выявлено, что самыми продуктивными приемами, работающими на повышение привлекательности журнальных заголовков, являются прецедентные тексты, иноязычная лексика, языковая игра, использование цифр и компьютерных символов.

О.А. Глушенко

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПРОПАГАНДИСТСКОМ ДИСКУРСЕ ВАКЦИНАЦИИ

Ключевые слова: лингвистическое портретирование, эмоции, концепт, дискурс, пропаганда.

Рассматривается совокупность разноуровневых лингвистических средств для описания эмоций и чувств отправителя и получателя сообщения в пропагандистском дискурсе вакцинации в социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/stopcoronavirusrf>).

Russian language lessons, literature lessons, art pedagogy.

This article is devoted to the study of the problem of using innovative educational art - technologies in the pedagogical process. The work examines the concepts of "art - technology", "art therapy", "art pedagogy", characterizes the ways of integrating art - technologies into teaching and upbringing in literature and Russian language lessons. The authors conclude that educational art technologies have enormous potential in the pedagogical process and provide conditions for the creative, communicative and personal development of students.

L.R. Bakirova

INSTALLATION AND CORRECTION OF VOICE SOUNDS [O] AND [U] IN THE CLASSES IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Keywords: Russian as a foreign language, vowel sounds, pronunciation formulation, articulation characteristics, training exercises, language material.

The article is devoted to the problem of improving the Russian pronunciation by foreign speakers. It presents the articulation characteristics and techniques for practicing the vowel sounds [o] and [u] in classes on Russian as a foreign language. Training exercises and tasks are given, as well as poems, tongue twisters, proverbs, sayings, idiomatic expressions, work on which contributes to the correction and consolidation of the pronunciation of sounds.

L.V. Bronnik

PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE CONCEPT "COVID-19" IN THE RUSSION DISCOURSE

Keywords: concept "COVID-19", Russian discourse, functioning of the concept "COVID-19", attractor model.

The paper analyzes peculiarities of functioning of the concept "COVID-19" in the Russian discourse on the basis of cognitive-synergetic theory. It is argued that dynamics of the concept "COVID-19" is varied to adapt to novel and rapidly changing communicative contexts. There have been revealed three types of goals – attractors which determine three types of dynamics of the concept "COVID-19" in the discourse.

V.A. Gaputina, E.A. Budnik

HOW TO ATTRACT ATTENTION IN THE HEADLINES OF GLOSSY MAGAZINES

Keywords: mass media, glossy magazines, headline, methods of attracting attention

This article is devoted to the consideration of the methods of attracting the reader's attention using the example of the headlines of the Russian-language glossy magazines "Cosmopolitan", "Glamour", "Marie Claire" and "Tatler". It was revealed that the most productive techniques for increasing the attractiveness of magazine headlines are precedent texts, foreign language vocabulary, language games, the use of numbers and computer symbols.

O.A. Glushchenko

MEANS OF VERBALIZATION OF THE EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL STATE OF A PERSON IN THE PROPAGANDA DISCOURSE OF VACCINATION

Keywords: linguistic portraiture, emotions, concept, discourse, propaganda.

The article considers a set of multi-level linguistic tools for describing the emotions and feelings of the sender and recipient of a message in the propaganda discourse of vaccination in a social network VKontakte (<https://vk.com/stopcoronavirusrf>).

К.А. Окишева, А.В. Потанина
ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ФЕМИНАТИВЫ

Ключевые слова: феминатив, русский язык, словообразовательная модель, гендер, гендерная асимметрия, экстралингвистический фактор.

Несмотря на значительные достижения лингвистики в вопросах словообразования, образование феминативов требует дальнейшего исследования, в частности в русском языке. Целью исследования является изучение словообразовательных особенностей феминативов, возможностей преодоления гендерной асимметрии в русском языке.

М.В. Аксенова, А.А. Оладышкина
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ВОСТОЧНОЙ
ГЕРМАНИИ В РОМАНЕ ДЖ. ФРАНЗЕНА «БЕЗГРЕШНОСТЬ»
Ключевые слова: Франзен, образ Германии, языковые средства, имагология.

Статья представляет собой имагологическое исследование романа Дж. Франзена. В частности, рассматривается образ Германии, созданный автором. Определены языковые средства разного уровня: фонетические, лексические, графические. Также отмечены мотивы и образы, используемые автором для построения художественного образа Германии: тоталитаризм, стремление к идеалу.

Д.Ш. Асулова, Н.А. Гаджиева, Я.Р. Ярова
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА
«ПРЕКРАСНОЕ» (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Т. УАЙЛДЕРА
«МОСТ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА СВЯТОГО»)

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, языковые средства, прекрасное.

Цель данной работы заключается в экспликации концептуальных метафор как способа объективации концепта «прекрасное» в романе Т. Уайлдера «Мост короля Людовика Святого». В ходе исследования авторы использовали метод лингвистического описания, метод системного лингвотекстового анализа и метод контекстологического анализа. Авторы заключают, что концепт «прекрасное» в романе не представлен широким диапазоном метафор, однако языковые средства вербализации данных метафор характеризуются высокой номинативной плотностью.

Е.В. Бутенко, Г.А. Циммерман
ФРАКТАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПОСЛОВИЧНЫХ
ТРАНСФОРМОВ В КИНОДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Ключевые слова: киноперевод, фрактал, пословичная трансформация, цитация.

В работе представлены результаты лингвостилистического исследования, подтверждающие фрактальный характер применяемых в художественном языке авторских трансформов, являющихся окказиональным компонентом рекурсивной пословичной формации. Видение рекуррентности и самоподобия ее составляющих определяет и существенно ограничивает отбор языковых средств в киноперевод. Этот вывод сочетает как практическую значимость, так и научную новизну исследования. Эквивалентно представленный в языке принимающей культуры, идентифицируемый зрителем как «отпословичный», трансформ выполняет функцию стилистической цитации, сохраняя паремнологическое обогащение кинотекста.

Г.К. Гизатова, А.В. Зорина
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «УСПЕХ» В АМЕРИКАНСКОЙ И
РУССКОЙ КАРТИНАХ МИРА

Ключевые слова: семантическое поле, языковая картина мира, успех, фразеологическая единица.

В работе представлены результаты сопоставительного анализа фразеологических единиц семантического поля «Успех» в американском варианте английского языка и русском языке. Фразеологические единицы двух отдаленно родственных языков

К.А. Okisheva, A.V. Potanina
GENDER ASYMMETRY IN THE RUSSIAN LANGUAGE:
FEMINATIVES

Keywords: feminine, the Russian language, word-formation model, gender, gender asymmetry, extralinguistic factor.

Despite the significant achievements of linguistics in the field of word formation, the formation of feminatives requires further research particular in the Russian language. The aim of the study is to analyse the word-formation features of feminatives, the possibilities of overcoming gender asymmetry in the Russian language.

M.V. Aksenova, A.A. Oladyshkina
LINGUISTIC MEANS OF CREATING THE IMAGE
OF EASTERN GERMANY IN JONATHAN FRANZEN'S
NOVEL "PURITY"

Keywords: Franzen, image of Germany, linguistic means, imagology.

The article represents an imagological study of J. Franzen's novel. In particular, it considers the image of Germany that is created by the author. The research defines linguistic means of different levels: phonetic, lexical, and graphical. It mentions motives and images that the author used in order to construct a picture of Germany: totalitarianism, craving for perfection.

D.S. Asulova, N.A. Gadzhieva, Y.R. Yarova
LINGUISTIC UNITS REPRESENTING
THE CONCEPT «BEAUTY» (BASED ON T. WILDER'S
NOVEL «THE BRIDGE OF SAN LUIS REY»)

Keywords: linguoculture, concept, language units, beauty.

The purpose of this paper is to reveal conceptual metaphors as a means to represent the concept "beauty" in Thornton Wilder's novel "The Bridge of San Luis Rey". Following methods have been employed: linguistic description method, systemic linguo-textual analysis method and contextual analysis method. The authors conclude that the concept "beauty" does not possess a broad range of metaphoric representations; however, the metaphors show high nominative density.

E.V. Butenko, G. A. Tsimmerman
FRACTAL NATURE OF PROVERBIAL TRANSFORMS IN
FILM DISCOURSE (BASED ON THE EXAMPLES IN
RUSSIAN AND ENGLISH)

Keywords: film translation, fractal, proverbial transformation, citation.

The paper presents the results of the linguistic-stylistic research confirming the fractal nature of authors' transforms used in the artistic language. Each examined transform is an occasional component of a recursive proverbial formation. The vision of recurrence and self-similarity of its components determines and significantly limits the selection of language means in film translation. This conclusion combines both the practical significance and the scientific novelty of the study. Equivalently represented in the language of a host culture, identified by the viewer as proverb-based transforms, they perform the function of stylistic citation, preserving the paremiological enrichment of the cinematic text.

G.K. Gizatova, A.V. Zorina
RESEARCH SOLUTIONS SELF-DIFFUSION OF
ELECTROLYTES IN NONAQUEOUS NANOCARBON
DISPERSION MATRICES

Keywords: semantic field, linguistic worldview, success, phraseological unit.

This paper presents the results of the study of phraseological units of the semantic field 'Success' in the American version of the English language and Russian. The studied phraseological

в количестве 226 единиц (96 американских и 130 русских фразеологизмов) были распределены по четырем таксонам. На основе анализа полученных данных были сделаны выводы о языковой картине мира американской и русской культур.

И.А. Дронова, Б.Б. Базарова
СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И ЕЕ ЯЗЫКОВАЯ
ЭКСПЛИКАЦИЯ В ПРОТОТИПИЧЕСКИХ
СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: семантическая роль, валентность глагола, прототипическая семантическая модель предложения.

В статье рассматривается понятие семантической роли и дается их классификация. Авторами приводятся примеры, иллюстрирующие способы языковой реализации данных семантических ролей в современном английском языке. В исследовании приводятся 11 прототипических семантических моделей предложений, детерминированных семантикой и валентностью предиката.

Л.М. Зиннатуллина, Л.Ю. Хафизова, Е.Е. Царева
КОМБИНИРОВАННОЕ ВАРИИРОВАНИЕ
АДВЕРБИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В
АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: комбинированные варианты, лексическое варьирование, фразеологические единицы, структурно-грамматический, адвербиальные фразеологические единицы, сравнительный анализ.

Статья посвящена решению вопроса комбинированного варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. В работе предпринята попытка решения проблемы определения критериев выделения комбинированных фразеологических вариантов, что в свою очередь поможет внести значительный вклад в дело создания двуязычных и многоязычных словарей. Актуальность работы заключается в недостаточном научном освещении определения комбинированного варьирования адвербиальных фразеологических единиц в английском и русском языках. Проведен обзор литературы вопроса, а также представлены выводы по научным исследованиям отечественных и зарубежных ученых в поисках ключа определения типов межъязыковых отношений.

И.Н. Кабанова
БРЕКСИТ КАК СФЕРА-МАГНИТ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ
ЭКСПАНСИИ В БРИТАНСКОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ
Ключевые слова: концептуальная метафора, метафорическая модель, медийный дискурс.

В статье рассматривается политический нарратив Брексит и способы его метафорической репрезентации, представленные в британском медийном дискурсе; выделяются продуктивные и частотные метафорические модели, их базовые компоненты. Особое внимание уделяется оценочному прагматическому потенциалу анализируемых метафорических употреблений.

А.А. Казаков, Е.Г. Ножевникова, А.Б. Языкова
ФЕЛИДНЫЙ УГОЛ ЗРЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ АНИМАЛИСТИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Ключевые слова: анималистическая нарратология, повествовательная перспектива, тезаурус произведений, фелидный нарратор, языковая игра.

Повествовательная перспектива – одна из категорий анализа художественного текста, позволяющая точнее раскрыть мировосприятие рассказчика / автора произведения, детально, однако достаточно однопланово рассматриваемая в гуманитарных исследованиях – с позиции человека-нарратора. В современной англоязычной литературе подобная позиция уже давно не является универсальной, и в последнее время все большее распространение приобретают произведения, характеризующиеся нечеловеческой природой рассказчика. В

units of the two unrelated languages in the amount of 226 units (96 American and 130 Russian phraseological units) were distributed over four taxons. Based on the analysis of the data obtained, conclusions were drawn about the linguistic worldview of American and Russian cultures.

I.A. Dronova, B.B. Bazarova
SEMANTIC ROLE AND ITS LINGUISTIC EXPLICATION IN
PROTOTYPICAL SEMANTIC SENTENCE MODELS IN
MODERN ENGLISH

Keywords: semantic role, verb valency, prototypical semantic model of a sentence.

The article discusses the concept of a semantic role and gives their classification. The authors provide examples illustrating the ways of their linguistic implementation in modern English. The study provides 11 prototypical semantic models of sentences, determined by the semantics and valency of the predicate.

L.M. Zinnatullina, L.Y. Khafizova, E.E. Tsareva
THE PROBLEM OF INTERLINGUAL CORRESPONDENCE
OF ADVERBIAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN ENGLISH
AND RUSSIAN

Keywords: combined variants, lexical variation, phraseological units, structural and grammatical, adverbial phraseological units, comparative analysis.

The article is devoted the problem of combined variation of adverbial phraseological units in English and Russian languages. In the paper there have been made the attempt to solve the problem of determining the criteria for the selection of combined phraseological variants, which in turn will help to make a significant contribution to the creation of bilingual and multilingual dictionaries. The relevance of the work lies in the insufficient scientific coverage of the definition of the combined variation of adverbial phraseological units in English and Russian. A review of the literature on the issue have been carried out, as well as conclusions on scientific research of Russian and foreign scientists in search of a key for determining the types of interlanguage relations have been presented in the paper.

I.N. Kabanova
BREXIT AS A TARGET DOMAIN OF METAPHORIC
EXPANSION IN BRITISH MASS MEDIA DISCOURSE
Keywords: conceptual metaphor, metaphoric model, mass media discourse.

The article examines political narrative Brexit and its metaphoric representations in British mass media discourse; it singles out productive and frequent conceptual metaphoric models as well as their key components. Particular attention is given to the evaluative manipulative potential of political metaphors.

A.A. Kazakov, E.G. Nozhevnikova, A.B. Yazykova
FELINE PERSPECTIVE: LINGUISTIC PECULIARITIES OF
ANIMAL NARRATOR VIEWPOINT IN LITERATURE

Keywords: animal narratology, narrative perspective, novel thesaurus, feline narrator, puns and word-play.

Narrative perspective is acknowledged as one of the categories of text analysis allowing deeper insight into the worldview of its narrator / author. It is investigated widely, though rather one-dimensionally, in Arts and Humanities research – focusing on the human narrator. Such narrator has long ceased to be the all-purpose one in contemporary English fiction. More and more books are now featuring the non-human protagonist and narrator. This paper presents the findings of a linguistics focused research of the peculiarities of animal narration (fiction with feline narrator): specific novel thesaurus, lexical modifications

настоящей статье представлены результаты изучения языковых особенностей повествования от лица анималистического (фелидного) нарратора; раскрывается специфика соответствующего тезауруса произведения, модификации лексических единиц и некоторые особенности пересмотра «человеческих» понятий и концептов в неантропоморфном видении мира.

В.Ю. Кузнецова

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПЕРЕВОДСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: перевод, фоновые знания, лингвострановедческий аспект, социокультурная компетенция
Данная статья посвящена анализу роли социокультурной компетенции в процессе перевода. На основе анализа выбранного материала автор приходит к заключению, что незнание или непонимание лексических единиц с выраженной социокультурной окраской может привести к неточностям в переводе.
Все проблемные моменты сопровождаются комментариями. Представленные наблюдения будут полезны начинающим переводчикам и студентам переводческих факультетов.

О.А. Первезенцева, Е.Л. Фрейдина ВЛИЯНИЕ КОНТЕКСТНЫХ ФАКТОРОВ НА ПРОСОДИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ФОРМАТЕ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦИИ

Ключевые слова: просодия, академический дискурс, экстралингвистическая ситуация, формат видеоконференции.
В статье рассматриваются некоторые особенности просодического оформления англоязычного академического дискурса в условиях дистанционного обучения. Авторы анализируют влияние специфического экстралингвистического контекста на выбор просодических средств участниками речевого взаимодействия в формате видеоконференции. Представленные данные являются результатом наблюдений авторов, полученных в ходе изучения фрагментов англоязычного академического дискурса в формате онлайн, реализованного преподавателями Института иностранных языков МПГУ, а также вебинаров, проведенных носителями английского языка.

А.С. Рыбакова, Т.С. Нестерова ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГАСТРОНОМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Ключевые слова: фразеологизмы, фразеология, идиомы, структурные особенности фразеологизмов, лексика с гастрономическим компонентом.

Эпоха всеобщей глобализации затрагивает язык, который отражает изменения в жизни современного общества. В данной статье предпринята попытка рассмотреть структурные особенности передачи фразеологизмов на примере лексических единиц с гастрономическим компонентом.

Е.Б. Рябых, В.В. Шишкина ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПОИСКА И РАСПОЗНАВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ МЕТАФОРЫ В РАМКАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Ключевые слова: индивидуально-авторская метафора, дискурс, метафорическое моделирование мира, автоматический поиск.

В статье рассматриваются проблемы автоматического поиска и распознавания индивидуально-авторской метафоры в рамках художественного, публицистического и научного дискурса. Анализируются результаты автоматического поиска индивидуально-авторских метафор без учета ограничений к количественным и качественным показателям в выборке. Отмечаются особенности осуществления выборки, которая

(puns in particular) and some cognitive aspects of human concepts being reenvisioned through the non-human view of the world.

V.Y. Kuznetsova

SOCIOCULTURAL COMPETENCE AS AN IMPORTANT FACTOR OF TRANSLATION

Keywords: translation, background knowledge, linguistic and cultural aspect, socio-cultural competence.

This article is devoted to the analysis of the role of sociocultural competence in the translation process. On the basis of the selected material, the author comes to the conclusion that ignorance or misunderstanding of vocabulary with socio-cultural connotation can lead to inaccuracies in translation. All problematic points are accompanied by comments. The presented observations will be useful for novice translators and students of translation departments.

О.А. Pervezentseva, E.L. Freydina CONTEXT FACTORS IMPACT ON THE PROSODIC REALISATION OF ENGLISH ACADEMIC DISCOURSE IN VIDEOCONFERENCE FORMAT

Keywords: prosody, academic discourse, extralinguistic situation, videoconferencing.

The article deals with the problem of prosodic realisation of academic discourse in on-line teaching environment. The authors analyse the influence of specific extralinguistic context on the choice of the prosodic means made by the participants of educational videoconferences. The observations presented in the article are based on the analysis of academic instruction via Zoom and MS Teams in the Institute of Foreign Languages of MPSU.

A.S. Rybakova, T.S. Nesterova FEATURES OF THE TRANSFER OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A GASTRONOMIC COMPONENT INTO RUSSIAN

Keywords: phraseological units, phraseology, idioms, structural features of phraseological units, vocabulary with a gastronomic component.

The era of globalization affects the language, which reflects the changes in the life of modern society. This article attempts to consider the structural features of the transmission of phraseological units on the example of lexical units with a gastronomic component.

E.B. Ryabykh, V.V. Shishikina PROBLEMS OF AUTOMATIC SEARCH AND RECOGNITION OF AN INDIVIDUAL AUTHOR'S METAPHOR WITHIN THE FRAMEWORK OF ARTISTIC, JOURNALISTIC AND SCIENTIFIC DISCOURSE

Keywords: individual author's metaphor, discourse, metaphorical modeling of the world, automatic search.

The article deals with the problems of automatic search and recognition of an individual author's metaphor within the framework of artistic, journalistic and scientific discourse. The results of an automatic search for individual author's metaphors are analyzed without taking into account restrictions on quantitative and qualitative indicators in the sample. The features of the sampling, which took place in three stages, are noted: 1) primary sample based on the target area of metaphorical

проходила в три этапа: 1) первичная выборка с опорой на область-мишень метафорического моделирования; 2) вторичная выборка с опорой на конкретную область-источник метафорического моделирования, соотносимую с областью-мишенью; 3) ручная сортировка выявленных примеров и соотнесение их с определенным типом дискурса (художественный / публицистический / научный), с целью установления особенностей процесса индивидуально-авторской метафорической интерпретации мира в зависимости от ограничительных рамок типа дискурса. На примере немецкого языка определяются области-мишени, которые чаще подвергаются метафорической интерпретации. Для области-мишени *Worte* (pl.) выделяются области-источники, наиболее часто привлекаемые в рамках художественного, публицистического и научного дискурса. Отмечается, что в рамках художественного дискурса палитра вариантов метафорической интерпретации мира может в большей мере усложняться за счет расширения и детализации метафорически создаваемых образов.

Ю.А. Хуснуллина

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФИРМЕННЫХ НЕОЛОГИЗМОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: неологизм, идиоматичность, метафоризация, метафорическая мотивированность, компьютерные технологии.

В статье затрагивается проблема определения функционального потенциала новых лексических единиц современного английского языка. Целью исследования является выявление функционально-прагматических особенности фирменных неологизмов компьютерных технологий. В результате доказано, что фирменные неологизмы отличаются метафорической мотивированностью и имеют идиоматическую направленность.

Е.В. Белова, Э.И. Котелевская

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА (НА ПРИМЕРЕ ЛЮБОВНОГО ДИСКУРСА)

Ключевые слова: языковая личность, дискурс, любовный дискурс, текст.

В статье рассматривается феномен языковой личности. Раскрывается понятие языковой личности автора в любовном дискурсе. Опираясь на представленные определения, производится анализ языковой личности автора. Выделяются индивидуальные и характерные черты.

С.В. Богдашкина, О.И. Налдеева, М.И. Савостькина

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ МОРДОВСКОГО (МОКШАНСКОГО) ЯЗЫКА В ОСНОВНОЙ ШКОЛЕ

Ключевые слова: лингвокультурологический аспект, речевой этикет, межкультурная коммуникация, языковая личность, обучение, диалог культур, мордовский (мокшанский) язык, лексика с национально-культурным компонентом значения.

В работе рассмотрены вопросы поликультурного образования в Республике Мордовия. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту изучения языка в основной школе. Рассмотрены вопросы и проблемы обучения, приемы и пути их решения, разработаны новые подходы.

Н.В. Габдреева, Т.В. Маршева

СПОСОБЫ ЭЛИМИНАЦИИ ЛАКУН В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Ключевые слова: лакуна, элиминация, перевод, алломорфизм, язык.

В работе рассматривается проблема лакунарности, т.е. алломорфизма разнотипных языков, а также способы элиминации лакун на различных исторических этапах развития лексической системы разных языков и несовпадение признаков номинации.

modeling; 2) secondary sampling based on a specific area-the source of metaphorical modeling, correlated with the target area; 3) manual sorting of the identified examples and correlating them with a certain type of discourse (artistic / journalistic / scientific), in order to establish the features of the process of individual author's metaphorical interpretation of the world, depending on the restrictive framework of the type of discourse. Using the example of the German language, the target areas are determined, which are more often subjected to metaphorical interpretation. For the target area of *Worte* (pl.), the source areas that are most often involved in the framework of artistic, journalistic and scientific discourse are highlighted. It is noted that within the framework of artistic discourse, the palette of options for metaphorical interpretation of the world can become more complicated due to the expansion and detailing of metaphorically created images.

Y.A. Husnullina

FUNCTIONAL AND PRAGMATIC FEATURES OF BRAND- NAME NEOLOGISMS OF COMPUTER TECHNOLOGIES

Keywords: neologism, idiomatichity, metaphORIZATION, metaphorical motivation, computer technologies.

The article deals with the problem of functional potential of new English lexical units. The study aims to identify functional and pragmatic features of brand-name neologisms of computer technologies. As a result, it is proved that idiomatic brand-name neologisms have metaphorical motivation.

E.V. Belova, E.I. Kotelevskaya

THE LINGUISTIC PERSONALITY OF THE AUTHOR (ON THE EXAMPLE OF LOVE DISCOURSE)

Keywords: linguistic personality, discourse, love discourse, text. The article deals with the phenomenon of linguistic personality. The concept of the linguistic personality of the author is revealed. Based on the definitions, the author's linguistic personality is analyzed. Individual and formal features are distinguished.

S.V. Bogdashkina, O.I. Naldeeva, M.I. Savostkina

LINGUOCULTUROLOGICAL ASPECT OF STUDY MORDOVIAN (MOSHANIAN) LANGUAGE IN BASIC SCHOOL

Keywords: linguocultural aspect, speech etiquette, intercultural communication, linguistic personality, teaching, dialogue of cultures, Mordovian (Moksha) language, vocabulary with a national-cultural component of meaning.

The paper deals with the issues of multicultural education in the Republic of Mordovia. Particular attention is paid to the linguistic and cultural aspect of language learning in basic school. Questions and problems of training, methods and ways of their solution are considered, new approaches are developed.

N.V. Gabdreeva, T.V. Marшева

ELIMINATION OF LEXICAL GAPS IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Keywords: lexical gap, elimination, translation, allomorphy, language.

The paper deals with the problem of lacunarity, i.e. allomorphy of different-structured languages, as well as ways of elimination of lexical gaps at different historical stages of the development of the lexical system of different languages and the mismatch of the signs of the nomination.

М.Л. Гельфонд, О.Н. Мишчук
«ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В ТЕОРИИ ЯЗЫКА:
ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ

Ключевые слова: теория языка, прагматика, речевой акт, дискурс.

В работе представлены результаты изучения прагматического интерпретации феномена общения как синергии смысла и отношения в отечественной и зарубежной теории языка. Авторы демонстрируют междисциплинарный подход к анализируемой пограничной проблеме современного лингвокультурологического дискурса.

M.L. Gel'fond, O.N. Mishchuk
THE "PRAGMATIC TURN" IN THE THEORY OF
LANGUAGE: COMMUNICATION PROBLEMS

Keywords: children's literature, proper names, semantic groups, stylistics.

The paper presents the results of studying the pragmalinguistic interpretation of the phenomenon of communication as a synergy of meaning and relation in the domestic and foreign theory of language. The authors demonstrate an interdisciplinary approach to the analyzed problem of modern linguistic and cultural discourse.

А.Н. Гуров
О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИИ
"PARA+ИНФИНИТИВ" В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ
ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: para+инфинитив, каузация, волеизъявление, придаточное дополнительное, проспективность действия, инфинитивная конструкция.

В статье исследуется испанская конструкция para+инфинитив, которая используется в ряде стран Латинской Америки в качестве замены придаточного дополнительного предложения со сказуемым в Subjuntivo. Основное внимание уделено семантико-синтаксическим и географическим особенностям использования данной конструкции.

A.N. Gurov
ABOUT SOME FEATURES OF THE CONSTRUCTION
"PARA+INFINITIVE" IN MODERN SPANISH

Keywords: para+infinitive, causation, expression of will, subordinate additional, the prospect of action, infinitive construction.

The article examines the Spanish construction para+infinitive, which is used in a number of Latin American countries as a substitute for a subordinate additional sentence with a predicate in Subjuntivo. The main attention is paid to the semantic-syntactic and geographical features of the use of this construction.

Р.Ф. Мирхаев
ЯЗЫК ТАТАРСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ПРОЗЫ:
ОСОБЕННОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ
АНТРОПОНИМОВ

Ключевые слова: язык просветительской прозы, функциональные разновидности языка, стилистика художественного текста, социально маркированная лексика, имена собственные, антропонимы.

В статье рассматриваются вопросы изучения социально обусловленных функциональных разновидностей татарского языка, бытовавших в различные исторические периоды его развития, в частности их лексических особенностей. Цель исследования – выявление художественно-стилистического потенциала имен собственных, в частности антропонимов, а также определение степени их социальной маркированности.

R.F. Mirkhayev
THE LANGUAGE OF TATAR EDUCATIONAL PROSE:
FEATURES OF THE STYLISTIC USE OF ANTHRONYMS
Keywords: language of educational prose, functional varieties of language, stylistics of a literary text, socially marked vocabulary, proper names, anthronyms.

The article deals with the issues of studying the socially conditioned functional varieties of the Tatar language that existed in various historical periods of its development, in particular their lexical features. The purpose of the study is to identify the artistic and stylistic potential of proper names, in particular anthronyms, as well as to determine the degree of their social marking.

Л.М. Мусина
«НОВЫЕ ОПЦИИ МОБИЛЬНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ В
КАЧЕСТВЕ ПОМОЩНИКОВ ПО МЕЖКУЛЬТУРНЫМ
КОММУНИКАЦИЯМ НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Ключевые слова: Google карты, кросс-культурная коммуникация, глобализация, приложения, Индустрия 4.0.

В период технических прорывов современные технологии неуклонно помогают нам преодолевать трудности. Ранее компьютерные программы были в основном связаны с техническими сферами, а сейчас, современные аналитические базы данных способны оказать поддержку в психологии, педагогике, филологии. В данной статье мы предлагаем задействовать сервис Google Maps в качестве помощника при осуществлении межкультурных коммуникаций. Китай, на сегодняшний день, является важнейшим экономическим партнёром Российской Федерации, а также популярным туристическим направлением и страной со специфическими культурными обычаями и традициями. Для заключения важных контрактов знания исключительно предмета договора недостаточно. Китайцы, в первую очередь, обращают внимание на человека, как на личность, на его манеры, отношение к окружающим. Неправильный взгляд шаг или поступок могут привести к провалу запланированного сотрудничества или другого типа общения. Туристам также необходимо ознакомиться с основными правилами поведения в Китае, с тем чтобы избежать коммуникативных, финансовых и других проблем и стрессовых ситуаций.

L.M. Musina
NEW OPTIONS FOR MOBILE APPS AS AN
INTERCULTURAL COMMUNICATION ASSISTANTS
(CASE STUDY: PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)
Keywords: Google maps, cross-cultural communication, globalization, applications, Industry 4.0.

In the period of technical breakthroughs, modern technology steadily helps us overcome more and more challenges. However, earlier computer programs were mainly related to technical fields, and now, modern analytical databases can provide support in psychology, pedagogy, philology. In this article, we propose to use the Google Maps service as an assistant in the implementation of intercultural communication. In the study of intercultural communication, an important place is occupied by the countries of the Far East, namely China. China today is the most important economic partner of the Russian Federation, as well as a popular tourist destination for our citizens. However, China is a country with special cultural customs, traditions, and behavior. Being expert in the area is not enough to finalize an important contract. The Chinese, first of all, pay attention to a personality, to his/her manners, attitude towards others. One wrong step or deed can lead to the failure in the communication process. Tourists should also familiarize themselves with the basic rules of the appropriate behavior in China in order not to lose face, to not get into financial trouble and other types of stressful situations.

Д.А. Прусакова, С.А. Резцова
НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ

Ключевые слова: реклама, Интернет-реклама, особенности туристической рекламы, межкультурная коммуникация.

Особенностью туристической Интернет-рекламы является неосознаваемый характер предлагаемого продукта, поэтому для нее характерно широкое использование прагматических и стилистических средств. С одной стороны, вся реклама имеет определенную структуру текстов и использует похожие коммуникативные стратегии. С другой, рекламные объявления в разных странах имеют свои характерные черты, поскольку для создания понятного и привлекательного контента учитывается менталитет реципиента.

D.A. Prusakova, S.A. Reztsova
NATIONAL SPECIFICITIES OF INTERNET TOURIST
ADVERTISING

Keywords: advertising, online advertising, features of travel advertisements, cross-cultural communication.

The intangible nature of the product is the main peculiarity of Internet travel advertising; therefore, it is characterized by the widespread use of pragmatic and stylistic devices. On the one hand, advertisements worldwide have a specific text structure and employ similar communication strategies. On the other hand, advertisements in different countries have their own characteristics, since the mentality of recipients is taken into account to create understandable and attractive content.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№9 2021

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 21.10.2021

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 21.10.2021

9,1 усл.печ.л. 10,8 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 4430.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»